Б.И. ЧЕХОНИН

АВСТРАЛИЙЦЫ У СЕБЯ ДОМА

ОТ АВТОРА

Австралия не только далекая, но и сложная страна. Требуются долгие месяцы, может быть, годы, чтобы разобраться в подлинном смысле явлений, происходящих на пятом континенте. Большая часть их не лежит на поверхности. Прежде всего в глаза бросаются красоты природы, благоустроенность городов, своеобразие пятого континента. Экзотика подчас заслоняет главное. Эта книга — рассказ не об экзотике, а о буднях далекой и интересной страны, о тех проблемах, что по-настоящему волнуют австралийский народ. Разумеется, автор не ставил перед собой задачу дать всестороннюю картину положения в Австралии. И все же он надеется, что эти очерки помогут читателю лучше представить себе сложную, полную противоречий жизнь на пятом континенте.

В заключение автор хочет поблагодарить В. И. Андрееву, О. Б. Скалкина за помощь в работе над этой книгой.

Б. ЧЕХОНИН

Б.И. ЧЕХОНИН

АВСТРАЛИЙЦЫ У СЕБЯ ДОМА

Издательство
политической
литературы
Москва 1975

32И
Ч-56

Чехонин Б. И.
Ч-56 Австралийцы у себя дома. М., Политиздат, 1975.

144 с. с ил.

Книга журналиста-международника Бориса Чехонина — живое повествование очевидца об австралийской действительности.

Автор рассказывает о своеобразной истории страны, о процессах, характерных для ее экономики, о борьбе трудящихся за свои права, а также о культуре, традициях и быте австралийцев.

Книга адресована массовому читателю.

$Ч\frac{11105-285}{079(02)-75}$ 259—75 **32И**

I

ЗНАКОМЬТЕСЬ: АВСТРАЛИЯ

Итак, решено — я еду в Австралию корреспондентом ТАСС. До этого вся моя журналистская деятельность была связана с Японией, где довелось проработать корреспондентом «Известий» пять с половиной лет. На Японских островах все уже знакомо, и вдруг — неизвестная страна где-то на краю света...

Остается немного времени на предварительное знакомство с экзотической Австралией.

Лихорадочные поиски в библиотеках. Серьезных исследований, фундаментальных научных трудов на полках немало...

Чтобы проследить путь от Москвы до Австралии, надо повернуть глобус на пол-оборота. Даль! Зеленые пятна равнин, желто-коричневые горные массивы, синь океанов. Путешественнику, задумавшему преодолеть это расстояние 100—200 лет тому назад, потребовалось бы от 7 месяцев до года. В наше время скорость реактивных пассажирских лайнеров сближает страны и континенты. От Нью-Йорка до Сиднея через океан долетаешь за 12 часов, из Лондона — за 24 часа, от Москвы — почти за 40 часов. Скорости те же, просто расстояние другое. В 17 часов садишься в Москве на Шереметьевском аэродроме в ИЛ-62. Глубокой ночью самолет идет на посадку в Дели. Короткая остановка в аэропорту, чай, кока-кола по талончикам, и снова несколько часов ровного гула моторов.

В 11 утра по местному времени следующего дня — в Синга-

пуре. Воздух горячий и липкий, плюс 30, влажность около 100 процентов. Кругом какие-то синие краски. Синее море, сине-лиловые горы.

В незнакомом городе тебя встречают коллеги по профессии. Они-то и не дают заскучать в те несколько часов, что остаются до самолета австралийской компании «Квонтас». На этой двухэтажной громадине тебе суждено приземлиться на далеком континенте.

В 8 вечера снова посадка и снова бессонная ночь. Внизу острова Индийского океана, Индонезия и, наконец, с рассветом Австралия, загадочный пятый континент. Долго-долго летим над пустынями. Только утром совершаем посадку в самом большом городе Австралии — Сиднее.

Впереди — разноцветная мозаика впечатлений. А пока нечто вроде предисловия из фактов и цифр.

Тысяча фактов о пятом континенте

Австралия уникальна во многом, это и большая страна и маленький континент. По величине она почти в 32 раза больше Великобритании, «страны-матери», как до недавнего времени называли Англию австралийцы.

Австралия самый плоский континент мира. Горы и возвышенности занимают лишь 5 процентов территории. Почти две трети страны — каменистые и песчаные полупустынные пространства, поросшие колючей травой и редким кустарником.

Самый жаркий летний месяц — январь, а самый холодный зимний — июль. Значительная часть материка лежит в зоне тропического и субтропического климата. Только самый крайний юг и остров Тасмания находятся в зоне умеренного климата, хотя и там снег довольно редкий гость. В центральной части Австралии дождей не бывает по нескольку лет, а на острове Тасмания — осадки во все времена года. Обильные дожди выпадают почти на всем побережье пятого континента — в субтропиках, на западе и востоке.

Отличительная черта Австралийского континента — богатство подземными водами. Под пустынями и полупустынями на глубине от 20 до 2000 метров на-

ходятся целые моря высокоминерализованной теплой и горячей воды, которая широко используется в сельском хозяйстве и в промышленности.

Своеобразен растительный мир Австралии. Растения здесь с мощной корневой системой и узкими, жесткими листьями, как бы покрытыми слоем воска, серо-зеленоватого цвета. Наиболее распространенное дерево — эвкалипт. Австралийские ученые насчитали 450 видов эвкалипта — от небольшого кустарника до огромных деревьев высотой в 150 метров.

Австралия — «страна-убежище», здесь до сих пор сохранились «ископаемые» животные: утконос, ехидна, сумчатые — тасманский дьявол, медведь коала и кенгуру, птица кукабарра — гроза змей, черные лебеди, сороки — нахальные черно-белые птицы. На севере аборигены охотятся за крокодилами; дикие буйволы нередко уничтожают там посевы. В центральной части и на юге страны сохранилась собака динго.

Наконец, Австралия знаменита своими овцами. В 1972 году их было более 200 миллионов. Австралийские мериносы дают свыше половины всего мирового настрига. В стране царит настоящий культ шерсти: за ставками шерстяных аукционов австралийцы пристально следят, а на телевидении есть даже специальный обозреватель по вопросам шерсти. До сих пор Австралия занимает по экспорту шерсти первое место в капиталистическом мире. От цен на «мягкое золото» во многом зависит экономика страны. Еще совсем недавно — в 50-е годы говорили, что экономика Австралии «едет на овце».

Немало мировых рекордов принадлежит Австралии и в других отраслях сельского хозяйства. Пятый континент — один из основных поставщиков на мировой рынок мяса, сахара, консервированных фруктов, пшеницы.

За последние два десятилетия австралийская экономика утратила резко выраженный сельскохозяйственный уклон. Из аграрной страна превратилась в индустриально-аграрную. Бурными темпами стали развиваться самые современные отрасли промышленности. К началу 70-х годов в промышленности Австралии был занят бóльший процент населения, чем в Японии или даже Соединенных Штатах, а сто-

имость продукции, выпущенной на многочисленных фабриках и заводах страны, превышала стоимость продукции сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности, вместе взятых.

По объему внешнеторгового оборота страна занимает 13-е место в мире. Она стала крупным экспортером автомобилей. Ежегодно 60 тысяч машин вывозятся в Новую Зеландию, Южную Африку и ряд других стран. Сегодняшняя Австралия самая «автомобилизированная» страна в мире после США: на каждую тысячу человек в ней насчитывается 400 автомобилей.

Среди экспортных товаров — сельскохозяйственные машины, детали для самолетов, станки, современные средства связи и многое другое. В стране сооружается 16 больших плотин, 145 километров тоннелей, 80 километров мостов. В Австралийских Альпах близится к завершению создание каскада гидроэлектростанций Снежных гор. Проект предусматривает повернуть вспять течение Снежной реки и заставить ее нести свои воды не к океану, а в глубь страны.

Сегодня Австралия вкладывает больше четверти валового дохода в новые предприятия, атомные электростанции и машинное оборудование — в процентном отношении намного больше США и стран Западной Европы. Крупные счетно-вычислительные центры страны соединены в одну кольцевую сеть. Австралийцы открыли для себя истину: техника не только берет, но и возвращает с избытком. Именно техника помогла обнаружить в стране поистине колоссальные запасы природных ископаемых.

Австралия — второй после СССР мировой производитель свинца и третий производитель цинка. Она обладает третью мировых запасов бокситов, при этом основные их месторождения находятся почти на поверхности.

Наиболее интенсивно велась разработка железной руды в Западной Австралии и в Южной Австралии, в Тасмании и на Северной территории. К 1974 году добыча руды достигла 37 миллионов тонн.

В недрах Австралии — золото, серебро, олово, марганец, вольфрам. Компания «Квинсленд майнс лимитед» объявила об открытии на Северной территории

богатейших в мире залежей урановой руды. Австралия импортирует нефть и природный газ.

А теперь немного о людях пятого континента, об их образе жизни. В Австралии проживает 13 миллионов человек. Это одна из самых малонаселенных стран мира — 3,8 человека на квадратную милю. В 1970 году более половины населения проживало в 6 главных городах штатов и в столице — Канберре. Кроме того, в стране насчитывалось еще 264 маленьких города с количеством жителей более 2 тысяч человек в каждом.

Национальный состав Австралии неоднороден. Только за период с начала второй мировой войны сюда переселилось более 2 миллионов эмигрантов.

Говоря об особенностях, присущих австралийцам, нельзя не подчеркнуть их мужественность и предприимчивость. Английский писатель Джордж Микеш считает, что обширность страны научила австралийцев «не быть мелочными, не обращать внимания на пустяки, не волноваться из-за ерунды. Австралиец думает и говорит о вещах значительных. Он обладает проницательностью, достоинством и к тому же недюжинной физической силой».

Австралийцы очень любят свою страну. Крэг Макгрегор в своей книге «Профиль Австралии» утверждает: в мире вряд ли найдется другая страна, народ которой был бы так уверен в превосходстве своего образа жизни, в будущем национальном величии своего государства.

Мне самому приходилось убеждаться в этом. Сто́ит иностранцу сойти с трапа самолета, как его почти тотчас же спрашивают: «Как вам нравится Австралия?» Несколько позже ему уже не задают подобных вопросов, а просто говорят: «Австралия — самая лучшая страна в мире».

Книжные прилавки завалены красочными цветными фотоальбомами, воспевающими австралийскую флору и фауну. Многочисленные киоски и магазины переполнены сувенирами, и над всем этим изобилием обязательно лозунг: «Покупайте только австралийские товары».

Магазины украшены флажками с изображением созвездия Южный Крест, государственные учреждения — австралийскими флагами. В середине 60-х го-

дов правительство издало распоряжение: на всех официальных ведомствах должен быть вывешен государственный флаг.

И конечно же в любом правительственном учреждении вам напомнят, что, хотя Австралия и не великая держава, у нее есть все основания причислять себя к высокоразвитым промышленным странам, роль которых в мировой политике и особенно в экономике достаточно велика.

Австралийцы большие любители пива. По потреблению его Австралия занимает 5-е место в мире. В 60-х годах австралийцы тратили ежегодно на спиртные напитки 900 миллионов долларов, что составляет примерно 75 процентов тех сумм, которые ассигнуются государством на здравоохранение.

Жизнь австралийца, утверждают профессора Мельбурнского университета Плейфорд и Киршнер в своей книге «Австралийский капитализм», сводится к сидению перед телевизионным экраном, к футбольным матчам, игре на скачках, возне с автомашиной, ремонту и перестройке своего дома. В этом он стремится утопить думы о моральных проблемах, главном смысле человеческого существования. Большинство людей заняты такой деятельностью, которая является не чем иным, как бегством от действительности.

Плейфорд и Киршнер утверждают, что средний австралиец не ощущает потребности пополнить свой моральный багаж, вырасти духовно, он не думает о прошлом, не пытается заглянуть в будущее. Его единственная цель — суметь выжить сегодня. Австралийцы с детства привыкают считать, что основное мерило значимости человека в обществе — размеры его банковского счета, величина заработной платы, количество автомашин и их марка.

Но стричь всех австралийцев под одну гребенку было бы крайне опрометчиво. В австралийском обществе растет поляризация богатства и бедности, усилились классовые противоречия, активизируется рабочее движение, известное своими боевыми традициями, в борьбу трудящихся все больше вовлекаются прогрессивная интеллигенция, молодежь.

Ну, а теперь об истории, ведь история — ключ к пониманию народа.

Экскурс в историю

В центре Мельбурна — второго по величине города Австралии — есть утопающий в зелени двухэтажный домик. Любой турист считает своим долгом побывать в этом старинном кирпичном здании. 20 центов кассиру — и ты с интересом рассматриваешь необычные экспонаты: потрескавшийся глобус, полуистлевшие карты, особенные навигационные инструменты. Особенные потому, что ими пользовался английский мореплаватель Джеймс Кук. Впрочем, необычны не только экспонаты, но и история самого домика. Когда-то он стоял в Англии, в нем родился и вырос капитан Кук. Впоследствии благодарные австралийцы приобрели дорогую для них реликвию, разобрали по кирпичику и перевезли на свой далекий континент.

Джеймс Кук, конечно же, был великим мореплавателем. Но, если быть объективным, честь открытия Австралии принадлежит не ему. Уже в XVI веке на пятом континенте побывали португальцы, но в силу политической обстановки того времени они сохранили свое открытие в тайне. В начале XVII века у берегов далекого континента появились корабли Нидерландов. Голландец Абель Тасман в 1642—1644 годах прошел вдоль северного побережья Австралии на юг и открыл большой остров у австралийского континента, названный в его честь Тасманией. Заселение Австралии началось лишь в конце XVIII века, после того, как ее восточное побережье было обследовано экспедицией Джеймса Кука.

Английская буржуазия постаралась поскорее закрепить за собой новую колонию, так как это усиливало позиции Великобритании в южной части Тихого океана, расширяло сферу английских колониальных владений и создавало возможность эксплуатации новых территорий.

13 мая 1787 года «первая флотилия», состоящая из 9 торговых судов, 2 военных кораблей и 6 транспортов с 778 ссыльными, отправилась из Англии к берегам Австралии. 26 января 1788 года англичане прибыли в залив Порт-Джексон. Первое поселение было названо Сиднеем в честь министра колоний Великобритании. Вся политика английского правительства была направлена на создание крупного землевладе-

ния и на быстрейшее заселение Австралии. С 1788 по 1868 год на далекий континент было переправлено 157 тысяч ссыльных. Однако подневольный труд был крайне непроизводительным. В итоге правительство Великобритании разработало широкую программу привлечения белых иммигрантов английского происхождения. Только за период с 1851 по 1860 год на пятый континент переселились 600 тысяч иммигрантов.

К концу XIX века в Австралии существовало шесть независимых друг от друга английских колоний: Новый Южный Уэльс, Виктория, Квинсленд, Южная Австралия, Западная Австралия и остров Тасмания. Во всех колониях местное управление было организовано по одному типу — верховная власть принадлежала губернатору. Широко развернувшееся движение за отмену неограниченной власти губернаторов и предоставление избирательных прав населению привели к тому, что одна за другой колонии получили право на самоуправление. Каждая колония стала избирать свой парламент.

Бурное развитие промышленности, транспорта, рост рабочего движения — все это ставило в повестку дня вопрос об объединении колоний в единое общеавстралийское государство. В результате в 1900 году английский парламент принял согласованный с местными властями колоний законопроект объединения шести австралийских колоний в единую федерацию — Австралийский Союз со статусом британского доминиона. С 1 января 1901 года акт английского парламента о создании Австралийского Союза вступил в силу и бывшие колонии стали называться штатами. Каждый штат сохранил свое самоуправление — парламент, наделенный законодательной властью в пределах своей территории, и правительство.

Строительство столицы Австралийского Союза Канберры началось в 1911 году. В 1927 году все государственные учреждения переехали в Канберру.

Обо всем этом узнаешь, листая страницы книг и справочников. Ну а как выглядит Австралия в действительности? Какие черты этой сложной страны более всего сохранятся в памяти?

2

КАНБЕРРА. СТОЛИЧНЫЕ БУДНИ

Велико расстояние между Студенческой улицей в Москве, где в доме с окнами на зеленый скверик я живу, и далекой Эллиотт-стрит, на которой разместился корреспондентский пункт ТАСС в австралийской столице Канберре. Я почувствовал это сразу уже в первом австралийском аэропорту — Сиднее.

Мою семью отфильтровали от остальных пассажиров и подвели к отдельному боксу. Мужчина огромного роста внимательно изучил наши паспорта, а потом заглянул в какой-то особый список. Через две минуты нас передали с рук на руки второму чиновнику. Он был ростом пониже, но, очевидно, повыше рангом. Другие пассажиры бодро шествовали мимо в таможню, а оттуда — в зал, к толпившимся родственникам и друзьям, а нам предстояла вторая ступень иммиграционного контроля.

— Знаете ли вы, что ваша виза действительна только на месяц?

— Нет, я думал, по крайней мере на год.

— Завтра же зайдите в Министерство иностранных дел. Возможно, они сумеют договориться с иммиграционными властями.

И потом, испытующе глядя:

— Чем думаете заняться в Австралии?

— Буду работать, я корреспондент.

— Что собираетесь писать?

Это походило уже на обыкновенный допрос.

— Статьи, очерки, письма своим московским друзьям.

Он посмотрел на меня долгим оценивающим взглядом, прежде чем разрешить перешагнуть иммиграционный барьер.

В таможне люди были приветливее, они не пытались перетряхнуть наш довольно большой багаж. И все-таки характер вопросов заставлял почувствовать: здесь Австралия, а не Европа.

— Нет ли у вас с собой мясных изделий? Что это, меха? Покажите. Где и когда купили шубу, мадам? Вы обязаны ее потом вывезти.

Когда я, мокрый от всех этих процедур, пожаловался в зале другу из общества «Австралия — СССР», он сочувственно улыбнулся.

Через час — снова реактивный самолет, на этот раз маленький. Он так же быстро, как и его межконтинентальный предшественник, круто ввинчивается в небо и, едва успев лечь на курс, начинает снижаться. Там, внизу, в обрамлении гор — небольшой аэродром. По радио объявляют: Канберра. Температура плюс 20. Что же, неплохо для конца октября — второго весеннего месяца.

Канберра... Профессия журналиста помогла мне объездить многие страны. И каждая из столиц оставляла в памяти свой неизгладимый след. Париж поражал старинными улочками, толпой туристов, весельем своих вечеров. Токио не переставал удивлять контрастами: огромные здания универмагов с лифтами для доставки машин покупателей в гараж на десятый этаж — и деревянные домики жилых кварталов, ультрасовременные платья модниц — и старинные кимоно, крохотные мастерские — и заводы-гиганты.

В Канберре нет всего этого, она берет в плен какой-то патриархальностью и современным комфортом. Здесь ничто не мешает работать. Ночью в доме не слышно звуков моторов, визга тормозов, скрежета строительных механизмов, мешают разве что птицы громким пением под окном.

Гомон попугайчиков в садике будит в пять утра. Зеленые, красные, самых радужных расцветок, они слетаются сюда с восходом солнца, чтобы вместе со скворцами деловито поклевать что-то в траве. Легкий ветерок доносит запах роз и свежескошенной травы, а из-за гор встает весеннее солнце. Его свет

проникает через тюлевые занавеси в спальню, зажигает на улице желтым пламенем густые кроны цветущих мимоз, еще больше выбеливает под окном лепестки вишен.

В этот час в саду уже сидит кокки. Я так и не узнал точно, откуда прилетал к нам огромный какаду. Сын говорил, что попугай жил у австралийца, чей дом был неподалеку. Возможно, и так, кокки не боялся людей. Стоило мне появиться в саду, как пернатый гость слетал с сушилки для белья, где вместо орехов щелкал деревянные защепки, и садился на протянутую руку. Кокки хитрый, он знает, что его ожидает лакомство. Отведав его, он улетал дальше — к соседям.

В эти ранние часы в парадную дверь нашего дома кто-то рвался сразмаху. Если дверь оказывалась запертой, этот «кто-то» громко, бесцеремонно скреб ее лапой.

Я знаю, что это ирландский сеттер Джулиус. Сосед — полковник — уехал в Сингапур командовать воинской частью, а собаку оставил сыновьям. Тех же одолевают заботы поважнее: спортивные машины, которые они часами ремонтируют, друзья, жены, дети.

Джулиус энергично крутит хвостом, приглашая в ближайший лес на прогулку. В лесу его поджидает масса соблазнов: птицы в высокой бурой траве, кролики — за ними можно с лаем побегать — и утреннее купанье в пруду за колючей проволокой офицерской школы.

Мы идем по еще пустынной Эллиотт-стрит мимо каменных коттеджей, японской сакуры, русской черемухи и белоствольных берез. Через несколько минут асфальт сменяет песчаная дорожка. Кругом серый эвкалиптовый лес, сбрасывающий зимнюю кору. Дорожка взбирается на гору, к танку — памятнику австралийским солдатам, павшим в годы первой и второй мировых войн. Отсюда Канберра просматривается, как с самолета. Немного воображения — и вот уже нет зарешеченных окон военного министерства внизу, островка высотных билдингов центра, а перед тобой предстает первозданная красота этого горного уголка, еще 200 лет назад волновавшая первых поселенцев из далекой Европы,— яркая зелень

солнечной долины в кольце фиолетовых горных вершин.

Впрочем, современных австралийцев не обвинишь в неразумном отношении к природе. Человек построил здесь густую сеть бетонных дорог, заполнил город автомашинами. Но он же исключил из черты столицы все заводские трубы, позаботился о зелени, цветах и воде.

В Канберре фотографу трудно сделать панорамный снимок города — слишком далеко друг от друга разбросаны кварталы. Между ними парки, поля для гольфа и огромное озеро Барлей-Гриффин. Лет пятьдесят назад на месте озера протекала узенькая речка, утопавшая в зарослях ивняка. Человек построил плотину, вырыл котлован, и речушка превратилась в озеро, чьи берега не окинешь взглядом. Чтобы обойти искусственный водоем, потребуется не менее дня. Да и всякий ли сумеет пройти за день тридцать миль?

Воды озера бороздят яхты, а в центре его на семидесятиметровую высоту бьет фонтан «Джеймс Кук». Алмазный шлейф фонтана стелется над озером, водяная пыль обдает камни, которые когда-то были частицей моста Ватерлоо в Англии, а теперь, привезенные сюда, превратились в гранитное основание моста, переброшенного через озеро. Миллионы брызг долетают до людей на берегу, преграждают путь несущимся над озером черным бакланам.

У фонтана «Джеймс Кук» на озере есть соперник по красоте — башня-звонница Карилон. Бетонные плиты, соединенные воедино, взметнулись в небо трехгранным столбом. Лаконичность решения впечатляет, так же как и звонкая переливчатость колоколов — творчество народных умельцев.

Как свободно дышится в этих местах! Весной пары бензина поглощает зелень. Летом в город беспрерывно стекает с гор прохладный воздух, он уносит бензиновую гарь. Недаром советские люди, которых судьба забрасывает сюда, прозвали Канберру Кисловодском.

Пора, однако, назад. На лужайке перед домом меня ожидает объемистый рулон австралийских газет. Их бросают сюда на полном ходу из машины ровно в 6.30 утра.

Газеты. Они — окно из Канберры в большой и далекий мир. Из них узнаешь, что творится в Москве, Лондоне, Нью-Йорке, Сиднее и даже... у нас на Эллиот-стрит.

Как странно и непривычно узнавать о том, что творится рядом с тобой, из газет! Дома в Канберре не отгорожены глухими заборами, зато есть другая изгородь, и она пострашнее высоких заборов. Но об этом позже, а сейчас о политической жизни Австралии, которой газеты посвящают много страниц.

Кто управляет страной

Канберра — это резиденция английского генерал - губернатора, представителя английской королевы Елизаветы II. Но власть королевы — чистая символика, дань традициям. В действительности же законодательную и исполнительную власть в Австралии осуществляет парламент и подотчетное ему правительство.

Генерал - губернатор открывает парламентскую сессию, он характеризует обстановку в стране и за рубежом, излагает основное содержание законопроектов, намеченных для обсуждения.

Иногда парламент посещает сама английская королева, правда, не так уж часто. В 1954 году Елизавета II открыла очередную сессию австралийского парламента, появившись в сопровождении своего мужа герцога Эдинбургского. И хотя королева редко бывает в Австралии, ее портрет непременно увидишь во всех государственных учреждениях, в парламенте, даже во многих магазинах.

Парламент состоит из двух палат — сената и палаты представителей. 60 сенаторов (по 10 от каждого штата) избираются сроком на шесть лет (через каждые 3 года состав сената обновляется наполовину). Через следующие 3 года наступает очередь второй половины.

Сенат обладает некоторыми законодательными правами, но не может вносить на рассмотрение парламента законопроекты, связанные с денежными ассигнованиями, и предлагать к ним поправки. Не принимает сенат участия и в формировании кабинета.

Согласно конституции палата представителей — законодательный орган — избирается сроком на три

года. Лидер политической партии или коалиции партий большинства получает право сформировать правительство.

Австралийские газеты много пишут о трех основных политических партиях страны — лейбористской, либеральной и аграрной.

В настоящее время у руля правления находятся лейбористы, но политическое лицо послевоенной Австралии формировалось либеральной и аграрной партиями, которые в течение 23 лет, вплоть до 1972 года, руководили страной.

Либеральная партия только по названию либеральная. Сущность этой партии, сменившей за свою историю немало названий, раскрыл еще в 1913 году В. И. Ленин: «...Так называемые австралийские либералы, это — консерваторы» [1]. С точки зрения структуры и политической платформы либеральная партия — копия английской партии консерваторов. Это партия крупного капитала, она защищает интересы австралийских и иностранных монополий, проводит антирабочую, антикоммунистическую политику.

Руководство партии не публикует данных о социальном составе и численности своей политической организации. Однако не секрет, что среди ее членов — сотни видных промышленников, высокопоставленных и среднего ранга чиновников, наконец, мелкие собственники и даже представители рабочей элиты. Партия имеет хорошо организованные отделения на местах в каждом австралийском штате. Размеры ее финансового бюджета — предмет зависти остальных политических партий страны. Отделения партии располагают широкими полномочиями по сбору дополнительных средств в партийную кассу и в финансовом отношении независимы от центрального партийного аппарата.

Вторая буржуазная партия Австралии — аграрная. Она основана в 1916 году. В ее уставе записано, что основная задача партии — «представлять и отстаивать интересы фермеров в парламенте». Как показывают опросы общественного мнения, проведенные в 70-х годах австралийской прессой, партия до сих пор пользуется значительным влиянием среди сель-

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 290.

ского населения, в том числе среди жителей небольших провинциальных городков, так или иначе связанных с сельским хозяйством. Аграрии хорошо организованы. Отделения партии имеются во всех штатах, кроме Тасмании. На протяжении 16 лет, вплоть до 1972 года, аграрная партия входила в состав правящей коалиции вместе с либералами. Ее программа по вопросам внешней и внутренней политики практически полностью совпадала с программой либеральной партии.

Лейбористская партия — крупнейшая в стране по числу членов. Основанная в 1891 году, она за свою долгую историю прошла сложный путь. До 1972 года лейбористская партия три раза формировала правительство, но каждый раз не могла долго удержаться у власти.

Великая Октябрьская революция оказала большое воздействие на политическую обстановку в Австралии. Желая сохранить свое влияние в рабочем классе, лейбористы приняли в 1922 году так называемую программу «социализации производства, распределения и обмена». Практически лейбористы ничего не сделали для претворения в жизнь этой внешне радикальной программы.

После провала попытки национализировать в 1947 году банки руководство лейбористов вычеркнуло из программы требования национализации какой-либо из отраслей промышленности.

В 1955 году крайне правое крыло лейбористов вышло из рядов партии и оформилось в самостоятельную Демократическую лейбористскую партию. К началу 1970 года эта партия насчитывала 18 тысяч членов и пользовалась поддержкой крупного капитала, католической церкви и профашистских организаций типа «Национального гражданского совета Австралии». В настоящее время ДЛП не располагает депутатскими мандатами в парламенте.

Операция «выборы»

В Москве на моем столе лежат австралийские газеты 1972 года. На одной из фотографий — женщина средних лет. Она рекламирует свои платья и улыбается через силу — две недели осталось ей до родов. Нелегко вот так говорить с корреспондентами,

часами вертеться под вспышками блицев. «Повернитесь анфас, пожалуйста!», «Возьмите дочку и сына на руки!», «Поцелуйте покрепче мужа!»

Десятки просьб выстреливаются словно из пулемета, с утра до позднего вечера с небольшим интервалом на обед. В другой раз она прогнала бы журналистов. Соня Макмагон имеет на это право, жене премьер-министра Австралии дозволено быть суровой с прессой. Но сейчас нельзя: через месяц парламентские выборы. На них решается и ее судьба, судьба первой леди пятого континента.

В зеркале Соня видит пигментные пятна на своих осунувшихся щеках, морщинки — их уже не замажешь кремом. Ей тяжело ходить и еще тяжелее стоять. А тут приходится менять платья перед камерами фотокорреспондентов: кружевное с кремовой крупной розой, спортивный костюм из джерси, белое летнее в крупный черный горошек. «Ничего сверхъестественного,— оценивает свой гардероб Соня.— У меня все просто. Простота — критерий моего вкуса».

И тут же «в порыве откровенности» сообщает корреспондентам: «Я и мой муж не хотим покупать одежду для будущего малыша, к нему перейдет все от старших сестер или братьев». Точно рассчитанная на избирателей реплика. «Средний австралиец» имеет дом и машину, но экономит на питании и одежде.

Другой казалось бы, незначительный эпизод предвыборной кампании. Помнится, как в раннее октябрьское утро 1972 года у меня в квартире настойчиво зазвонил телефон. Чертыхаясь, схватил я трубку и услышал голос Барри Эверингема. Сон словно рукой сняло: Барри влиятельный журналист; он давно уже стал для премьера «своим человеком», записывающим его радиоинтервью.

— Есть идея. Почему бы Вам не присоединиться вместе с нами к предвыборному турне премьера? Месяц путешествия по Австралии, и ни цента из кармана. Все оплатит правительство. Согласитесь, неплохая мысль?

Мысль и впрямь рисовалась на первый взгляд заманчивой.

Однако пришлось отказаться — в предложении Барри угадывался тактический ход. Смотрите, един-

ственный (в то время) советский корреспондент в Австралии и тот решил отправиться в турне с Макмагоном.

Разумеется, руководство правящих партий Австралии накануне декабрьских выборов 1972 года принимало и по-настоящему искусные меры, нацеленные на то, чтобы ловить избирателя не в одиночку, а тралом, с целью обеспечить партиям правящей коалиции дополнительные голоса.

Куда подевался в те дни хваленый критический запал австралийской прессы. Попробуй пожури-ка правительство, когда его судьба и без того на волоске. Тут не до игры в объективность. Так по крайней мере считала четверка, что контролирует всю австралийскую прессу. Четверка — это владельцы шахт миллионеры Хэнкок и Питер Райт, финансист и транспортный король Гордон Бартон и бизнесмен на так называемой чистой газетной почве Максуэл Ньютон. С мнением этих четырех не спорят даже те журналисты, чьи имена известны широкому австралийскому читателю. Они хорошо знают старую истину: музыку заказывает тот, кто платит. А репортерам, что бегают в погоне за новостями, в предвыборный год платят щедро: 300 австралийских долларов в месяц; обозревателям за оптимистические колонки по поводу исхода голосования — от 800 до тысячи долларов; редакторам и того больше.

В накладе не остаются и сами хозяева прессы. 2 тысячи долларов — цена рекламы одной газетной полосы. А сколько заняли под рекламу аграрии и либералы таких вот газетных полос? Канберрские журналисты не скрывали: оплачивается не только реклама, но и политический курс газеты. Стоимость? Сотни тысяч долларов в год.

Австралийские журналисты не жалели красок. «Правительство Макмагона доказало, что оно провело наибольшее количество реформ по сравнению с любым другим правительством за последние двадцать три года», «Голосуйте за либералов!», «Либералы должны выиграть, говорит большинство избирателей».

Это аншлаги крупнейшей газеты «Эйдж», претендовавшей на репутацию серьезной, «объективной» газеты. Когда-то и она выступала с критикой прави-

тельственной политики, и вдруг — такой крутой предвыборный поворот.

Пресса рекламировала избирателю членов кабинета партий правящей коалиции, как жевательную резинку. Либералы «проходились паровым катком рекламы» по страницам газет независимо от их содержания и направления. Газеты расписывали их взгляды, печатали фотографии, рассказывали о женах и даже о любимых собачках. «Политика либералов даст вам и вашей семье массу дополнительных источников дохода»,— провозглашала «Санди миррор». (Рядом печатались дневник сексуального маньяка, репортаж об убийстве, десятки снимков обнаженных девиц.)

На политическую рекламу нужны были деньги, и пресса не скрывала: международные нефтяные корпорации «Стандард ойл», «Калтекс», «Эссо», «Шелл» тоже подкинули правящей партии немалые средства. Одна из газет не выдержала: «К чему расходовать эти деньги на приобретение голосов, попробуйте лучше израсходовать их на социальные нужды». Но картелям нужны были голоса, а не благотворительность. Как тут не бросить спасательный круг либералам. Удержать их на плаву в минуту опасности — значит увереннее держаться и самим.

Деньги в наш век значат многое, но всего они не решают. Как-то на страницах «Кэнберра таймс» разорвалась политическая бомба: ее парламентскому корреспонденту стало известно — предвыборную стратегию для правящих буржуазных партий вырабатывают американские картели.

В один из дней 1972 года в парламентском кабинете премьера собрался узкий круг доверенных людей — двенадцать министров и руководителей либеральной партии. Тринадцатым был представитель американской фирмы «Мак Кинси энд компани». Фамилия американского гостя осталась неизвестной широкому кругу австралийцев — встреча носила секретный характер, но газеты подробно рассказали читателям, чем занимается компания «Мак Кинси» и по каким делам приехал в Австралию ее представитель.

«Мак Кинси» специализируется на консультациях сильным мира сего. Клиентами этой фирмы были два

кандидата в американские президенты, католическая церковь, Би-Би-Си, «Дженерал электрик», «Фольксваген». За три месяца работы фирма «Мак Кинси» взимала гонорар в 150 тысяч долларов. В Австралии она пошла на уступки: оценила в 40 тысяч долларов стоимость консультаций для правящей либеральной партии.

Трудно объяснить, чем была вызвана такая уступка, может быть, желанием закрепиться на Австралийском континенте. Эту историю сделал достоянием гласности один из участников секретного совещания, возмутившись намерением фирмы рекламировать только Макмагона, а не всех членов правительства.

Итак, иностранцы прочно заняли место у руля предвыборной кампании. Не случайно кампания приобрела прямо-таки американский размах.

Австралийского премьера теперь рекламировали уже по инструкции целого мозгового центра. Среди членов мозгового центра были пресс-секретарь — талантливый журналист, в недавнем прошлом главный редактор солидной газеты,— умеющий писать такие речи, что выбивают слезу; лучший из австралийских фотографов-портретистов, способный схватить на пленку тот «единственный впечатляющий» кадр; наконец, знаменитый телевизионный комментатор и режиссер — кумир миллионов зрителей.

Телережиссер честно отрабатывал свой гонорар в 15 тысяч долларов из фондов правящей партии. На службе у Макмагона он буквально творил чудеса.

...В загородной резиденции либеральной партии собрались работники телестудии. С озабоченными лицами они ожидали, когда начнется ответственная передача — предвыборный боевик.

Проходит час, полтора, наконец с лестницы, что ведет на второй этаж, слышатся шаги. Это он, глава кабинета. Боже, что с ним стало за последние 60 минут! В холле перед камерами старый, бледный и худой человек. За этот час он словно бы потерял половину веса. Вид у премьера такой, будто все заботы мира легли на его плечи. В зале шепот: «Молодчина гример, он отлично справился со своей задачей».

Молодой теледиктор спешит к премьеру.

— Камеры, скорее! Внимание, передача!

— Ульям Макмагон,—звучит с экранов вкрадчивый голос,— любит простых австралийцев. Вы помните, еще недавно он выглядел плотным человеком. Посмотрите, что с ним стало сейчас...

Диктор замолкает для того, чтобы австралийцы смогли внимательнее рассмотреть главу государства.

— Как признал недавно г-н Макмагон,— слышится с экрана, он теряет в весе всякий раз, когда цифры безработицы вновь растут. Взгляните на него и вы поймете: он переживает за вас.

Диктора сменяет хор девушек. С экрана льется бодрая песенка:

Если вы без работы и грустите,
Приободритесь, Уильям худеет и думает о вас!

В подобных телешоу недостатка не было. По пять часов осматривал премьер заводы в Сиднее, и каждый его шаг демонстрировался на голубом экране.

Машина доставляла премьера на крупное предприятие легкой промышленности. Премьер пожимал руки рабочим, обещал повышение заработной платы, процветание стране. На лицах умиление, улыбки: посмотрите, какой демократ наш премьер-министр.

Гаснет телеэкран, предвыборное шоу закончено. Пора в машину. Его давно дожидаются бизнесмены, собравшиеся в клубе, на приватный обед. Там разговор пойдет не для публики, а по существу.

О чем шла речь за закрытой дверью делового клуба в тот день? Через две недели «секрет» стал общеизвестен: деловые люди убеждали главу правительства либералов и аграриев не надеяться на прессу и телевидение, а ударить по сознанию избирателя более весомо — новым государственным бюджетом на 1972/73 год.

И вот бюджет разработан. «Чтение газет мне вновь доставляет удовольствие»,— сказал министру финансов в правительстве Макмагона один из сенаторов.— Продавайте, скорее продавайте бюджет избирателю, не теряйте драгоценных минут».

В бюджете и в самом деле было что продавать: десятипроцентное сокращение подоходного налога, увеличение ассигнований на пенсионное обеспечение, образование и жилищное строительство.

И вот настала суббота 2 декабря 1972 года. Она выдалась в Австралии жаркой, но автомобильные стоянки у пляжей и парков больших городов остались полупустыми. Около 7 миллионов австралийцев отправились к избирательным урнам. Голосование в Австралии обязательное, за уклонение закон предусматривает 10 долларов штрафа. Но при всем том, конечно, не страх стал главной причиной активности избирателей на этих парламентских выборах.

Как вскоре выяснилось, реклама, щедро оплаченная либералами и аграриями, на этот раз не сработала. Когда счетные машины подвели итоги, страна узнала: лейбористская партия завоевала 67 мандатов из 125; соединенные силы либералов и аграриев — 58. Немалый успех, если учесть, что в палате представителей предыдущего созыва на 66 либералов и аграриев было 59 лейбористов.

В чем же была причина такого исхода выборов?

Думается, избиратели поддержали предвыборный лозунг лейбористов: Настало время для перемен.

Экономика — политический динамит

Мне запомнился март 1972 года. На зеленом ковре лужайки за окном моего рабочего кабинета в Канберре, образовались узоры из красных лепестков олеандра. С каждым утром их становилось все больше, словно кто-то невидимый по ночам гасил огоньки цветов и равнодушно бросал их на мокрую от дождя изумрудную траву.

Март в южном полушарии — предвестник по-своему холодной, но бесснежной зимы. Первыми в Канберре пожелтели мелкие листья берез, потом вечерами, когда в небе зажигаются тысячи незнакомых русскому человеку звезд, с гор подул ледяной ветер. Он загулял без помех среди низкорослых домов, заставляя жителей австралийской столицы укрываться вторым одеялом.

В канберрской осени 1972 года было много и других примет. Еще в середине февраля — последнего месяца лета — по столичным улицам засновали большие черные лимузины. Их пассажиры, министры и члены парламента, наскоро решив в Канберре дела, спешили в Сидней и Мельбурн к семьям, к ночной

жизни больших городов, к яхтам и белой волне прибоя. Все хотели «продлить лето».

Постепенно лимузины стали реже отправляться в пробеги. Они, как на зиму речные суда у причалов, застывали «на приколе» в правительственных гаражах.

Политические лидеры страны знали — осень 1972 года будет особенной. Она принесет не только холода, с ее приходом в столице возрастет накал политических страстей, и этот накал не позволит даже в субботу поехать в Сидней к семье или за 200 миль к океану, который почти до самой зимы отдает прибрежным пальмам, магнолиям и людям, приехавшим на уикенд, аккумулированное за долгое лето тепло.

В первое осеннее воскресенье Джон Гордон сыграл на канберрской звоннице негритянскую песню-молитву «Никто не знает, какие несчастья я пережил». Пожалуй, эта грустная мелодия прозвучала тогда своеобразным символом трудностей и болезненных разочарований, с которыми в начале 70-х годов пришлось столкнуться канберрцам и всем австралийцам.

Еще недавно многие австралийцы склонны были считать себя «неотъемлемой частью» Великобритании. Но эпоха английских подарков, равно как и экономической помощи, уже миновала. Мать для Австралии стала мачехой, она предпочитала теперь укреплять тесные экономические связи с «чужими», но географически близкими странами «Общего рынка», хотя это и шло в ущерб давним имперским связям с пятым континентом.

Лидер австралийской аграрной партии сэр Дуглас Антони, говоря о значении вступления Англии в «Общий рынок», как истый и к тому же получивший английское воспитание джентльмен, сумел взять под контроль свои отрицательные эмоции. «Некоторые отрасли австралийской экономики,— только и сказал он,— будут существенно затронуты».

Я помню, как, выступая по телевидению Макмагон, заметно сердясь и волнуясь, заявил: «Экономика нашей страны стабильна, у нас нет оснований беспокоиться за ее будущее. Оборона — вот, что станет во главе угла выборов».

Спустя три месяца со страниц австралийских газет и телевизионных экранов зазвучали иные песни. «Мы находимся перед лицом такой критической ситуации, с которой наша экономика не сталкивалась долгие годы», — резюмировала газета «Острэлиан файнэншл ревью» — орган деловых кругов. Забил тревогу и весьма осведомленный журнал «Фокус» — издаваемый Демократической лейбористской партией, «Сейчас экономика в Австралии — политический динамит»,— так озаглавил он передовую статью.

Если перевести высказывания прессы на язык статистики, то получалась следующая картина: в 70-х годах уровень инфляции возрастал ежегодно на 9,2 процента, а количество безработных уже в январе 1972 года составило рекордную за десять лет цифру — 130 тысяч человек.

Ничего серьезного, пытались успокоить людей министры либералы. Положение в нашей экономике лишь отдельный фрагмент — причем написанный не самыми мрачными красками — из общего для западных стран полотна.

И все-таки австралийцы били тревогу не зря. Важен был не только текущий момент, еще более важными представлялись тенденция, перспектива, а они, как и наступившая осень, не сулили Австралии улучшения экономической погоды.

Что же привело к экономическому спаду? Главных причин было несколько. Кризисные явления в экономике США и связанные с ними меры по «защите» американского доллара, потрясения мировой валютной системы, вступление Англии в «Общий рынок» и ликвидация особых преимуществ для австралийских сельскохозяйственных продуктов на Британских островах — все это, если не нокаутировало австралийскую экономику, то изрядно ее потрепало. Процветающей Австралии внезапно пришлось пожинать горькие плоды кризисных явлений в капиталистическом мире. И вот результат: цены, безработица, инфляция выросли в стране до уровня «политического динамита», опрокинув внезапно все прогнозы политиков из правящей партии и оттеснив другие проблемы выборного года на второй план.

Проблемы богатой Австралии

«Именно растущая пропасть между богатством и бедностью должна озаботить наше общество. Верно, конечно, что капитализм в состоянии добиться существенного материального прогресса. Но верно и то, что капитализм не может справедливо распределять в обществе плоды этого прогресса», писал австралийский еженедельник «Нэшнл таймс».

Бедность в Австралии не сразу бросается в глаза, особенно если ты недавно приехал в Канберру и живешь впечатлениями от утонувших в розах особняков. Где они, эти бедные? Однажды мне показали, так сказать, «задний двор» столицы. За стеклом автомашины мелькали бараки для эмигрантов — ряды железных домиков, где на площади в шесть квадратных метров жили семьи по пять человек. Газета «Канберра ньюс» как-то обследовала 100 таких металлических домиков. «Что же заставляет людей жить в невыносимых условиях?» — задавался вопросом корреспондент. И тут же отвечал себе: «Инфляция, цены на землю».

Жизнь постепенно раздвигала рамки первых впечатлений.

На центральной площади Канберры, куда вечерами по пятницам в магазины съезжаются горожане, у фонтана играет оркестр. Музыканты в форме Армии спасения как-то нехотя, по-казенному дуют в большие трубы, а потом одетые в такую же темно-синюю форму женщины с равнодушными лицами обходят с кружкой толпу зевак. Собирают для «сирых, убогих и бедных».

В сиднейском Гайд-парке, как в лондонском, крупные надписи предупреждают у входов: для собак тут полное табу. И все же для огромного белого лабрадора по кличке Золотой Николай здесь сделано исключение. Пес сидит у железнодорожной станции святого Джеймса с табличкой: «Помогите, пожалуйста, детям из сиротского дома Дэлвуд». Добродушный и терпеливый пес собрал 2 тысячи 300 долларов.

Астралийцы любят собак, в стране немало обществ защиты животных. Если собака случайно попадет под колеса автомашины, водителя затаскают по судам. Но кто защитит пятилетнего Стефана и

трехмесячную Шерон — двух детей безработного Нейла Вуда,— защитит не от лихача-автомобилиста, а от бедности, голода и нищеты? Разве что тот же самый пес Золотой Николай...

Беседуя с Нейлом, начинаешь понимать всю мелочность иных, порой надуманных, переживаний, обид. У Нейла действительно настоящее горе. Мозг ежедневно буравит мысль: чем накормить детей. И так сегодня, завтра, и кто знает, сколько это продлится.

— Ну, а пособие по безработице? — спрашиваю у Нейла.

— Его не хватает на жизнь. Пособие — 34 доллара в неделю, 25 из них уходят на квартплату; как прокормить, одеть семью из четырех человек на остальные 9?

Мне запомнилась очередь безработных в Мельбурне. В тот день с неба сыпалась дождевая крупа. Резкий, замешанный на дожде ветер с моря загонял прохожих в подземку, трамваи, такси. И только людям в очереди он, казалось, был нипочем. Женщины с детьми, мужчины с хмурыми лицами и большими рабочими руками стояли, тесно прижавшись друг к другу. Им нельзя было уходить — через час открывалась заветная дверь. Там, за ней, их ждали талоны на продовольствие. Ждали, правда, не всех. Сперва требовалось заполнить анкету: сколько месяцев без работы, велика ли семья, точное местожительство. Лишь на следующий день, проверив анкеты, благотворители раскошеливались на бесплатные продовольственные талоны. Шесть — восемь долларов на семью. Ненадолго — на день, два в доме появится еда, а потом снова «жизнь на грани голода». Благотворители раскошеливаются не часто.

«Жизнь на грани голода». Не преувеличивают ли австралийские журналисты, употребляя это выражение? Ведь есть же в стране система социального обеспечения, пособия по безработице.

Люди в очереди отвечали односложно. Кому хотелось беседовать с иностранным корреспондентом? Еще ославит тебя на весь мир! Ответ на этот вопрос, причем детальный и достоверный, мне удалось получить позднее в том же Мельбурне из материалов социологических исследований.

По данным Мельбурнского института прикладной экономики и социальных исследований, пособие по безработице для семьи с одним ребенком составляет всего лишь 52 процента официально установленного «уровня бедности»; для холостых — 37 процентов.

По прогнозам ученых, 60 миллионов человек могли бы жить в полном достатке, будь в Австралии иные методы распределения национальных богатств.

Статистика называет лишь число лиц, находящихся близко к черте бедности, да и то по-разному: от 1 до 3 с половиной миллионов человек.

Пусть будет не 3 с половиной миллиона и даже не 1 миллион. Пусть будет меньше — я лично хотел бы, чтобы статистика ошибалась,— но куда денешься от фактов! 5 тысяч бездомных мельбурнцев спят зимой и летом на пляжах, в парках, в пустых железнодорожных вагонах и заброшенных, аварийных домах. В Сиднее бездомные предпочитают район порта, где, кстати, есть и ночлежка какой-то религиозной общины. Но ночлежка способна дать кров всего полсотне людей.

В Мельбурне в благотворительном центре Хэнновер мне пришлось присутствовать на беседе. Со служащей центра в маленькой комнате разговаривал пожилой человек.

— Бедность? Нет, меня угнетает больше другое — страх перед болезнью. Вы не узнаете настоящую меру бедности, пока вас не свалит с ног какая-нибудь болезнь.

Я знал, это были не пустые слова. В Австралии, когда с тобой происходит несчастье, даже люди, имеющие работу, залезают надолго в долги. Опыт подсказывал, что даже пустяковая медицинская помощь обходится дорого.

У моей дочери заболели зубы, вернее, чуть распухла десна. Доктор Бат принял ее у себя в кабинете и деловито осмотрел. Приговор был лаконичен: удалим все молочные зубы, они мешают расти постоянным зубам. Возражать было бесполезно. Доктор Бат дал решительно понять: или зубы принесут ему в жертву, или нам откажут в приеме. Отыскать хорошего доктора в австралийской столице не просто. Так Наташу положили в больницу, где под общим наркозом мистер Бат самолично удалил ей 8 молочных

зубов. Счет: 150 долларов — мистеру Бату, 30 долларов — анестезиологу. Вскоре очередь дошла до моих зубов. Тут на горизонте замаячила цифра повнушительнее 500 долларов. Пришлось отказаться от услуг доктора и повременить с лечением зубов до Москвы.

Доктор Бат был не простым врачом, а врачом, идущим в ногу со временем. В Австралии широко известно, что от 40 до 60 процентов всех медицинских операций в стране не продиктовано необходимостью. В основе их лежит стремление врачей обеспечить себе дополнительный гонорар. И доктор Бат не был исключением.

Доктор Аткинсон, который рекомендовал мне мистера Бата, был терапевтом. Ему, как и Бату, не откажешь в профессиональном мастерстве, внимательности к пациенту. Но Аткинсон «увлекался» лекарствами. Он выписывал их чуть ли не килограммами.

«О, будьте прокляты, врачи-фармакоманы!» — писали австралийские газеты. И надо сказать, писали не зря. Старинная поговорка «здоровье не имеет цены» в Австралии воспринималась по-иному. Здоровье имеет здесь цену, и весьма внушительную. Двухнедельное пребывание в больнице обходится австралийцу дороже авиабилета до Англии и обратно.

Фармакомания... В чем ее истоки? Ответ прост: аптекарь выплачивает долю прибылей тем докторам, которые посылают к нему больных.

Врачи-фармакоманы — винтики огромной машины. Управляют же этой машиной монополии по производству лекарств, крупный, преимущественно заокеанский, капитал, который с помощью правительства либералов и аграриев сумел подмять под себя фармацевтическую промышленность. Оружием монополий, их «ударной силой» в борьбе за австралийского потребителя лекарств были реклама, усыпление профессиональной чести врача с помощью долларовых инъекций — метод, оправдавший себя в США и на рынках западноевропейских стран.

Агенты фармацевтических монополий действовали не всегда тонко, но зато напористо. Самых перспективных и дорогих врачей ловили на приманку бесплатных семейных круизов в Новую Зеландию или Европу. Потребителя завоевывали рекламой. Австралийцы вставали и ложились в постель под песенку

о дисприне, что излечивает от всех бед. Чудо средство изгоняло грипп и простуду, головную боль и мало ли что еще. А главное — его можно было купить на любой бензоколонке. Можно купить и сейчас, хотя установлено точно: для почек дисприн губителен. Какое дело до этого монополиям? Они наживают доллары. По количеству потребляемых лекарств австралийцы теперь обогнали многие нации мира.

В Австралии считается обеспеченным тот, кто проживает в рассрочку купленном доме.

Признаюсь, в Канберре мы с женой не делали покупок в кредит. Но из многих рекламных проспектов, что почти ежедневно бросали в наш письменный ящик, мы отлично знали: жизнь в кредит — дорогая вещь. Предположим, семье потребовалось купить трехсотдолларовый холодильник. В магазине за наличные его отдают со скидкой — за 270 долларов. Вы хотите в рассрочку? Пожалуйста, можете выплачивать за него два года, но он будет стоить вам уже 360 долларов. От 20 до 100 процентов налога — таковы условия продажи в кредит. Констатируя эту истину, крупная вечерняя газета «Геральд» признавала: «В австралийском обществе чем вы беднее, тем больше платите».

Ну а бюджет среднего австралийца, из чего складывается он? Я много беседовал на эту тему с профсоюзными деятелями. Как рассказали они, типичная семья в Австралии — из четырех человек: отец, мать и двое детей. Предположим, глава семьи квалифицированный рабочий с заработной платой в 300—350 австралийских долларов в месяц. Квартирная плата в Канберре — около 150 долларов в месяц. Правда, дом из четырех или пяти комнат. Вы захотели снять дом поменьше? Дома меньшей площади почти не строят. Питание обходится в 80—100 долларов. Остальные деньги тратятся на одежду (мужской костюм 60—100 долларов, ботинки — 15—40 долларов), на оплату газа, электричества, коммунальных услуг, наконец, на взносы за купленный в рассрочку дешевый автомобиль (3 тысячи долларов). Попробуйте обойтись без него в Канберре!

Если у вас собственный дом, купленный в рассрочку, то положение тоже не лучше. 25—30 тысяч долларов надо выплатить в среднем за 20 лет.

Ребенок пошел в школу. Если хотите, чтобы у него были хорошие шансы на поступление в университет, вы, конечно, отдадите его в частную школу. Здесь отличные педагоги и прекрасно поставленное обучение. Плата в год — сотни долларов.

Почему в таком случае не работает мать? Работает, если есть специальность, выросли дети (детских садов в Австралии видеть не приходилось) и если можно найти работу. Та семья, где двое приносят домой заработную плату, прямо скажем, живет неплохо. Ну, а если нет, то получается, как у Роба.

Роб — электрик по специальности. Чтобы выплатить ссуду за свой небольшой домишко, он выбивается из сил. С 9 утра до 5 вечера Роб занят в Сиднее, на своей основной работе. В 6 он возвращается домой в пригород, ужинает и через час укладывается спать. В половине третьего утра Роб уже на ногах. До 6.45 ему предстоит обежать 250 домов и разнести молоко. Позавтракав, Роб уезжает в 8 утра на работу в город. Жена остается дома с детьми. Кроме забот по хозяйству ей надо привести в порядок «молочную» бухгалтерию Роба, выписать счета.

Я спросил у Роба, как идут дела с выплатой долгосрочной ссуды. Оказалось. Роб пока даже не мечтает о собственном доме. Очень много непредвиденных трат. Например, заболела дочь — 200 долларов врачу. Роб понимает, что он — как бегун в конце марафонской дистанции. Порой не хватает дыхания, в глазах темно, кажется, еще секунда — и свалишься с ног, но мозг пронизывает отчаянная мысль: что будет с детьми? И он, выбиваясь из сил, бежит дальше.

Таких, как Роб, в Австралии называют мунлайтерс (полуночники). Видимо, потому, что им приходится работать при свете луны. Сколько их? Ответить можно лишь приблизительно. Большинство скрывает свою принадлежность к категории мунлайтерсов. По одним подсчетам, каждый двадцать пятый сиднеец вынужден браться за любую ночную работу, по другим — каждый пятнадцатый. Поисками второй работы вынуждены теперь все чаще заниматься даже чиновники — представители еще недавно привилегированного сословия и, конечно, люди умственного труда. Чиновников можно встретить в Сиднее за рулем ночного такси. Сценарист Дуг, сообщает сидней-

ская газета «Дейли телеграф», днем работает барменом, ночью мойщиком машин. Его жена — гид для иностранцев и заправщица на бензоколонке.

Более 50 докторов наук, сообщила «Сидней морнинг геральд», откликнулись на объявление о конкурсе на замещение вакантной должности профессора Сиднейского университета по теоретической физике. Другой пример: доктор химических наук предложил свои услуги 30 различным учреждениям. Только 4 из 30 согласились принять его, и то лишь для собеседования.

Не будем утрировать, говоря о материальных трудностях австралийцев. Они разные, эти трудности. Одни пекутся о работе и хлебе, другие при кажущемся внешнем материальном благополучии живут в бесконечных заботах о разных выплатах, боятся заболеть, потерять работу, и мало ли что омрачает им жизнь, струной натягивает нервы, заставляет отказывать сердце. Недаром инфаркт в Австралии — убийца номер один. И если это не ново для Европы, то для Австралии это, безусловно, новое явление.

...Итак, безработица, дорогое медицинское обслуживание, жизнь в кредит и, конечно, инфляция. Не случайно поэтому о ней постоянно твердят с парламентской трибуны, пишут на разные лады в прессе. «Инфляция — вор, который обкрадывает всех». Правда, этот вор отбирает у одних меньше, а у других больше. Подчеркивая именно эту особенность инфляции, крупная газета «Эйдж» писала в начале 70-х годов: «Инфляция — самый безжалостный из воров. Она обкрадывает в первую очередь тех, кто перед ней беззащитен». Обесценение денег прежде всего бьет по карману неорганизованных в профсоюзы низкооплачиваемых рабочих, снижает жизненный уровень пенсионеров, вдов, тех, кто существует на разного вида пособия.

Передо мной статья из авторитетного английского журнала «Экономист». Ее автор Брайан Бидхэм еще в 1970 году рисовал австралийцам радужные перспективы на будущее. Он писал: в 70-е годы австралийцев ждет «устойчивое повышение, по крайней мере на три процента в год, уровня жизни каждого мужчины, женщины и ребенка». Однако жизнь не оправдала этот оптимистический прогноз.

С молотка — страна?

Тот, кто строил австралийскую столицу Канберру, видимо, любил памятники. В центре города у здания министерства обороны высится, пожалуй, самый большой в стране монумент: на огромном железобетонном столбе широко распластал свои крылья орел. Этот памятник австралийцы воздвигли в знак признательности Соединенным Штатам за избавление страны от японских милитаристов. Не решившись в начале 40-х годов оккупировать страну, концерны Японии пытаются теперь утвердиться на пятом континенте, захватывая ключевые позиции в экономике.

Мне не раз приходилось видеть, как на телевизионных экранах появлялась фигура модно одетого японца — широкий галстук, цветной платок в кармане приталенного пиджака. Это был Сидзуо Сайто — посол Японии в Австралийском Союзе. Г-н Сайто бил все рекорды дипломатической популярности. Он умело убеждал австралийцев в том, что в экономических отношениях обеих стран наступил качественно новый этап.

Присоединение Англии к «Общему рынку», меры США по «защите» американского доллара, валютный кризис на Западе — все это болезненный удар по экономическим интересам Японии и Австралии, говорил он, который заставляет нас по-новому оценить значение и перспективы дальнейшего развития взаимного экономического сотрудничества.

Австралийцы и раньше знали, что их страна занимает второе место после США в обеспечении Японии жизненно необходимыми товарами и, главным образом, сырьем. Например. В 1972 году Австралия поставляла Японии почти 100 процентов необходимого для ее промышленности алюминия, 50 процентов бокситов, 40 процентов железной руды, 35 процентов коксующегося угля, 84 процента шерсти. На сырье обменивались японские готовые промышленные изделия.

Знали австралийцы и то, что японцы ежегодно вкладывают в экономику их страны десятки миллионов долларов, главным образом в разработку полезных ископаемых. Недаром журналисты все чаще писали о пятом континенте как о японском горно-

рудном карьере. Уже в начале 70-х годов более 50 крупных японских компаний и фирм являлись полными или частичными владельцами десятков предприятий в Австралии, начиная от горных рудников и угольных шахт до заводов по производству молний и шариковых ручек. Японские капиталы были вложены в такие гигантские проекты по разработке полезных ископаемых, как «Маунт ньюмен», «Севидж ривер», «Роб ривер», «Дампиер солт». 20 японских компаний предложили в 1972 году австралийцам 210 миллионов долларов на разработку месторождений природного газа в штате Западная Австралия — как полагают, самых крупных в мире. И только к парламентским выборам 1972 года большинство избирателей поняло, что сырье продают все дешевле, а платить за готовые изделия японской промышленности приходится все дороже.

Статистика в 1971 году свидетельствовала о том, что в своем стремлении поглубже внедриться в австралийскую экономику японцы не одиноки. Более того, их значительно опережали монополии Англии и США. Американцы, например, инвестировали в экономику Австралии в несколько раз больше, чем их японские союзники.

«Австралийцы скоро станут в своей собственной стране гражданами второго сорта, если мы не положим конец хозяйничанию иностранных монополий в экономике». Эти слова Эварда Джона, видного политического деятеля Австралии, точно отражают действительность.

С 1950 по 1970 год доля иностранной собственности в австралийской экономике почти удвоилась, увеличившись с 19 процентов до 35. Если обратиться к 1968 году, когда в последний раз были опубликованы официальные данные о проникновении иностранного капитала в отдельные отрасли австралийской экономики, то уже тогда иностранный капитал контролировал производство автомобилей на 89 процентов, прокат цветных металлов — 83,6 процента, нефтеперерабатывающую промышленность — на 81,6 процента, химическую на 78 процентов. Подсчитано, что в 1972 году каждые две недели иностранный капитал прибирал к рукам в Австралии одно крупное предприятие или фирму.

Около 700 миллионов долларов прибыли получили в 1971 году зарубежные монополистические объединения от эксплуатации австралийских национальных богатств.

В предвыборном 1972 году в стране резко возросло число трудовых конфликтов. Их участники требовали не только повысить заработную плату, но и положить конец засилью в экономике страны иностранных монополий.

Бесклассовое общество?

Некоторые австралийские социологи и многие политические деятели особенно любят поговорить о так называемом бесклассовом обществе. В конце 60-х годов, незадолго до своей трагической гибели, премьер-министр Австралии Гарольд Холт заявил корреспонденту газеты «Острэлиан»: «Я не знаю в мире другой такой свободной страны, где бы так справедливо распределялось все, что производится обществом, среди его членов». Ему вторил премьер правительства штата Новый Южный Уэльс Роберт Аскин: «В Новом Южном Уэльсе нет бедных, так же как и очень богатых. Наше общество — бесклассовое общество».

В то же время австралийские газеты почти ежедневно сообщают об экономических и политических стачках рабочего класса, борющегося за свои жизненные интересы и права.

Для рабочего класса страны характерна высокая степень организованности. Так, в 1970 году при общей численности занятых в промышленности, транспорте, торговле, сфере обслуживания 4 миллиона 340 тысяч человек в профсоюзах состояло 2 миллиона 314 тысяч. В 1972 году в стране насчитывалось 303 отдельных профсоюза. В последние годы наблюдается тенденция к объединению профсоюзов. Самая многочисленная и влиятельная организация трудящихся — Австралийский совет профсоюзов.

Отличительная черта профсоюзного движения Австралии — его боевой характер. Австралийские рабочие завоевали право на восьмичасовой рабочий день еще в 1885 году. В настоящий момент продолжительность рабочей недели — 40 часов, однако трудящиеся вынуждены широко прибегать к сверхурочной работе. На протяжении ряда лет профсоюзы вы-

ступают с требованиями о борьбе с безработицей, с ростом цен и налогов, против засилья иностранного капитала в экономике Австралии.

Трудящиеся решительно протестовали против агрессии империалистических сил в Индокитае.

Прогрессивные профсоюзы выступили за развитие связей с ДРВ, против ядерных испытаний Франции в Тихом океане, против политики апартеида, проводимой расистами Южной Африки, и против поддержки расистского режима Смита в Южной Родезии.

С 1920 года в Астралии существует Коммунистическая партия. На протяжении десятилетий она успешно выполняла роль авангарда рабочего класса, решительно защищая интересы трудящихся.

В 1963 году из КПА была исключена раскольническая группировка Э. Хилла, пытавшаяся навязать партии промаоистский курс. Но с середины 60-х годов в политической линии партии произошел поворот. Новое руководство КПА широко открыло двери троцкистским и леворадикальным элементам, стало сползать на антисоветские позиции.

Значительная часть коммунистов Австралии выступила против такого политического курса руководства, за возрождение подлинно пролетарской партии, и в 1971 году создала Социалистическую партию Австралии, основывающую свою деятельность на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

В настоящее время СПА имеет свои партийные организации во всех штатах и крупнейших промышленных центрах Австралии.

Мне запомнились встречи в Сиднее с председателем партии Патриком Клэнси. Типичный австралиец, крепкий, остроумный, неунывающий. Говорит спокойно, деловито, убеждая своего собеседника аргументированностью, логичностью своих доводов. За его плечами опыт многолетней работы с массами в профсоюзах.

В дождливый сентябрьский день 1972 года я был среди корреспондентов, которые хотели встретиться с делегатами учредительного съезда СПА. После заседания корреспондентам разрешили войти в зал, где собрались десятки рабочих, старых и молодых, зна-

комых и незнакомых, из Сиднея и отдаленных мест Австралии, представителей самых различных социальных слоев и профессий. В их беседах с корреспондентами чувствуется уверенность в правоте своего дела: ведь их призыв нашел отклик среди других честных коммунистов-интернационалистов. Они реалистически оценивают возможности левых сил страны вести широкую и эффективную борьбу за единство трудящихся, активно воздействовать на политику лейбористской партии, полны решимости помешать попыткам консервативных партий вернуться к власти.

На съезде были приняты программа и устав. Цель СПА — строительство социализма в Австралии. В специальной резолюции СПА одобрила документы и материалы международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года.

В настоящее время функционеры СПА ведут работу в трудных условиях. Против них выступают с клеветническими вымыслами мелкие троцкистские и промаоистские группки, приверженцы политики нынешнего руководства КПА. Но несмотря на это влияние коммунистов-интернационалистов растет.

Что же, однако, послужило бывшему премьер-министру Гарольду Холту и премьеру штата Новый Южный Уэльс члену либеральной партии Роберту Аскину поводом для утверждений об «отсутствии» в Австралии классов? Это прежде всего расслоение рабочего класса, значительный рост категории людей, занятых в сфере обслуживания, на чем буржуазные социологи и политики строят многие свои теоретические спекуляции.

Один из показателей глубоких социальных изменений в структуре австралийского рабочего класса после второй мировой войны — быстрый рост категории «белых воротничков». Численность этой категории рабочих росла в два раза быстрее по сравнению с остальными категориями и составила к 1970 году 60 процентов от 5 миллионов 322 тысяч австралийских трудящихся. В недалеком будущем, предсказывают специалисты, процент «белых воротничков» еще более увеличится. Автоматизация приводит к резкому сокращению рабочей силы на предприятиях, в то время как в области сбыта продукции, работы

над улучшением ее качества, в сфере обслуживания потребность все в новых и новых специалистах растет. Опросы института Гэллапа, проведенные на пятом континенте, показали, что 50 процентов австралийцев причисляют себя к так называемому «среднему классу» — категории, выдуманной буржуазными социологами с целью затушевать процесс дальнейшей классовой поляризации буржуазного общества.

Если говорить о том, кто же относит себя в Австралии к «среднему классу», то это в первую очередь служащие, привилегированные категории квалифицированных рабочих, фермеры средней руки, мелкие торговцы. «Средний класс» — основной плательщик налогов в государственную казну. Если говорить о материальном уровне жизни «среднего класса», то он, как и повсюду в стране, разный.

Значительная часть этой категории австралийцев живет в долг, обеспечивая себе «материальное счастье» в кредит. Дети посещают государственные школы, где обучение бесплатное. Большинство из них получает среднее образование. В университет поступают лишь немногие.

К 1970 году задолженность австралийцев при покупке товаров в кредит достигла 1 миллиарда 400 миллионов долларов. Инфляция, экономический спад 1971—1972 годов больно ударили и по интересам этих трудящихся в Австралии, значительно снизив уровень их жизни. Не случайно поэтому и среди представителей так называемого «среднего класса» растет стремление к организованному отпору наступлению монополий. Так, в 1972 году Австралия стала свидетелем мощных стачек пилотов за повышение заработной платы, в результате которых было парализовано воздушное сообщение на многих линиях страны, и широкого движения учителей, чьи профсоюзы призвали своих членов голосовать на парламентских выборах против правой коалиции либеральной и аграрной партий. Эти боевые выступления «белых воротничков» — показатель дальнейшего сближения их интересов с интересами рабочего класса в целом. Так в стране создается основа для боевого единства рабочего и профсоюзного движения, так рушатся теории о «бесклассовом» австралийском обществе и о затухании классовой борьбы.

Хроника «бензинового кризиса»

Иллюстрации боевого единства трудящихся Австралии? Одной из них был драматический «бензиновый кризис». В моем журналистском дневнике этот кризис расписан по дням.

5 марта. В шесть утра, как всегда, на лужайке перед домом — газеты. Холодный осенний дождь барабанит по крыше и по серому толстому рулону газет. Жена готовит черный кофе, а я не спешу забрать рулон: разыскиваю зонтик, резиновые сапоги. Сын не выдерживает: «Папа, торопись, газеты промокнут!» Нет, не промокнут. Они в виниловой упаковке, так что им не страшен никакой дождь.

Сегодня, пожалуй, нечего передавать в ТАСС.

Быть может, подойдет это? «Эйдж» сообщает: рабочие нефтеперерабатывающей промышленности готовятся предъявить свои требования зарубежным нефтяным гигантам «Эссо», «Шелл», «Мобил ойл», «Калтекс». Нет, пожалуй, не стоит. Только готовятся...

5 апреля. 48 требований в списке, предъявленном сегодня профсоюзами хозяевам нефтяного бизнеса. Главное из них — повышение заработной платы в неделю на 20 долларов. Нефтяные монополии дали обещание рассмотреть требования.

10 апреля. Радио сообщило: нефтяные компании намерены отказаться от переговоров с профсоюзами о повышении заработной платы. Члены правительства в неофициальных беседах с руководством компаний договорились: на уступки рабочим идти не следует. Повышение заработной платы нефтяникам, дескать, может вызвать цепную реакцию — забастовки в других отраслях промышленности.

Газеты, как по команде, тотчас же забили в колокола «общественного» недовольства. Забастовка нефтяников приведет к «бензиновому кризису» и явится, мол, серьезным ударом по интересам прежде всего «человека с улицы». Во время экономического спада любой трудовой конфликт не оправдан, ибо он подрывает и без того шаткие позиции предпринимателей.

Шаткие? Сегодня в канберрском отделении Австралийского совета профсоюзов мне назвали следую-

щие цифры: в 1971 году нефтяные компании получили 71 миллион долларов прибыли, 61 миллион из них пришелся на долю большой тройки — «Эссо», «Шелл» и «Мобил». Если полностью удовлетворить требования рабочих и повысить им заработную плату на 20 долларов в неделю, то все повышение за год составит всего лишь один миллион долларов. Согласитесь, говорили мне профсоюзные работники, компании не останутся в убытке — 70 миллионов долларов по-прежнему будут идти им в карман.

Я согласился. Но иностранные нефтяные монополии придерживаются иной точки зрения. Они никак не хотят терять этот миллион. Тем более, что за их спиной поддержка правительства Макмагона.

2 июня. Полтора месяца рабочие пытались договориться с администрацией. Сегодня у нефтяников двух штатов — Виктории и Квинсленда — лопнуло терпение. Около тысячи человек объявили забастовку протеста.

Первая тысяча. Присоединятся ли к ним остальные три? «Если да,— пишет газета «Эйдж»,— то страну поразит самый острый политический и энергетический кризис. Сегодняшнее выступление нефтяников может послужить опасной искрой. Мы накануне социального взрыва, когда рабочие всех отраслей, возмущенные инфляционными тенденциями в экономике, могут нарушить перемирие в промышленности. С другой стороны, правительство Макмагона, кажется, уже приняло решение воспользоваться предстоящей забастовкой для расправы с профсоюзным движением».

Профсоюзы на этот раз столкнутся с могущественным противником. И не только с правительством, в первую очередь с международными монополиями. Решающую роль в противоборстве с рабочим классом Австралии возьмет на себя известная тройка — «Эссо», «Шелл» и «Мобил».

«Эссо» — самая богатая в мире нефтяная империя. Ее собственность оценивается в 19,2 миллиарда долларов. В 1971 году она получила только в Австралии 27,7 миллиона долларов прибыли. «Мобил» — вторая по величине нефтяная компания в Соединенных Штатах Америки. Ее прибыль в Австралии в 1971 году составила 7,9 миллиона долларов.

30 июня. К бастующим Квинсленда и Виктории присоединились нефтяники остальных австралийских штатов.

10 июля. Три дня назад на бензиновой колонке в районе Кэмпбелл, где я регулярно заправляю машину, появились огромные щиты-объявления: «Бензин отпускается только постоянным клиентам!» Вчера их заменили на другие — «Дневная норма для наших клиентов — 2 галлона бензина». Сегодня хозяин предупреждает: «Прошу извинить, бензина нет».

В протокольном отделе австралийского МИДа, куда я обратился с просьбой помочь в получении бензина, ответили отказом. Дипломаты и иностранцы, мол, получают бензин на общих основаниях. Общие основания — это ночи напролет в очереди за бензином.

У австралийцев весьма небогатый выбор: или сутками стоять в очередях, или покупать горючее у спекулянтов в 10 раз дороже. А стоимость бензина в Австралии и без того велика. В городе привычными стали случаи кражи бензина. Полиции удалось арестовать лишь немногих «бензиновых воров». Владельцы автомобилей вынуждены срочно обзаводиться специальными крышками с замками для бензобаков. На дорогах появились брошенные машины, у которых внезапно кончилось горючее. Тысячи людей в австралийской столице вышагивают километры пешком в свои оффисы и учреждения...

В этот день арбитражная комиссия, куда за третейским решением обратились рабочие-нефтяники, вынесла решение: обязать предпринимателей нефтяной промышленности «удовлетворить» требование профсоюзов, повысит заработную плату вместо 20 долларов в неделю на 2 доллара 80 центов.

19 июля. Генеральный арбитр и министр юстиции Мур сделал новый жест в адрес профсоюзов, накинув 80 центов прибавки. Теперь нефтяникам предлагают увеличить недельный заработок на 3 доллара 60 центов. «Явное издевательство. Позиция, занятая министром в отношении бастующих, не что иное, как провокация»,— отреагировала на предложение Мура профсоюзная пресса.

Итак, провокация? Похоже на это. В крупнейшем промышленном штате Новый Южный Уэльс резко

сократились движение транспорта, подвозка продовольствия и других товаров первой необходимости.

В штате Квинсленд объявлено: через неделю 300 тысяч рабочих окажутся без работы. Сегодня отменены авиарейсы между Канберрой, Сиднеем и Мельбурном. Десятки поездов застыли без движения у железнодорожных платформ.

Печать развернула кампанию травли нефтяников. И все-таки в канберрском пресс-клубе — Парламентской галерее сегодня стало известно, что в адрес премьера поступили сотни телеграмм с просьбами оказать содействие быстрейшему решению затянувшегося конфликта. Телеграммы остались без ответа. Премьера в столице нет. Он за сотни миль от Канберры, в Аделаиде. Третий день проводит в студии на берегу моря, известный художник Ивор Хеле пишет его портрет.

Да и к чему беспокоиться главе правительства? Все пока идет по заранее разработанному сценарию. Тем более, что в разработке сценария принимали участие представители трех зарубежных нефтяных монополий. Сегодня стало известно — Макмагон действует в их интересах отнюдь не бескорыстно: нефтяная тройка внесла в предвыборный фонд партий правящей коалиции особенно крупную сумму.

24 июля. Генеральный арбитр Мур заявил о своем отказе от посредничества в решении конфликта до тех пор, пока нефтяники не выйдут на работу. Вместе с тем он предоставил право компаниям обратиться в арбитражный суд с иском против профсоюзов на общую сумму штрафа в 336 тысяч долларов. Мур сказал, что пойти на такой шаг его заставило тяжелое положение с топливом в стране. Но министр юстиции не ответил при этом на вопрос, почему он собирается наказать только профсоюзы. А как же с нефтяной тройкой, той самой, что открыто саботировала предложения профсоюзов, направленные на скорейшую выработку взаимоприемлемых условий в целях прекращения конфликта?

Нефтяные компании намеренно нагнетают напряженность. Они окончательно похоронили предложение Хока, председателя Австралийского совета профсоюзов, возобновить производство топлива для неотложных нужд промышленности страны. Вместе с тем

руководство компаний отвергло предложение профсоюзов о переброске топлива из нефтехранилищ к нуждающимся в нем заводам.

30 июля. Сегодня воскресенье. На этот раз скучный, унылый для австралийцев день. Никуда не выберешься из дому. Машины по-прежнему на приколе. Единственное развлечение, когда к тому же закрыты все магазины,— телевизор. Тем более, что вечером по телевидению со специальным обращением к народу выступит Макмагон.

Вот оно, знакомое лицо, на телеэкране. Премьер сегодня волнуется больше обычного. «Если забастовка будет продолжена, возникнет угроза массовой безработицы,— говорит он.— Правительство намерено сделать все от него зависящее, чтобы защитить интересы народа и прекратить конфликт». Макмагон обещает созвать внеочередную сессию парламента и бросить против бастующих войска. Такого Австралия не видела уже несколько десятилетий.

1 августа. «Угроза премьера созвать чрезвычайную сессию парламента,— отмечает сегодня газета «Эйдж»,— не что иное, как попытка драматизировать ситуацию и нажить таким образом политический капитал накануне выборов».

Роберт Хок, председатель Австралийского совета профсоюзов, в свою очередь заявил корреспондентам о намерении выступить вечером по телевидению с сенсационным и документальным разоблачением сговора правительства и нефтяных монополий. «Я представлю всем австралийцам секретные магнитофонные записи переговоров членов правительства с представителями нефтяной тройки»,— сказал он.

Обстановка все более накаляется. Ясно, что если Хок сдержит свое обещание, правительству в предвыборный год не сдобровать.

Вечером вся Австралия с нетерпением ждала обещанной передачи. Передача состоялась, но Хок так и не выполнил обещания. Он заявил, что сегодня воздержится от разоблачений «в интересах быстрейшего решения конфликта». Очевидно весь день шел закулисный политический торг, и зтот торг не кончился к вечеру.

2 августа. Генеральный арбитр Мур неожиданно выступил с предложением возобновить посредниче-

ство между бастующими и предпринимателями, дав понять профсоюзам, что сделает дальнейший шаг навстречу их требованиям. Профсоюзы приняли предложение Мура и решили возобновить работу. Крупнейшая забастовка закончилась компромиссом.

3 августа. Итак, компромисс. Кто выиграл и кто проиграл? Правительство из кожи лезет вон, чтобы доказать австралийцам свою правоту. Но факты говорят об обратном. Поражение кабинета Макмагона признала даже консервативная пресса. Вот заголовки ее передовых: «Макмагон поскользнулся на нефти», «Нам необходимо лучшее правительство». Те же газеты раскрывают тайны правительственной стратегии. Макмагон и члены его кабинета, указывает печать, с помощью этого конфликта не только хотели восстановить общественное мнение страны против профсоюзов и связанной с ними лейбористской партии, но и рассчитывали путем отказа от удовлетворения требований профсоюзов о повышении заработной платы переложить на плечи трудящихся все бремя инфляции и экономического спада.

Правительственный план не сработал. Арбитражная комиссия в конце концов оказалась вынужденной повысить заработную плату нефтяникам вместо 2 долларов 80 центов на 8 долларов с условием, что в 1973 году к этой сумме будет добавлено еще 5 долларов. Но главное, конечно, было в другом. Сорвался сговор правительства и иностранных монополий, резко упала популярность кабинета Макмагона в глазах общественности. Сегодня даже многие правые профсоюзы рекомендуют своим членам голосовать на выборах в парламент против кандидатов от либеральной и аграрной партий.

Конец «особых отношений»

Коалиция либералов и аграриев потерпела поражение на выборах 1972 года не только потому, что избиратели были недовольны экономическим положением и засильем иностранного капитала в стране. Большую роль сыграл и крах внешней политики правящей коалиции.

Десятилетиями правительства Австралии придерживались принципа: никогда не действовать самостоятельно, а безоговорочно солидаризироваться с

«великими и могущественными друзьями Австралии».

С 1 января 1901 года — момента создания Австралийской федерации — и на протяжении первых четырех десятилетий нашего века Австралия поддерживала тесные военные и политические союзнические отношения с Великобританией. Но в 1941 году английское правительство отказалось прийти на помощь Австралии перед лицом угрозы японских милитаристов. В этот период премьер-министр Кэртен опубликовал за своей подписью статью, где заявил, что отныне Австралия устремит свои взоры к Америке.

«Это заявление,— указывал американский журнал «Каррэнт хистори»,— положило начало тесным связям Австралии и США в области обороны и международных отношений, которые на протяжении 30 лет считались главным элементом австралийской внешней политики».

В 50-х и 60-х годах правители Австралии придерживались курса, который многие обозреватели и критики называли «рабским подражанием» внешней политике США. Кроме того, они открыто демонстрировали свои претензии на «руководящую роль» в югозападной части Тихого океана и в Юго-Восточной Азии. Правительство либералов и аграриев вступило в агрессивные военные блоки, в том числе АНЗЮС и СЕАТО.

Готовность безоговорочно следовать политике США привела к отправке австралийских войск в Корею и во Вьетнам. На территории Австралии Пентагон разместил свои военные базы.

Положительные сдвиги на международной арене убедительно диктовали необходимость коренного пересмотра внешнеполитического курса консервативного правительства Австралии. Однако кабинет Макмагона вплоть до парламентских выборов 1972 года не хотел считаться с велением времени и пересматривать свой курс. Было заявлено, что Австралия не только не станет выходить из агрессивных военных блоков, но и укрепит свои вооруженные силы, а также увеличит военную помощь некоторым проимпериалистским режимам Юго-Восточной Азии.

Более того, правительство Макмагона развернуло антисоветскую кампанию под предлогом, что «при-

сутствие» советских кораблей в Индийском океане якобы угрожает национальным интересам Австралии. Муссируя «вопрос о русской угрозе» в Индийском океане, Макмагон не предпринимал никаких шагов, направленных на улучшение межгосударственных отношений с Советским Союзом.

«Австралийские политические деятели,— указывал в этой связи влиятельный еженедельник «Санди Острэлиан»,— зачастую бывают уверены, что для победы на парламентских выборах им нужен враг».

Следует подчеркнуть, что, несмотря на географическую отдаленность наших стран, в Советском Союзе всегда придавалось большое значение всестороннему развитию политических и экономических отношений с Австралией. И потому, что это выгодно обоим государствам, и потому, что советско-австралийские дружественные связи представляли бы собой важный элемент разрядки напряженности в Юго-Восточной Азии и в районе Тихого океана.

Вопреки противодействию правых сил Австралии, к началу 70-х годов в советско-австралийских отношениях наметились положительные сдвиги. Австралию посетили некоторые советские министры. В Советском Союзе также побывали австралийские государственные и политические деятели. Стали активно развиваться торговые связи между нашими странами. В 1965 году обе страны заключили торговое соглашение, по которому предоставили друг другу режим наибольшего благоприятствования, что, естественно, способствовало росту торговли. Австралийский экспорт в Советский Союз с тех пор увеличился почти вдвое и в 1971/72 финансовом году составил 90 миллионов долларов.

В порядке культурного обмена в Австралии гастролировали Ансамбль народного танца СССР под управлением И. Моисеева, группа балета Большого театра, ансамбль «Березка», хор имени Пятницкого, Государственный цирк СССР и другие коллективы.

Крепли связи между учеными и между научными учреждениями обеих стран, в частности в области изучения Антарктики.

В нашей стране побывали австралийские артисты, художники, писатели. Расширился взаимный обмен туристами.

Однако развитие советско-австралийских отношений сталкивалось с целым рядом трудностей, и в первую очередь с обструкцией со стороны правых сил. Правительство либералов и аграриев, нагнетая антисоветский психоз, хотело оправдать в глазах австралийцев рост военных расходов, предоставление США двух новых военных баз на австралийской земле, решение о посылке военных инструкторов в Камбоджу для обучения лонноловских солдат.

Такие попытки определять внешнеполитический курс Австралии, не считаясь с изменившейся международной обстановкой, национальными интересами страны, могли вызвать только недовольство у рядового избирателя.

«Если правительство будет цепляться за прежний путь, — писал, например, известный политический обозреватель Брус Грант,— это приведет Австралию к изоляции. Дивиденды подобной внешней политики сомнительны и внутри страны. Можно долго вводить в заблуждение многих людей, но и этому приходит конец».

В противовес правящей коалиции лейбористская партия выступила на выборах 1972 года с новой политической программой, отвечающей требованиям времени.

Австралия больше не будет сателлитом Соединенных Штатов,— провозгласил ее лидер Гоф Уитлем.— Австралия больше никогда не позволит вовлечь себя в авантюру типа вьетнамской войны... Австралия немедленно употребит все возможное влияние с целью содействия в урегулировании вьетнамской проблемы... Мы проявим бóльшую активность в ООН...

Очевидно, такая политическая программа лидера лейбористов более импонировала избирателю, нежели практически изживший себя курс партий правящей коалиции. Таковы лишь вкратце политические истоки перемен в настроениях австралийских избирателей, которые привели к падению коалиции либералов и аграриев.

Где для жителя Канберры начинается дорога в любой австралийский город? Конечно, на Нортборн-авеню, у Центрального почтамта. Отсюда идет отсчет миль, отсюда ленты бетонных, а потом грунтовых дорог протянулись через горы, песчаные пустыни и тропики до далеких окраин пятого континента.

Это для австралийца. Для советского журналиста любое путешествие по Австралии начинается с просьбы. Хочешь выехать? Будь любезен отстукать три экземпляра заявки, указать маршрут, точную дату, время отъезда и возвращения назад. Через двое суток звонок из протокольного отдела австралийского МИДа. Любезный голос: «Приезжайте, пожалуйста, заявка готова». Это значит, что на ней уже поставлены круглая печать и подпись начальника отдела, сообщено в специальные органы. И эти органы заботливо, как малыша нянька, проводят тебя через города по маршруту следования до самого Сиднея.

3

ДНИ И НОЧИ СИДНЕЯ

...До Сиднея 300 километров пути. Машина мчится по прямой среди лугов с колючей бурой травой, овечьих отар и одиноких эвкалиптов. Потом крутой поворот на Иллавара-хайвей и сразу — яркие краски садов и пшеничная желтизна полей. Вскоре открываются более захватывающие красоты: машина врывается в лиано-пальмовые субтропики. Врывается и тут же резко замедляет свой бег. Опасно: горная дорога. Здесь нет возможности

смотреть по сторонам, только успевай лавировать на узком серпантине. Из-за крутых поворотов то и дело выныривают огромные грузовые «мерседесы». Попробуй зазевайся — они раздавят твой «холден».

Спуск окончен, мы в Вулангонге. И хотя до Сиднея считанные мили, здесь нельзя не остановиться — слишком велик соблазн. Город? Он красив — его домики протянулись на тридцать миль по берегу океана и утопают в цветах и зелени. Общий вид не портит даже завод. Он целиком изолирован от жилых районов.

Вулангонг колоритен. Здесь живут и работают люди из 36 стран. Эмигрантская судьба везде одинакова: самое трудное производство, горячие цеха, работа в полторы-две смены.

В этом городе приятно сделать кратковременную остановку, с тем чтобы услышать славянскую речь, плотно закусить краковской колбасой, российским сыром на ломте вкусно пахнущего хлеба и даже сибирскими пельменями. Для желающих — наисвежайшие устрицы. Это уж на австралийский манер.

И затем два часа на пляже. Пляжи прекрасные, прямо с рекламного плаката. Бесконечно длинные ленты белого песка и волна океанского прибоя. Молодые парни и девушки смело входят в волну, а потом на специальной доске в туче брызг несутся к берегу. Отсюда не хочется уезжать. Так бездумно и лежал бы на песке, любуясь молодостью, океаном, белыми чайками, что стали почти ручными. Однако дела плюс утвержденная программа поездки настойчиво гонят обратно в автомобиль.

Короткий рывок по прямой вдоль синего океана, опять поворот к синеющим вершинам, подъем, как взлет, на этот раз по широкой автостраде, а там, на горном кряже, в туманной дымке уже маячат контуры небоскребов. Приехали. Сидней.

Гулливеры и лилипуты

Традиционный мотель «Флорида Тауэрс». В нем для советского журналиста всегда найдут свободный номер. В отеле все знакомо: улыбчивые девушки за стойкой приемной, любезный управляющий-ирландец. И конечно, неизмен-

ное правило администрации записывать на пленку телефонные разговоры советских гостей.

Ирландец сидит у себя в кабинете, дирижируя сложным хозяйством мотеля. Звонит телефон. Джон берет трубку, и лицо его расплывается в улыбке:

— Австралийского или французского? Ну конечно, французское лучше, но оно значительно дороже... Хорошо, сейчас принесут французское. Охлажденное.

Джон тут же набирает какой-то номер. Шампанское будет доставлено максимум через десять минут.

У управляющего много работы — занят почти круглые сутки. Как правило, он и ночует здесь, в кабинете. Сотни больших и малых дел, им никогда не видно конца. В условиях, когда компания сокращает до минимума количество обслуживающего персонала, работа управляющего нелегка, у него порой нет времени даже пообедать.

Признаюсь, мне нравится недорогой мотель. Здесь нет шпионских телевизионных камер, которые следят за постояльцами в гостиничных коридорах и номерах. Можно не опасаться, администрация не будет разглядывать, чем ты занимаешься в данную минуту, кто пришел к тебе, не попортил ли ты имущество отеля. Впрочем, австралийцы народ привычный к шпионским камерам. Иногда они мило шутят — поднимают бокал и чокаются с телевизионным глазком.

Необычны в мотеле и номера. Из гостиной, где стоит телевизор и два раскладных дивана, лестница ведет в спальню. В таком двухэтажном номере без труда может разместиться семья из четырех человек. Кухня сияет начищенными кастрюлями и тщательно вымытой посудой. Постояльцы отеля избавлены от необходимости питаться в дорогих ресторанах; сходил в супермаркет, купил продукты — и готов нехитрый обед. Преимущества «Флориды Тауэрс» особенно заметны ранним утром. Пока ты сидишь на балконе в удобном кресле с чашкой крепкого бразильского кофе, внизу радует взгляд голубое пятнышко бассейна в рамке молодых загорелых тел, а чуть подальше — огромная синяя гладь залива Рашкаттерс-бей. На его волнах усталыми чайками отдыхают яхты из разных стран. И над этим всем — теплое австралийское солнце. Его лучи отражаются в

окнах небоскребов, слепят глаза теннисистам на кортах почти у кромки воды.

Здесь, на морском берегу, особенно отчетливо понимаешь, как далеко шагнула в послевоенные годы Австралия, каких успехов добилась она в экономике, технике и особенно в области архитектуры и градостроительства. Впечатляют небоскребы Рашкаттерсбея — гулливеры среди окруживших их индивидуальных домиков-лилипутов. Неподалеку и более масштабное зрелище: сиднейский Сити с его шеренгами высотных зданий в 30—50 этажей — будто сказочный космодром с устремленными в небо гигантскими ракетами.

Небоскребы, бесспорно, украшение Сиднея, финансовой и промышленной столицы Австралии, самой урбанизированной страны мира, где 90 процентов населения живет в городах. Вот одно из семейства высотных зданий — «Острэлиа-сквер тауэр». 50 этажей, 3300 окон, 19 скоростных лифтов. Стоимость небоскреба — 30 миллионов долларов.

В считанные секунды лифт доставляет экскурсантов на 44-й этаж. Здесь смотровая площадка, отсюда Сидней как на ладони. Внизу зеленый Гайд-парк, причалы порта с океанскими лайнерами, огромный мост через залив с восьмирядным движением машин, двумя линиями электрички и, к тому же, тротуарами для пешеходов. А дальше на юг и север протянулся гигантский город, уходящий за горизонт.

С 44-го этажа «Острэлиа-сквер тауэр» обретает зримую форму Сидней двухтысячного года. Старые кирпичные здания Сити и прилегающие к центру трущобные районы разрушают специальными механизмами.

На смену кирпичу приходят бетон, стекло, установки искусственного климата. Новым домам суждено не только проводить нынешнее поколение людей, но и встретить следующее, что будет жить в двадцать первом веке.

По утвержденному перспективному плану Сидней к двухтысячному году станет городом небоскребов. Но его не ждет судьба нью-йоркского Манхэттена. Австралийские архитекторы хотят избежать американского опыта и собираются в центре не только расположить банки, акционерные общества, но и разбить

новые зеленые бульвары, парки, заселить район людьми. Сити не должен по вечерам выглядеть мертвым городом, чьи обитатели исчезли, кажется, навсегда. И еще одно ценное качество перспективного плана строительства — его авторы сочли необходимым сохранить архитектурные памятники старины.

Градостроители пытаются ответить и на другой, не менее важный вопрос — что делать с автомобилем, кому отдать предпочтение в городе будущего — человеку или его машине? Наиболее смелые архитекторы утверждают, что во второй половине 70-х годов люди скажут нет чудовищу, стоящему у них в гараже.

Это чудовище десятилетиями требовало все новых и новых жертв. Оно отравляло все живое выхлопными газами, заставляло людей тратить огромные средства на строительство сверхскоростных дорог, отнимало под эти дороги землю. Муниципалитеты и даже правительства всегда отступали под натиском автомобиля.

Теперь наступило время, когда даже самые «твердолобые» члены местных парламентов начинают понимать тщетность попыток избавиться от транспортного кризиса путем строительства скоростных дорог. Создается своего рода заколдованный круг: чем больше автострад строится в пригородах, тем усложняется движение в городе. Мощный автомобильный поток, ворвавшись в город, застопоривается среди узеньких улиц. Пробки, проклятия и клятвы больше не ездить по вечерам в город... Австралийские градостроители ищут разумный компромисс, они считают: в городе надо дать место и человеку и автомобилю.

Новые веяния в застройке Сиднея, о которых размышляешь, находясь на 44-м этаже «Острэлиа-сквер тауэр»,— это серьезная эволюция в жилищном строительстве. Еще недавно «целью жизни» каждого австралийца был собственный дом; ныне эта мечта все больше утрачивает свою притягательность. Статистика подсчитала, в ближайшие тридцать лет более половины даже обеспеченных австралийцев будут жить в многоквартирных домах. Причин такой эволюции несколько. Главное, конечно, рост цен на землю и строительные материалы. По данным все той же статистики, цена земли и строительных мате-

риалов возрастет к двухтысячному году более чем в два раза.

Это официальные прогнозы. Сбудутся ли они? Скорее всего. Уже сейчас сотни тысяч из 2 миллионов 800 тысяч сиднейцев живут в многоквартирных домах; я уже не говорю о том, что безработным приходится ютиться в трущобах Редферна и других прилегающих к Сити районах, порой человек по десять в одной комнате.

А пока лицо Сиднея определяет собственный дом. Разные это домики. Одни — из камня с установками искусственного климата, с ухоженным садом, где зелень подстрижена и расчесана так, будто в нем побывал не садовник, а парикмахер. У некоторых особняков к гаражам на две или три машины пристроены еще и большие конюшни. В богатой Австралии модно иметь собственных верховых лошадей. Утром в субботу их заводят в трейлеры — специальные узкие вагончики на колесах, прикрепляют эти вагончики к автомобилям, и семейные автопоезда трогаются в парки, леса, где, бросив на стоянке «холдены» и «форды», их владельцы пересаживаются на древний вид транспорта в одну лошадиную силу и скачут часами по грунтовым дорогам, сбрасывая недельное напряжение, накопленное в конторах банков и фирм.

Вторая категория индивидуальных жилищ — домики из досок. Они стоят в рабочих районах, прижавшись тесно друг к другу. Тут нет места цветам и бассейнам. В домиках часто отсутствует даже отопление. Зимой в них сыро и холодно, летом — жарко и душно. Напряжение рабочей недели в этих районах сбрасывают по-другому: в воскресные дни латают стены и крыши.

Таков Сидней, разный Сидней. И не просто ответить на вопрос, какая же у города самая яркая грань.

Карьера Дона Макуильяма

На заводах и фабриках Сиднея бросается в глаза рациональность, продуманность производственных процессов и организации труда. Как, к примеру, откажешь в уменье вести дело Дону Макуильяму — управляющему крупнейшей фирмой столовых вин. Дон сравнительно молод,

ему 38, но отец, владелец фирмы, доверил сыну судьбу компании, а заодно — 5 заводов и бесчисленные виноградники.

За бокалом шампанского в зале для просмотра рекламных фильмов Макуильям рассказывает о себе. Нет, ему не преподнесли нынешний пост на блюдечке с золотой каемочкой. Дон шел к заветному креслу целых 20 лет.

— Отец отказался бы сделать меня управляющим,— говорит Дон,— если бы не понял, что я стою этого места.

После окончания института Дон 11 лет проработал на заводах отца. Сначала мойщиком бутылок, потом на конвейере, в цехах и лабораториях. Приходил раньше, уходил позже всех. Остальные 9 лет постигал секреты управления производством во Франции и Соединенных Штатах.

Исключение? Нет, судьба Дона Макуильяма скорее правило в современной Австралии для наследников руководителей акционерных компаний и фирм.

Питер Норт возглавляет автомобильную фирму «Лейлэнд Острэлиа». Он словно реклама своей фирмы, немного консервативной и, конечно, надежной. Молодой мужчина в тщательно отутюженном устаревшего покроя костюме. Среднего роста, брюнет, рот с решительно сжатыми тонкими губами, которые не любят размыкаться, как будто опасаясь, что слов вылетит больше положенного.

Впрочем, реклама — обманчивая вещь. Австралийцы, помнят, как, не выдержав конкуренции, лопнули две здешние автомобильные фирмы. Питеру Норту поручено поправить дела в австралийской автомобильной промышленности. Нелегкое это дело. У Норта могущественные конкуренты — американские «Форд» и «Дженерал моторс», японские — «Тоета», «Ниссан». Норт хорошо понимает, какая у него альтернатива: расширяй продажу автомобилей — или убирайся. Среднего не дано.

Как и Дон Макуильям, Норт — сын фабриканта, и он прошел большую производственную школу. Правда, Норт решил попробовать силы не в той отрасли промышленности, какой посвятил себя его отец.

За несколько месяцев Норт полностью сменил руководящих работников своей фирмы. Остальным

внушил: высокие административные посты не даются навечно. Доверие и заработную плату надо оправдывать выдумкой, инициативой, упорством в достижении поставленной цели.

— Пусть они пораскинут мозгами, пусть немного не поспят по ночам,— делится своими мыслями Норт.— Каждый на любом посту должен думать о судьбе фирмы. Если мы не хотим быть все вместе выброшенными за борт. К примеру, я планирую посадить в машину парней, что монтируют стекла, и пропустить их как-нибудь через мойку. Пусть поймут, что чувствует человек в дождь, когда вода проникает в машину.— И, доверительно склонившись ко мне: — Я заставляю всех работать у конвейера так, будто они собирают свой собственный автомобиль. Век жестокой конкуренции диктует свои законы: если хочешь выжить, будь лучше, сильнее, опытнее других. Иначе раздавят, сотрут в порошок.

Жестокая конкуренция. Ее проявления не раз приходилось видеть за рубежом. Возьмем, к примеру, анкету, которую передали мне в Сиднее во время интервью. И она впечатляла не хуже биографий Дона Макуильяма или Питера Норта. Приведу лишь краткое содержание этой любопытной анкеты на восьми листах.

«Секретно. Анкета для служащих, форма — 1 «Б». Не может быть использована за пределами нашей компании».

— Почему вы решили передать ее мне, журналисту? — спрашиваю у собеседника.

— Мы боимся лишь конкурентов внутри страны. Советские фирмы не имеют своих филиалов в Австралии.

На первой странице — вопросы под рубрикой «Семья». Наспех поинтересовавшись женой, детьми, анкета переходит к главному. Нужно знать все: владеете ли домом, выплатили ли ссуду за дом полностью или частично, имеете ли машину, если да, то какой марки и года выпуска, где живете, район местожительства, величина квартирной платы, если нет собственного дома.

Далее требуются сведения, похожие на историю болезни: когда последний раз проходили медицинский осмотр? Перечислите все хронические заболе-

вания, операции и несчастные случаи с вами за последние 5 лет. Страдаете ли вы головными болями? Подвержены ли аллергии? Болят ли у вас периодически глаза? Как часто употребляете спиртное? Сколько сигарет выкуриваете за день?

Потом, конечно, следуют вопросы об образовании, опыте работы. Вопросы детальные. Компании нужно знать из этой области все. В заключение составители анкеты определяют политическое лицо претендующего на то, чтобы получить работу. В какой партии состоите? Ваша профсоюзная деятельность? Назовите политические организации, клубы, членом которых являетесь или являлись. Ходите ли в церковь?

Словом, деловой Сидней в конкурентной борьбе монополий не собирается сдавать своих позиций, он шагает вровень со своими заокеанскими учителями и соперниками одновременно.

Казалось бы, предприниматели в Австралии все взвесили, учли и продумали...

И вдруг неожиданное замечание человека в рабочей робе на остановке автобуса:

— Боюсь, что вы проторчите тут до следующего утра.

Оказывается, забастовка. Водители 2 тысяч городских автобусов во второй половине дня отказались продолжить работу.

Придется опоздать на деловое свидание. Но что бы там ни было, мои симпатии, как и большинства сиднейцев, на стороне автобусников. Интенсификация труда стремительно растет, среди водителей городского транспорта — резкое увеличение смертности от инфарктов, инсультов. Таков прогноз врачей. И многие рабочие и служащие, узнав из газет, в чем дело, давились в электричках, но поддерживали автобусников. Поступи они иначе, завтра предприниматели сделают и с ними нечто подобное.

Кингз-кросс — Королевский перекресток

Если у дневного Сиднея трудно назвать главную характерную примету, то у ночного города эта примета есть. Вечером, когда солнце прячется где-то в песках австралийских пустынь, с балкона «Флориды Тауэрс» видно, как за стеной высоких домов небо вспыхивает

красным отсветом реклам. Это зажигает огни Кингз-кросс, Королевский перекресток, район развлечений, первоклассных отелей и мелких лавчонок. Кингз-кросс — единственное место в Сиднее, да и, пожалуй, во всей Австралии, где жизнь не затихает до утренних петухов.

В память врезались первые минуты знакомства с Кингз-кроссом. На углу беседовали три молодые австралийки. Я нацелил на них фотокамеру.

— Ты что — идиот?

— Я всего лишь иностранец.

— Мне плевать, что ты иностранец! А ну-ка убери эту штуку, если не хочешь, чтобы ее разбили о твою голову!

И тут же замечание прохожего, невольного свидетеля этой сценки:

— С фотоаппаратом здесь не шутите. Жизнь на Кингз-кроссе стоит недорого.

Не знаю, как жизнь, но мораль тут явно распродавалась по бросовой цене. Книжная лавка, что приютилась на первом этаже большого отеля, до предела напичкана порнографической литературой. На прилавке еженедельники «Секси» и «Серчлайт».

«Секси» с первых строк давал понять, что его название оправданно. «Мужчина сорока лет ищет толстую женщину. Возраст не имеет значения». И дальше крупное, на полосу, объявление — видимо, процветающей фирмы: «К чему скучать в деловых поездках? Всякий разумный бизнесмен купит резиновую женщину».

«Серчлайт», конкурируя с «Секси», рекламировал сексуальную свободу для молодых. «Хотите весело встретить рождество? — восклицал он.— Присоединяйтесь к 80 участникам оргии на берегу океана во французском лесу. Продолжительность оргии — 48 часов. В программе — девушки, пироги и пирожные с начинкой из марихуаны. Спешите записываться!»

Я решил получить интервью на Кингз-кросс и обратился к владельцу лавки.

Мистер Смит не стал дичиться иностранного корреспондента. В комнатушке за прилавком он приготовил мне чашку крепкого кофе.

— Мораль? Мы не торгуем моралью. Это дело правительства — следить за общественной нравственностью. Наш бизнес не спорить о вкусах, а делать на вкусах деньги.

И мистер Смит доказывал, что на порнографии можно хорошо заработать.

— Если есть спрос,— говорил он,— то не гуманно в демократическом обществе оставлять этот спрос неудовлетворенным...

Демократическое «всеразрешающее» общество. Сколько раз в Австралии я слышал мифы о его преимуществах! И эти «преимущества» открыто, не стесняясь, демонстрировал туристам Кингз-кросс. Королевский перекресток «разрешал» многое. Откуда-то со ступени подвала меня схватила за локоть мужская рука: «Заходите, не пожалеете». Внизу небольшая группа потных мужчин окружила полукольцом крохотную эстраду, на которой раздевались женщины, высвеченные лучом прожектора. Одна, вторая, третья, бесконечный конвейер. Наглядевшись на голое тело, накачавшись пива и виски, мужчины тяжело поднимались по лестнице туда, где их дожидались «подруги», стоящие на углу.

На улице рядом с подвалом торговали «серьезной» литературой: изречения Христа и цитатник Мао Цзэдуна. Христос по объему был в половину меньше, но ценился в два раза дороже: доллар против пятидесяти центов за изречения Мао.

Я купил в тот вечер на Кингз-кроссе газету «Сандей миррор». Она сообщала, что на Королевском перекрестке проживает некий немец Пиелке, по специальности ювелир. Он обосновался здесь двадцать с лишним лет назад, приехав в Австралию из ФРГ. Пиелке снимает двухэтажный дом. На втором этаже спальня, на первом — ювелирная мастерская. Профессия ювелира — не единственный источник доходов Пиелке, у него есть другая, более «модная» специальность. Он самый что ни на есть «дьявол».

После долгих уговоров и за приличную мзду Пиелке пригласил к себе домой корреспондента газеты и познакомил его с тайнами «дьявольского» ремесла. Для начала на его глазах он проделал пару-другую опытов: прижег себе кожу сигаретой, опустил руки в соляную кислоту, а потом смеха ради усыпил самого

гостя. Через несколько минут «дьявол» пригласил журналиста в маленькую комнату на урок обучения «ведьм». На ковре перед зеркалом при зажженных свечах сидели три обнаженные девицы. Пиелке в черном балахоне бормотал какие-то мудреные заклинания. Постепенно одна из «ведьм» впала в транс, за ней безумие охватило и ее подруг. Они шептали бессмысленные слова, корчились в судорогах на ковре.

Рассказ «Санди миррор» о Пиелке не поражал новизной. Сиднейский «дьявол» — это всего лишь мелкий, хотя и забавный штришок в пестрой картине австралийского общества, общества, о котором видный политический деятель, член парламента лейборист Артур Колуэлл писал: «Наше так называемое демократическое общество прославляет преступление, эксплуатирует секс и поощряет насилие. Капитализм и его общество, где все дозволено, лишь помогают человеку опуститься до уровня животного».

На Кингз-кроссе выстроились двухэтажные особняки для обеспеченной элиты, огороженные железными заборами. На дверях и окнах металлические решетки, на стенах таблички: «Эта собственность охраняется силами безопасности. Вошедшего без разрешения ожидает суд».

Таблички и решетки показатель того процесса, что серьезно поразил «всеразрешающее» общество. Неудержимый рост преступности — название этому процессу. За десять лет, судя по данным официальной статистики, число изнасилований в Сиднее возросло в 2 раза, вооруженных ограблений — в 10 раз.

Эти цифры скорее всего преуменьшены. Сержант сиднейской уголовной полиции Арантц, возмущенный тем, что официальные статистические данные о преступности в штате Новый Южный Уэльс сознательно занижаются, передал в печать подлинные цифры, подсчитанные электронно-вычислительными машинами. На следующее утро Арантца увезли из дома два полицейских офицера. Через несколько минут он был уже... в психиатрической клинике, куда его поместили в принудительном порядке. А еще через пару дней, когда полиция не сумела заставить врачей признать взбунтовавшегося сержанта душевнобольным, комиссар передал Арантцу ультиматум: или ты сам заявишь прессе, что болен, и тогда уйдешь

из полиции на пенсию по инвалидности, или мы вышвырнем тебя с работы без пенсии.

Арантц отказался признать себя душевнобольным. Более двух месяцев продолжалась его борьба с полицейским начальством. На стороне сержанта выступала печать, члены парламента от лейбористской партии... Но все же полицейское начальство уволило сержанта. И вот когда за Арантцом в последний раз захлопнулась дверь полицейского управления, корреспондент телевидения сразу же на улице задал ему вопрос: «Что заставило вас оставить без средств к существованию четверых детей?» Ответ услышала вся страна: «Страх за их будущее, за будущее их сверстников».

Что вызвало волну преступности, которая, подобно цунами, обрушилась на Австралию? Барри Файлвуд, сотрудник уголовной полиции Сиднея, считает, что одной из причин является страх перед преступностью. Этот страх с невероятной скоростью перерастает в психоз. Он, утверждает Барри Файлвуд, способствует созданию атмосферы, благоприятствующей бурному развитию преступности: безлюдные улицы, подозрительность, утрата доверия к полиции.

Барри рассказывает, что известный сиднейский телекомментатор прячет в своем рукаве полицейскую дубинку, прежде чем поздно вечером покинуть студию. Смекалистые сиднейцы придумали массу самых разнообразных оборонительных приемов: вечером они ходят по обочине тротуаров, подальше от темных подъездов, носят при себе второй бумажник, в котором лежит долларов пять «для грабителя». Осторожного пешехода привлекает богатый ассортимент оборонительных средств: свистков, ручных сирен, тростей с тяжелой рукоятью, пульверизаторов со слезоточивым газом.

По Файлвуду, проблема борьбы с растущей в Сиднее преступностью сводится к пропаганде технических новинок.

— Первая линия борьбы с преступником,— поясняет Барри,— дверь, желательно металлическая и с одним из представленных здесь запоров.

Замки на выставке и впрямь уникальные. Дужку не перепилить, скобки не поддеть стамеской, винты скобок надежно спрятаны от отвертки домушника.

Стоимость такого замка — от недельной до полумесячной заработной платы рабочего.

Сержант рассказывает, что цена установки для охраны дома — от 300 до нескольких тысяч долларов. Типичная усовершенствованная система состоит из многих миниатюрных радиодатчиков, установленных на всех окнах и дверях дома. При малейшем прикосновении к ним раздаются звуки сирены, включаются прожекторы в саду и в местное отделение полиции поступает сигнал.

Некоторые домовладельцы, не доверяя технике, покупают собак. Специально обученная немецкая овчарка стоит 500 долларов. Один из моих австралийских знакомых в шутку сказал: «Мы вскоре ради безопасности окружим свои дома рвами с крокодилами».

— Что касается фабричных систем тревоги, то они пока еще очень дороги,— рассказывает Барри.— Но и их все чаще покупают австралийские бизнесмены.

Оказывается, полиция ежегодно регистрирует тысячи промышленных ограблений более чем на 300 тысяч долларов.

Один из способов проверки сотрудников — введение пропусков с электромагнитным шифром. С их помощью можно проследить передвижение рабочих на заводе. В продажу поступили устройства, которые способны распознавать индивидуальные особенности строения руки, тембр голоса. Одна из компаний выпустила специальную телевизионную камеру — она может бесшумно двигаться по потолку, управляемая на расстоянии.

В общем, дело с ростом преступности зашло так далеко, что страховые компании отказываются страховать квартиры и фабрики в восточной части Сиднея, а в других районах повысили стоимость страховки.

Новинки техники, конечно же, затрудняют «деятельность» преступников, но это, разумеется, не ключ к решению проблемы.

Видный сиднейский криминалист видит одну из причин роста преступности в коррупции полицейского корпуса, «живущего по законам всеразрешающего общества». За 1970—1973 годы, по данным этого еженедельника, до тысячи из двадцати тысяч сид-

нейских полицейских были уволены, арестованы, посажены в тюрьмы по обвинению во взяточничестве, в связях с преступными синдикатами, в краже машин, в контрабанде наркотиков.

Кто не знает в Сиднее главаря преступного мира по кличке «Большой». «Большой» выезжает из своей загородной виллы на «мерседесе» новейшей марки в сопровождении личного телохранителя — бывшего детектива уголовной полиции, который сидит рядом с дюжим шофером. Говорят, ударом кулака телохранитель может убить человека.

Как-то два телевизионных оператора попытались заснять «Большого», когда он выходил из собственного особняка. «Телохранители» вдребезги разбили их камеры.

Главарю преступного мира есть что прятать от людских глаз — его синдикат контролирует огромную «игорную индустрию», а также широкую сеть организаций, объединяющих всевозможных преступников — от сутенеров до издателей порнографической макулатуры.

И все же главная тайна «Большого» — это тесная связь с американским гангстерским миром. В роли его представителя он и выступает в Австралии. Американская мафия широко проникла, к примеру, в австралийскую «игорную индустрию». Заокеанские гангстеры не зря питают живой интерес к игорному бизнесу на пятом континенте. По официальным данным, только сиднейцы проигрывают еженедельно «с помощью» игорных автоматов 3 с половиной миллиона долларов, а по всей стране эта сумма исчисляется десятками миллионов.

Мафия рассчитывает на огромный куш и от выручки австралийских игорных клубов, и от широкой продажи в Австралии игорных автоматов американского производства. Гангстеры не волнуются за свою судьбу. И не только потому, что имеют своих людей в полиции. По признанию еженедельника «Топ сикрет», многие из членов парламента от либеральной партии получали крупные суммы от гангстерских синдикатов. Одно несомненно: без высокого покровительства австралийских властей и полиции американская мафия не смогла бы свить себе прочное гнездо на пятом континенте.

— И опять-таки коррупция не главная причина того, что австралийские тюрьмы переполнены.

Это слова известного в Австралии проповедника Теда Ноффса, который не согласен с еженедельником.

Мы сидим с Ноффсом в маленькой церквушке на одной из боковых улиц Кингз-кросса. Небольшая комната, ряды стульев, никаких икон, только кафедра. Мой собеседник в определенном смысле интересный человек. Это опытный оратор, довольно циничный политик, ловкий бизнесмен. (Лишь прожженному дельцу под силу выдумать такое — открыть на Кингз-кроссе церковь, и не одну церковь, а еще и кафе при ней и отдельный зал для дискуссий.)

Ноффс утверждает, что преступность порождает само австралийское общество.

— Только церкви под силу вылечить социальные болезни,— убеждает меня Ноффс. И тут же: — Хотите посмотреть, как мы боремся с этой скверной?

Я, конечно, хочу. Через несколько минут мы в переполненном молодежью зале, где ряды спускаются к маленькой сцене. Под одобрительный свист 300 молодых людей Тед бодро подходит к микрофону.

— Тема сегодняшней дискуссии,— сообщает он,— будущее Австралии. Наша родина сейчас на перепутье, давайте поговорим, какую дорогу нам следует выбрать.

С первых слов Тед овладевает аудиторией, он знает ее, чувствует, умеет время от времени встряхнуть.

— Что мы за нация? — кричит он в притихший зал,— что мы умеем делать? Танцевать, рожать детей, ездить на машинах, слушать джаз и смотреть телевизор! Это все! А где самое важное, где духовные ценности жизни?

Но когда Тед заводит речь о боге, зал раскалывается от выкриков.

— Расскажи-ка лучше, почему у власти богатые, почему у нас обязательное голосование!

Но Тед поднаторел в такого рода дискуссиях:

— Вы хотите, чтобы у нас покупались голоса, как в Чикаго?

И все же Тед понимает — пришла пора изменить тему. На сцену выпускают молодого парнишку. Он говорит о проблемах японской молодежи. Потом сло-

во берет девушка из Армии спасения. Ее сменяет человек-оркестр. Он одновременно играет на гитаре, губной гармошке и еще ухитряется петь.

Потом мы снова долго сидим в церкви. Тед рассказывает об истории создания религиозно-развлекательного комплекса на Кингз-кроссе, о его растущей популярности среди молодежи, о своих планах на будущее. Огорошивает цифрой — только за первые четыре года существования комплекса в нем побывало около миллиона человек. Не похоже, чтобы мой собеседник преувеличивал. Ловкому человеку многое по плечу. Вот, к примеру, хотя бы его последняя идея — создать передвижные церкви в автофургонах и возить их по субботам и воскресеньям на сиднейские пляжи, где собираются десятки тысяч девушек и парней.

...Поздно. Я потихоньку бреду в свой мотель. А над заливом сереет полоса неба. На Кингз-кроссе постепенно меркнет вечерний наряд. Нет уже девиц на углу, возвратился домой инвалид в кресле — нищий, что еще недавно «продавал» тут карандаши. Гаснет и яркий подсвет знаменитого шарового фонтана. По улице гуляет предрассветный ветер, унося куда-то обрывки бульварных газет. Сидней спит. Только в круглосуточном кафе при церкви «Уэстсайд Чеппел» засиделись единомышленники Теда Ноффса.

Только что были пригороды Сиднея, сейчас опять Хьюм - хайвей — основная транспортная артерия страны. И машина несется словно птица в свободном полете. Никаких помех, автострада — 40 метров безукоризненного бетонного полотна, три ряда в одну, три — в обратную сторону. А между рядами лента из буша в рамках белых столбов.

Здесь нет причин то и дело сбрасывать газ. Возможно, поэтому заветная тридцатая миля, оговоренная в моем маршрутном листе, появляется так быстро. Нога на тормоз, машина послушно сбавляет скорость и плавно вычерчивает виток по съезду на сельскую дорогу: тот же бетон, как на главной автостраде, только лента несколько поуже и протяженность иная — не тысячи километров через всю Австралию с севера на юг, а короткий отрезок в десяток миль.

4

«РОЗЕЛЕКТА» — СЕЛЬСКИЙ КОНВЕЙЕР

Последние метры бетона — и машина замирает у белого одноэтажного здания. В нем размещается дирекция «Розелекты», «австралийского чуда» или, проще,— процветающей сельскохозяйственной фирмы. Внутри здания дощатые перегородки, старенькие письменные столы, диаграммы на стенах и раздражающе громкие звуки радио. В окнах типичный австралийский пейзаж, и его не спутаешь с нашим. Насколько хватает глаз — мягкие очертания невысоких холмов, чьи склоны разгорожены на загоны, и среди колючей травы — одинокие эвкалипты.

У меня есть время теперь рассмотреть все это. Питер Мэн, управляющий фирмы, не может оторваться от срочных дел, и поэтому приезжего журналиста помещают в гостиной, куда не доносятся звуки радио. Из окон видны черепичные крыши поселка, стадо коров и бурые пятна овечьих отар.

Тишина, покой, какая-то сонная жизнь, будто время остановилось. И нет поблизости шумного Сиднея.

И вдруг в гостиную не входит — врывается Питер Мэн. Он весь в движении, пружина, которая не в состоянии до конца раскрутиться. Большой и шумный, он обрушивает на меня град вопросов:

— Вы действительно из России недавно? Холодно там? Ведь у вас сейчас настоящая снежная зима.

Отдаем дань австралийской вежливости — короткий разговор о русском климате, о суровой Сибири, а потом стремительный Питер Мэн переходит к делу и дарит гостю три из своих восьми напряженных и высокооплачиваемых рабочих часов. Так я узнал историю акционерной компании «Розелекта» со дня ее основания, когда 200 лет назад на корабле с английскими поселенцами прибыл сюда ее основатель Джон Макартур, и до наших дней.

— Джону было легко,— говорит он.— Приехал, получил бесплатно 2 тысячи гектаров земли. Разводи овец, продавай шерсть! Старая добрая Англия на корню скупала весь настриг шерсти. Попробуй-ка заняться этим бизнесом сейчас — прогоришь, не успев охнуть.

Я знаю, Питер Мэн говорит правду, австралийским фермерам, занятым разведением овец, в наши дни приходится трудно. Если верить официальной статистике, еще в 1972 году из 90 тысяч фермеров в стране 15 тысяч находились на грани разорения. Или вот другие цифры того же года: в среднем шерсть каждой из 200 миллионов австралийских овец оценивается в 2 доллара 70 центов, а задолженность фермеров банкам составляет 6 долларов на овцу.

Эти цифры в одних штатах значительно меньше, в других — больше. В Виктории, например, 90 процентов фермеров в долгу. Так, по крайней мере, утверждают сами фермеры.

Прежде чем осесть здесь, недалеко от Сиднея, Питер Мэн объездил многие уголки страны. Он и сейчас

довольно часто колесит по Австралии. Нагляделся всякого, и поэтому подтверждает свои слова о том, что сейчас овцеводам труднее, чем во времена Джона Макартура, многими примерами из жизни.

В Виктории Питер познакомился с Джеком, старым фермером-овцеводом. Джек — собственник четырех тысяч овец, а номинальная стоимость его хозяйства — 100 тысяч долларов. Но Джек живет не доходами со своей фермы, а на зарплату внучки — конторщицы в близлежащем городке. К тому же его задолженность банкам — 55 тысяч долларов.

Джек не раз пытался избавиться от долгового ярма. Не шла шерсть на рынке — организовал на ферме производство сувениров, открыл свои владения для туристов, конечно, за плату. Ничего не вышло.

— Что же мешает Джеку продать ферму? — не выдерживаю я.— К чему на склоне лет так вот сгибаться под грузом долгов и забот?

Нет покупателей. Несколько месяцев ферма Джека продавалась с аукциона. Стотысячную собственность пытались сбыть по половинной цене. Сделка так и не состоялась.

Кто он, Джек, богач или бедняк? По одним понятиям — богач, собственник земли, овец, машин, дома, обставленного хорошей мебелью. Австралийские законы лишают его даже права на пенсию по инвалидности: слишком велика стоимость его имущества.

Прогнозы официальной статистики обещают в ближайшие годы полное разорение еще 15 тысячам фермеров-овцеводов.

Обстоятельства загнали этих фермеров в угол, банки не дают новых кредитов, остается одна надежда — быть может, кто-нибудь купит ферму. А дальше? Для тех, кому за пятьдесят, дальнейшее нетрудно предугадать: старость на подачки благотворительных организаций. Возможно, помогут дети, уехавшие на заработки в город. В пятьдесят с лишним лет не пойдешь на фабрику или завод. Да и где другая профессия?

Я спрашиваю моего собеседника, что же это за обстоятельства, которые так решительно изменили положение в сельском хозяйстве Австралии. Ведь известно, что до конца 60-х годов сельское хозяйство в

этой стране, в том числе его главная отрасль — овцеводство, развивалось быстрыми темпами. Шерсть обеспечивала государству 18 процентов поступлений от австралийского экспорта. На доходы от ее производства, переработки, транспортировки жил один миллион человек. И вдруг мягкое, теплое, шерстяное счастье перестало улыбаться Австралии.

Причин несколько, рассказывает мой собеседник. Это, в первую очередь, широкое внедрение синтетики. На международных рынках резко упали спрос и цена на шерсть. Затем вступление Англии — главного потребителя австралийской шерсти — в «Общий рынок» и связанная с этим отмена преимуществ для австралийского экспорта сельскохозяйственной продукции на Британские острова. И ко всему этому — общая неблагоприятная экономическая конъюнктура в странах Америки и Европы.

Австралийские баранина, пшеница, молоко, масло, фрукты во все больших количествах портились на складах или сбрасывались в море. Это был удар по сельскому хозяйству Австралии в целом. А это хозяйство, хотя в нем и занято всего 5 процентов австралийцев, до сих пор не перестает служить основным поставщиком иностранной валюты.

Секреты Питера Мэна

— Вы убедитесь сами, что нам, 26 акционерам компании «Розелекта», труднее, чем Джону Макартуру,— усмехается Мэн.

Я смотрю на этого приятного в общении толстяка и думаю: нет, не преувеличивает Питер Мэн. Наследникам английского переселенца и впрямь сейчас приходится трудно.

Но расскажем подробнее об изворотливости и умении маневрировать 26 акционеров «Розелекты». У Джона Макартура было 2 тысячи гектаров земли, у его наследников — 6 тысяч гектаров. И ни в одном каком-то районе, а в трех, удаленных друг от друга на сотни миль.

— Почему такая разбросанность, почему не концентрация собственности в географическом смысле слова? Казалось бы, удобнее, когда все рядом?

Питер Мэн добродушно похохатывает. Вот, мол, сразу видно — журналист, не деловой человек.

— Засуха,— объясняет он.— Что делать, если на 6 тысячах гектаров сгорит вся трава? А так — гарантия от стихийных сюрпризов природы: в одном месте горит трава, в другом — засухой и не пахнет. Скот погружают на специальные автомашины и через сутки он на зеленых лугах где-нибудь в тропическом климате или в горной части Австралии.

Ловко придумано! Эдакие стада-кочевники, кочевники не на прежний лад, а на современный, моторизированный, когда нет пастухов, собак и дорожного облака пыли, когда есть другое — мощные тягачи. И они, эти тягачи, быстро перебрасывают 4 тысячи коров.

Почему коров, а не овец? Ведь Джон Макартур был пионером в Австралии по разведению овец. Здесь опять пойдет речь об изворотливости акционеров «Розелекты», об их умении, когда надо, повернуть дело на 180 градусов, изменив при этом хозяйственный профиль фермы.

Овцы были у «Розелекты» до последнего времени. И сейчас они есть. Только их не тысячи, как прежде, а всего лишь две сотни голов. Их оставили как музейную редкость, они прямые потомки тех, что привез Джон Макартур на своем корабле.

Владельцы «Розелекты» — наследники Джона Макартура, богатые люди, и связаны теперь они не одними родственными узами, а общей погоней за прибылью, эксперементируют они широко и смело. Снизился спрос на шерсть? Овец под нож, на пастбищах разбивается фруктовый сад, другая часть земель отдается под выгон для крупного рогатого скота. Говядина и австралийское молоко по-прежнему пользуются спросом на международном рынке.

Мы засиделись. Питер Мэн приглашает размяться, а заодно и взглянуть на гордость «Розелекты» — механизированную молочную ферму, настоящий молокозавод конца XX века. Он вышагивает рядом, убеждая меня с высоты двухметрового роста в преимуществах сельской жизни.

— Сколько времени вы тратите в городе, чтобы добраться на работу? Минимум 2 часа туда и обратно. Портите желудки в столовых, дышите бензиновым перегаром, треплете нервы в начальственных кабинетах, а я избавлен от ваших бетонных джунглей.

Здесь под ногами земля без асфальтовой брони, воздух напоен медовым запахом трав. Каждый день в 12 часов я обедаю дома, вижу семью, говорю с женой.

Питер впрямь оживший рекламный плакат: румяные щеки, сила атлета и на вид моложе своих 40 лет. Только все ли тут так отлично законсервированы?

Похоже, нет. Возле фермы два работника: грубая кожа обветренных лиц и морщины. Морщины — не легкая сетка, а глубокие складки, избороздившие лицо. Питер говорит, что им тоже под сорок. Кто же сделал их старше? Ветер? Палящее солнце? В помещении молокозавода убеждаешься — здесь самый настоящий конвейер с однообразием и скоростью фордовской сборочной ленты. Впрочем, этого не скрывает и мой собеседник: ротолакта (так он называет механизированную молочную ферму) построена по образцу заводского конвейера. Труд здесь монотонный, операции повторяются непрерывно.

Сотни коров собираются для дойки три раза в день у ротолакты в специальных загонах. Коровы идут охотно, они усвоили: в ротолакте ждет вкусный корм.

Круглая платформа ротолакты напоминает карусель в парке, только больше. Ее площадка разделена на полсотню загонов. Стоит первой корове войти в загон, как автоматически опускается шлагбаум, а платформа-карусель начинает вращаться, подгоняя свободную клетку к очередной корове.

50 коров обрабатываются за 10 минут, за час — 300. Стоит корове ступить на платформу, как к ней подходит рабочий. Его обязанность вымыть ее. Сделать это надо быстро, через 12 секунд ему предстоит заняться другой коровой, за девять часов он моет 2700 коров.

Второй рабочий берет образцы молока, проверяет, не поранено ли вымя. Следующие двое операторов прилаживают доильную машину. Когда корова подоена, двое других рабочих снимают доильный аппарат. Тем временем автокормилка вместе с шлагбаумом поднимается вверх, и корова сходит с платформы в коридор. В конце его виднеется яркое солнце, зеленые луга.

Молоко же перекачивают по трубам в специальные контейнеры на железной дороге. По пути к контей-

нерам молоко фильтруется, охлаждается чуть ли не до нуля.

Как будто неплохо придумано. Все предусмотрено, расписано по часам и даже секундам. Верх механизации и расчета.

— Наша система разработана специально с учетом особенностей коровы,— рассказывает Питер Мэн. Корова любит монотонность, повторение одних и тех же операций, любые перемены не в ее вкусе.

— Ну а люди?

— Люди не любят ротолакту,— признается Мэн.— Многие не выносят монотонности операций и довольно часто уходят от нас. Так осложняется и без того острая проблема рабочей силы.

...Проблема рабочей силы. Питер подходит к главному и больному вопросу. Откуда эта проблема? Ведь в стране существует безработица, почему же сельское хозяйство по-прежнему страдает от нехватки рабочих рук?

Перебраться в деревню для городского жителя не просто. Он врос корнями в улицы родного города, привык к заводу, надеется, что фортуна опять ему улыбнется. Богатое австралийское общество не бросает его на милость судьбы. Сначала пособие по безработице, потом другой спасательный круг — благотворительность, жизнь на различного рода пожертвования.

Второй барьер на пути рабочей миграции — заработная плата. Питер Мэн утверждает: цены на сельскохозяйственную продукцию не позволяют поднять заработки. В Сиднее, Мельбурне рабочий получает в полтора-два раза больше, чем стоя на вращающемся круге ротолакты.

Работать на ферме согласится лишь тот, у кого нет иных возможностей, или тот, кто по-настоящему любит землю. Питер убеждает, таких людей много. Они предпочитают работу в поле металлургическим или машиностроительным цехам и согласны жить в деревне, получая низкую заработную плату. «Возьмите меня, я мог бы получать значительно больше, скажем, на строительстве электростанции. Но предпочитаю жить здесь. На деньги не купишь счастья. Любимая работа сама по себе прибавка к заработной плате».

Любимая работа... Питер и впрямь не прочь порассуждать на эту тему. Но он сознает в глубине души, что одними эмоциями человека не привяжешь к автоматизированной ротолакте. И Питер Мэн разработал целую систему «закрепления» рабочих рук.

80 процентов домиков, что краснеют черепицей крыш возле ротолакты,— собственность компании. Чистые, красивые, с отличными ванными и туалетами, они мало чем отличаются от тех, что рассыпались горохом в пригородах Сиднея. Разве что без цветочных клумб и конюшен, в которых богатые сиднейцы держат собственных скаковых лошадей. Но и здесь непременно увидишь телевизионный экран и переносной телефон с длинным шнуром. Лошади фермерам практически не нужны, работы выполняют разные механизмы. Другое дело — автомашина: сел — и через час в Сиднее на оптовом рынке или в магазине.

Живут в таких домиках почти бесплатно. Компания взимает с каждого рабочего по 3 доллара в неделю. В городе аренда обошлась бы никак не меньше 25 долларов.

Питер Мэн рассказывает, что домики лишь одно звено в той длинной цепи, которой привязан к «Розелекте» сельскохозяйственный рабочий. Если ему необходимы строительные материалы, дрова, сельскохозяйственные машины, он может получить их у владельцев фирмы за умеренную плату. В поселке есть чистенькая школа. Правда, клуба нет, но его заменяет церковь. По субботам утром к ней съезжаются разные машины: спортивные двухместные, работяги-фургоны, где свободно семье в десять человек. Принаряженные фермеры чинно шествуют в зал и усаживаются перед пастором на скамьях.

Молодые тоже не скучают. До ближайшего драйвина на машине 20, самое большее, 30 минут езды. 2 доллара билетеру — и подруливай к отведенной стоянке. В 10 вечера, когда стемнеет, зажигается огромный киноэкран. Служитель просовывает в машину наушники — для вас и для вашей спутницы. Можешь слушать, о чем идет речь на экране, или болтать с любимой. В перерыве между сериями в маленьком ресторанчике есть возможность выпить кофе, показать себя и рассмотреть других.

Чем не жизнь? И все же людям она не нравится. Многие бегут с ферм, потому что тяжел, изнурителен труд. «Розелектой» управляют не благотворители. За дешевые дома и прочие «блага» тебя выжимают как губку. На ферме не устроишь перекур, не перебросишься с приятелем парой не относящихся к делу слов. Рассчитана каждая минута, подсчитана даже прибыль, что ты должен дать «Розелекте» за сегодняшний день.

Питер Мэн старается набирать лишь женатых рабочих: так надежнее. Женатые чувствуют ответственность перед семьей, им сложнее сорваться с насиженного места, а холостяк еще не определился в жизни, он еще не знает, где бросить якорь.

От трех до двенадцати недель — таков средний срок работы холостяков на «Розелекте». Это вызывает недовольство Питера Мэна. Еще бы, ведь подсчитано точно: новичок начинает приносить гарантированную прибыль только через четыре недели. Минимум тридцать дней уходят на освоение новой профессии. В это время ферма даже терпит убыток: новичку приходится выделять «учителя», отвлекая его от непосредственных обязанностей. Ученик же вдруг принимает решение уехать. Результат для фермы печальный. Парня увозит «попутка», а администрация «Розелекты» снова заносит в графу «убыток» небольшую, но тревожную цифру. Тревожную потому, что Питеру Мэну отлично известно: крупные убытки слагаются из таких вот маленьких на первый взгляд цифр.

Я прерываю рассказ моего собеседника вопросом:

— Как же ферма думает все-таки решить проблему молодых кадров?

Питер Мэн пока не знает, что предпримет, но, будучи оптимистом, уверен, что ферма в конце концов одолеет и эту проблему.

— Непременное условие решения всякой проблемы,— говорит он,— это прежде всего признать ее наличие. Мы признали, а значит, со временем и справимся с ней.

Мне было трудно поверить, что «Розелекте» удастся так просто решить вопрос, который актуален, кстати, не только в Австралии.

Планы и... реальность

— Скоро наступит время,— замечает Питер Мэн, — когда жизнь управляющего станет намного легче. Можно будет экономить серое мозговое вещество, да и действовать наверняка, без убытков для фермы и опасности для себя оказаться на улице.

Питер Мэн собирается взять за образец американский метод решения трудных хозяйственных вопросов: обращаться к оракулу современности — электронно-вычислительной машине.

— У нас нет другой альтернативы,— признается он.— Иначе не разобраться во все усложняющемся комплексе проблем управления хозяйством.

В Австралии создается специальная служба планирования сельского хозяйства. С помощью ЭВМ она ответит на любой из поставленных вопросов. Чтобы получить правильную рекомендацию, фермеру необходимо будет дать машине полную информацию о своем хозяйстве и планах. Машину интересует все: размер участка земли, тип хозяйства, наличие свободных рабочих рук в разные времена года в этом районе, виды и марки сельскохозяйственных машин на ферме, сколько средств может вложить фермер в свое хозяйство, на какой процент прибыли он рассчитывает. В общем, 35—50 страниц убористого текста.

Питер Мэн предвидит, что все австралийские фермеры в ближайшее пятилетие станут постоянными клиентами создаваемой компьютерной службы.

— Так уж и все?

Мой собеседник уточняет:

— Нет, конечно, только те, кто может заплатить 3 тысячи долларов в год.

По Мэну получается, что обращаться к услугам совершенной компьютерной системы сможет фермер, у которого не меньше 200 гектаров земли и на 40 тысяч долларов сельскохозяйственной продукции ежегодно. Ну а как же другие, те, что победнее? Ученые подумали и о них. Они создали электронно-вычислительную систему «Телеран». Машины этой системы запрограммированы так, чтобы дать ответ уже не на тысячу, а всего на 50 самых распространенных вопросов. Среди них, к примеру, такой: как составить наиболее эффективный рецепт кормов? Опыт

показал, этот вопрос задавался машине по телефону рекордное число — 5 тысяч раз.

— По телефону?

— Да, по телефону,— говорит Питер Мэн.— Фермер едет в контору ближайшего представителя электронно-счетной компании, набирает соответствующий номер, и компьютер тут же отвечает ему на вопрос.

Питер Мэн приводит десятки аргументов в пользу окончательной победы машины над самым трезвым фермерским расчетом. Вот, к примеру, такой случай, рассказывает он. Его знакомый Джек хотел было посеять кукурузу. Сделать это подсказывали его расчеты. Но компьютер отверг план и выбрал другую культуру — пшеницу. В пользу своего решения машина выдвинула веский довод: в период уборки кукурузы у фермера не хватит рабочих рук. Джек послушался машины и не прогадал.

— А возьмите, к примеру, другое,— вдохновляется мой собеседник,— способность машины рекомендовать не только методы повышения прибылей, но и сокращения убытков!

Да, энтузиазм Питера Мэна понятен. Рациональное, бережливое ведение хозяйства, конечно же, экономит средства, материализуя их в полновесные доллары на банковском счету. А разве тот же составленный компьютером гороскоп хозяйства не помощник фермера, когда последний обращается за кредитом в банк? Банку хочется знать наперед, окажется ли состоятельным его должник, сможет ли он в короткий срок уплатить и долг и высокие проценты.

Планы Питера Мэна на будущее обширны. Ближайшие из них — завершить строительство ирригационной системы, оросить новые десятки гектаров земли, накачивая драгоценную влагу в каналы из подземных водоемов.

— Без этого нам трудно придется в засуху,— жалуется мой собеседник. — Местные власти не разрешают откачивать из речки столько воды, сколько потребуется полям. Дескать, надо считаться с другими фермерами!

В урожайные годы Питер заготавливает силос, сушит впрок сено. Климат здесь настолько сухой, что сено может храниться в стогах по нескольку лет.

...Пора прощаться. Питер Мэн зарекомендовал себя гостеприимным хозяином. Был словоохотлив, вежлив. И это при его-то занятости, когда каждая минута оценена в желтые и красные долларовые банкноты.

— Спасибо, Питер! Будете в Канберре, заглядывайте ко мне.

Питер обещает — любопытно, мол, увидеть, как устроился вдали от родины человек из Советской страны.

Мой «холден» готов развить с места бешеную скорость, чтобы за 3 часа домчаться до канберрской Эллиотт-стрит. Ему нипочем какие-то оставшиеся 200 миль. Другое дело мне ехать усталому в темноте по горным дорогам. Лучше заплатить 12 долларов за ночлег в ближайшем местечке. Так вернее. Да и мест в мотелях здесь хоть отбавляй.

Вот один из них — «Тревел лодж». Одноэтажное здание ресторана протянулось вдоль дороги. На стеклянном окне — во всю стену тюлевые занавески. За зданием — качели, турники, горки, целый детский городок.

При закрытом окне шума в номере не слышно, хотя автострада рядом. Специальный кирпич, из которого сложены стены, плюс отличные изоляционные материалы надежно ограждают постояльца от буйного ритма дороги. В номере с этой точки зрения все предусмотрено: нажал на кнопку — и мощные легкие кондишена будут всю ночь накачивать в комнату прохладу.

Холодно? Нажми другую кнопку — и в номер поступит приятное тепло. Ну а свежий воздух полей и гор? Не лучше ли по старинке, несмотря на шум, спать с раскрытым настежь окном? Не лучше. Зимой здесь дует сырой и холодный ветер, а летом мучают злые мушки.

Ресторан «Тревел лодж» целиком оправдал мои расчеты.

Столики пустовали, к стойке же бара было не протолкнуться. Австралийцы успели поужинать в своих номерах захваченной из дома разного рода снедью, а теперь «на людях» утоляли жажду виски и пивом. Я заказал хозяину самое дорогое блюдо — вырезку.

Кусок мяса буквально таял во рту. И хотя известно, что ужин надо отдавать своему врагу, я не смог не подозвать хозяина снова.

— Закажите, пожалуйста, еще одну порцию.

— Вы и в самом деле хотите повторить?

Когда я расплачивался, хозяин заметил со смущенной улыбкой:

— Вторую порцию вырезки я было оставил для себя.

Я удивился — всего две вырезки? Что это, ошибка в калькуляции? Нет, точно выверенный расчет: больше двух вырезок за вечер не продать.

Хозяин скучал в углу, и я, дабы искупить вину, заказал бутылку рислинга и подсел к нему. Мой новый знакомый, когда-то в прошлом фермер, хорошо знал положение дел в сельском хозяйстве. Я не стал дипломатничать и сразу спросил, что заставило его бросить ферму. Выяснилось — низкий доход, 5—7 процентов прибыли. Ресторан дает 15—20 процентов. И притом не надо гнуть спину, думать, как справиться с «ножницами цен». Цены на продовольствие растут в четыре раза медленнее, чем на промышленные изделия, необходимые фермерам.

Закупочные цены в стране устанавливает крупный капитал. Он контролирует производство всей сельскохозяйственной продукции, держит в руках заводы, выпускающие сельскохозяйственную технику, химические удобрения, продает продукцию в стране и за рубежом.

Компании, занимающиеся переработкой сельскохозяйственного сырья и производством продуктов питания, часто предоставляют фермерам кредиты для покупки скота, техники, ирригационных работ. При этом они устанавливают, какие виды культур должен выращивать, какие породы скота должен фермер разводить, какие условия производства должен соблюдать. В союзе с монополиями действуют банки и компании по продаже сельскохозяйственной техники в рассрочку.

— Нельзя ли фермерам отказаться от непрерывной погони за техническими новинками?

— Нет, нельзя. Без наиболее производительных машин, совершенных удобрений не выдержишь конкуренции...

5

ОДИНОЧЕСТВО КОТОРОЕ УБИВАЕТ

Я помню воскресный солнечный день 13 февраля 1972 года. День, когда люди, задохнувшись в домах от влажной летней жары, заполняют пляж и прибрежный бульвар в сиднейском пригороде Мэнли. Вместе с ними я лежал на горячем песке и смотрел, как ласкают берег волны Тасманова моря. Кто знал тогда, что в нескольких метрах от нас в грязной стеклянной будке автобусной остановки умер человек?

Через несколько дней газеты зададут австралийцам тревожный и жестокий вопрос: что мы за люди, в каком же обществе мы живем?

...На скамейке задумался усталый пожилой человек. Случайный прохожий, наклонившись к нему, попросил закурить, но просьба осталась без ответа. В понедельник этот прохожий снова пришел на автобусную остановку и увидел вчерашнего незнакомца на прежнем месте. Он дружески хлопнул его по плечу: «Привет, старина, надеюсь, ты разжился сигаретами?» Человек упал, со скамейки вниз лицом. Медицинская экспертиза показала: он был уже мертв два дня.

Сотни, вернее, тысячи прогуливавшихся по дорожке вдоль моря видели застывшую без движения фигуру, и только один из них попытался с человеком заговорить. Исключительный случай? Слово самим австралийцам.

«Вы хотите умереть одиноким? — писала, комментируя случай в Мэнли, крупная сид-

нейская газета «Сан-Геральд».— Отправляйтесь на любую улицу нашего города в часы пик. Прохожие брезгливо обойдут ваш труп на тротуаре, с тем, чтобы забыть о нем через несколько минут».

Я не раз возвращался к трагедии в Мэнли. Почему люди так безразличны друг к другу? Что заставляет их отворачиваться от умирающего? Ведь они не бездушные автоматы, каждый любит кого-то или кем-то любим? «Боязнь оказаться во что-то замешанным». «Недостаток веры в бога». «Я не знаю сам, что движет людьми» — объяснили мне психиатр, пастор и полицейский.

Мой хороший знакомый, социолог из университета в штате Новой Южный Уэльс Эндрю Джей попытался сформулировать причину очерствения человеческих душ по-другому.

— Люди не виноваты,— говорит он.— Они поступают подсознательно. Так воспитывают их с детства. Австралиец привыкает к отчужденности. Он не общается с соседями, как правило, не имеет по-настоящему близких друзей. Что касается людей, незнакомых ему, то они вообще как бы перестают для него существовать.

— Ну а если с человеком беда, как в Мэнли?

— Тогда безразличие возрастает вдвойне. Вступает в действие нечто вроде защитной реакции на жизненные потрясения.

Эндрю Джея не обвинишь в беспочвенности выводов. Он использует факты, материал для его исследований в изобилии дают статистика, полицейская хроника и судебные медицинские отчеты.

Социальная изоляция, отчужденность людей ведет не только к очерствению человеческих душ. Это и одна из причин роста психических заболеваний — важной социальной проблемы сегодняшней Австралии. Каждый двенадцатый австралиец побывал на приеме у врача-психиатра, 50 процентов всех больничных коек в стране заняты душевнобольными.

— Во многих случаях,— заявил мне на прощанье Эндрю Джей,— причина заболеваний — сознание одиночества, своей ненужности в жизни и, более того, неуменье найти общий язык в семье.

Кстати, об одиночестве в семьях. На моем столе таблица со статистическими данными. 49 процентов

браков в Австралии, говорится в ней, расторгнуты по одной причине: муж и жена утратили способность к коммуникабельности.

Емкое и удобное для официальной статистики это слово — «коммуникабельность»! Сколько слез, разочарований кроется за его обтекаемостью. Статистика умалчивает о социальных причинах потери коммуникабельности, о том, что приводит к разрыву двух недавно самых близких людей.

Жизнь в условиях постоянного стресса — где взять деньги на погашение взносов за вещи, купленные в рассрочку, на оплату врачей, высокая квартирная плата, съедающая около трети заработка,— именно в этом известный общественный деятель совсем не прогрессивного толка Хазель Уилсон видит подводные рифы, что пускают ко дну многие семейные корабли.

Большинство людей в Австралии считает, что семейная, личная жизнь не так уж важна для человека. Основное — социальный статус, положение в обществе. Глава семьи уходит с работы с думой о том, что произошло там за день, что осталось не сделанным и что предстоит сделать завтра. Дома его ждет уставшая, изнервничавшаяся жена. Она перестирала гору белья, выгадывала каждый цент в продовольственном магазине, прежде чем приготовить обед на большую семью. Теперь ей не терпится поделиться всем этим с мужем, а он, и вернувшись домой, не расстается с мыслями о работе. Даже в постели его мучают «рабочие сны».

В итоге отец не пытается узнать, какие отметки принес сегодня из школы маленький Джон, что нарисовала в альбоме Мэри. Так делается изначальный шаг к потери коммуникабельности, образуется первая пробоина в семейном корабле.

Известно, самая длинная дорога начинается с первого шага. Мужья уходят из дома, где полно материальных забот и семейной вражды. Уходят, чтобы остаться наедине с трудностями. Жизнь не ласкова в Австралии ни к ним, ни к ста тысячам брошенных жен.

В надежде на лучшее одни оставляют семьи, другие покидают Австралию.

Сильные стараются пробиться в жизни, слабые, и число таких с каждым годом становится больше,

сводят счеты с опостылевшим миром по-своему — исчезают из него навсегда. Впрочем, так поступают не одни слабые. По крайней мере профессор Джон Роберт Рид не был из числа слабых. Квадратный подбородок, упрямая складка рта, волевые глаза за стеклами больших роговых очков. Звезда австралийской медицины, отец троих детей, обеспеченный человек, который «стоил» тысячу долларов в день, он, казалось, совсем и не думал о смерти. Мать, видевшая своего 42-летнего сына за неделю до конца, заявила потом корреспондентам: «Джон, как всегда, был уравновешен. Я бы рассмеялась в лицо тому, кто хотя бы на минуту предположил, что он способен сделать такое».

И вот в дождливую августовскую субботу, отправив жену и детей отдыхать, Рид принял твердое решение умереть. Джон выписал себе последний рецепт: «Джону Роберту Риду — 50 таблеток люминала. Профессор Д. Рид».

В чем причина? Мать профессора не может найти объяснения. Психиатры и социологи в Австралии констатируют: из жизни добровольно уходит все больше людей, не знакомых с материальной нуждой. Касаясь мотивов подобных самоубийств, крупный еженедельник «Нэйшнл таймс» писал: «Как это ни парадоксально звучит, главная причина роста самоубийств (по их числу мы давно перегнали Англию, США и занимаем 5-е место в мире) — это социальная изоляция, одиночество в наших перенаселенных городах. И еще одна причина, ее не сбросишь со счетов — кризис личности, обостряющееся противоречие между служебной карьерой и личной жизнью».

Кризис личности... Много, много таких, кто, забыв о семье, о моральных нормах, даже во сне шагает к заветному Олимпу и делает доллары, много долларов, уже не ради куска хлеба с маслом, а ради долларов как таковых. Потом у кого-то наступает прозрение. В одну бессонную ночь оно обязательно приходит и нашептывает в темноте: «Ответь, ты прожил настоящую жизнь? Или растратил ее ценности понапрасну в погоне за славой, деньгами? Так ли нужны были они тебе?»

По-разному отвечают люди на этот вопрос, потому что разными бывают мечты. Нередко человека

словно осеняет в эту трудную бессонную ночь: бесцельно растрачены лучшие годы, он чужой в семье, интересами которой так долго пренебрегал.

Одиночество и семья — совместимы ли эти понятия? Австралийская семья, утверждает детский психиатр из штата Квинсленд, порождает у многих детей между семью и двенадцатью годами желание покончить с жизнью. Как показали исследования, причины такого явления в «безразличии» родителей к детям.

Как-то я познакомился в Канберре с одним человеком. В австралийской начальной школе подружились его и моя дочери. Однажды вечером, пока наши девочки играли в куклы в гостиной его огромного дома, он рассказал мне историю своих злоключений. Была мечта юности — иметь много денег, построить дом, обязательно собственный, купить последней марки дорогую машину. К сорока годам он почти достиг всего этого. И тут судьба нанесла удар: в двух шагах от дома машиной задавило семилетнего сына, за которым у них с женой не было времени смотреть.

— Мне хотелось покончить с собой,— признается мой собеседник.— Спасла церковь, неожиданно пришедшая вера в бога.

Чувствуется, не договаривал что-то мой новый знакомый. Вера в бога, возможно, и вправду спасла его от самоубийства, но она не указала ему дороги к подлинным ценностям жизни.

...Однажды я купил пару книг о том, как преуспеть в столице. Не смущайтесь, что вы новичок, прочел я в одной из них, 75 процентов жителей Канберры приехали сюда за последние 10—15 лет. И все-таки не мечтайте сделать карьеру без больших средств и к тому же связей. Связей? Неужели для карьеры недостаточно одних денег? Недостаточно. Очень важны «социальные контакты», проще — связи.

Вы должны работать с целью приобретения связей, поучают читателя авторы. Надо упорно пробиваться к центру социального круга. Именно в центре, а не на краю может подвернуться возможность взобраться по лестнице, ведущей вверх — в следующий параллельный круг, где опять необходимо начинать все сначала: продираться к новому центру, расталкивая локтями людей. И всегда, советова-

ли авторы книг, стремитесь к расширению контактов с канберрскими журналистами. Дружите с ними, регулярно поите их в барах. Если вы хотите стать своим человеком в Канберре, без рекламы в печати не обойтись.

Где легко завязываются «социальные контакты»? На приемах, обедах, в клубах (последних в Канберре около 500), на спортплощадках, пляжах и особенно в пивных барах. В бары легче попасть, чем в клубы. Туда зайти может всякий. И большинство заходят после работы — в пять.

Два слова о моих собственных контактах. Оперативная часть корреспондентской работы на день закончена. Телеграммы о текущих событиях дня отвезены на Главный почтамт, через 8—10 часов они будут в далекой Москве, на столе у редактора ТАСС. Можно передохнуть, отключиться на время от забот. Заработал мотор, и приземистая длинная машина с места набирает разрешенные 60 миль.

Повороты по переулкам, рывок по прямой вдоль городского парка с утками, и вот уже Лондон-серкит — Лондонский круг, где находится красное здание спортивного комплекса Ассоциации молодых христиан. Здесь принимают всякого. Членские взносы — 10 долларов в год плюс 20 долларов в квартал за инвентарь — и занимайтесь в любой из спортивных секций. Церковные деятели заинтересованы в долларах, кто бы их ни платил.

В этот час обеденного перерыва на площадке у здания много машин. Их владельцы, чиновники близлежащих министерств, уже в залах. Большинство из них, переодевшись в белые шорты и майки, сражаются в сквош. Трудный вид спорта сквош. Надо иметь железное здоровье, чтобы вот так носиться за теннисным мячом по небольшой комнате. Теннис — отдых, игра инвалидов по сравнению со сквошем. Когда оба сквошиста через сорок минут буквально на четвереньках выползают из крохотного зала, понимаешь: поступил мудро, занявшись тяжелой атлетикой. Штанга не торопит, и к тому же вес ее можно уменьшить.

Около часа дня люди тянутся в сауну. В финской бане жарче, чем в Сахаре,— 120 градусов по Цельсию. Какому-то любителю это кажется недостаточ-

ным. Шайка воды с эвкалиптовым маслом на раскаленные электричеством камни — и легкие обжигает влажный горячий воздух.

В бане нетрудно познакомиться с чиновником любого из ведомств. Впрочем, разговаривать бывает нелегко. Когда речь заходит о контактах государственных служащих, «свободный мир» не скупится на всякого рода рогатки. Взять хотя бы настоящий свод правил поведения, выпущенный в 70-х годах австралийским министерством иностранных дел. В голубой обложке 65 страниц, гриф: «Для служебного пользования». И заголовок: «Правила поведения жен». Заглянув в инструкцию, жена дипломата может найти ответ на любой вопрос: как накрыть на стол, рассадить гостей, обращаться со слугами и главное — как завязывать знакомства и с кем.

Не пытайтесь привлечь в свой круг людей старше по возрасту и рангу, написано в брошюре. Вскоре они уйдут в отставку или умрут, и вы останетесь на бобах. Дружите с людьми своего возраста и ранга. Эта дружба всегда пригодится вам.

А вот и указания насчет «красных», если, не дай бог, жена дипломата встретится с ними на приеме и к тому же вынуждена будет заговорить: «Разработайте с мужем на этот случай специальную кодовую фразу, с помощью которой вы сможете дать понять друг другу, что один из вас говорит лишнее. Никому не разглашайте этой секретной фразы, даже ближайшим друзьям».

Запомнились строки из нашумевшей на пятом континенте книги «Австралийский капитализм»: «Эти люди (чиновники.— *Б. Ч.)* обычно играют консервативную роль в современной государственной системе. Правда, некоторые из них, бывает, участвуют в разработке экономических и социальных реформ. Но это участие продиктовано твердым стремлением укрепить существующий социальный строй». Сэр Джон Плейфорд считает, что консервативные убеждения чиновников подкрепляются их растущей близостью к миру бизнеса.

С одним из таких сторонников я познакомился в спортивном комплексе. Небольшого роста мужчина лет 35. Прекрасно сложен — ни одного грамма жира, недаром он директор спортивного центра. Крис

разговорчивее правительственных служащих. Ему некого и нечего бояться. Он знает, его не уволят за разговор с «красным»: таких отличных тренеров, как он, в Австралии единицы. В себе он полностью уверен. Идеалами социализма Криса не соблазнишь. Какие же идеалы увлекают его? Крис знакомит меня со своим жизненным кредо.

Он уже владелец двухэтажного каменного особняка и «мерседеса» одной из лучших моделей. «Мерседес» здесь стоит больше, чем три машины австралийского производства. Недавно Крису захотелось приобрести поместье. Купил ранчо в 50 милях от Канберры и участок земли — 10 миль в длину, 5 в ширину. Ну а что дальше? Теперь иная мечта — бросить через год-другой работу и осесть на земле. Бросить работу навсегда. И это в 35 лет.

Я спросил: не рано ли? Надоест отсиживаться без дела, захочется снова, как сейчас, быть полезным людям. Я знаю, Крис должен был бы сродниться с работой,— в спортивном центре он трудится в поте лица с 9 утра до 11 вечера. И вдруг — частичка его философии, отношения к жизни: «Сколько можно работать на общество? Теперь пусть общество поработает на меня». Как можно скорее сколотить капитал, чтобы заставить других работать на себя. Такова жизненная философия Криса.

Пленники иллюзорного рая

Пусть извинит меня читатель, но я снова хотел бы обратиться к данным официальной статистики, которые беспристрастно рассказывают о социальных болезнях общества.

100 тысяч австралийцев и 250 тысяч австралиек живут на транквилизаторах. Причина — нестерпимый жизненный стресс, желание уйти от действительности сегодняшнего дня. Даже в тихой, по провинциальному уютной Канберре число попыток самоубийства удвоилось за 1970—1973 годы. Исследования видного сиднейского профессора Энкеля говорят: более половины австралийцев и треть австралиек относятся к категории лиц, злоупотребляющих алкоголем.

А наркотики? Почему же не сказать и об этом? Я думаю, что людям, которые привыкли судить о

жизни за рубежом по одежде заезжих туристов и по рекламным проспектам, полезно узнать и об этих фактах, хотя автор вовсе не хочет сказать, что австралийцы — это нация самоубийц, алкоголиков, наркоманов. Но факты есть факты, и об этом широко говорят и пишут сами австралийцы.

Кэну 17, но он выглядит старше. Бледное лицо с потухшими голубыми глазами. Тщедушная сгорбленная фигура человека, уставшего от ударов жизни, безразличного ко всему. Кэн не хочет получать писем из дома, не читает газет.

— Мне нет до этого мира дела,— говорит он.

Кэн немного утрирует. Так было недавно, но сейчас он пытается возратиться на землю из мира больной и обманчиво сладкой мечты. Кэн наркоман, и при этом с большим стажем. Он курил марихуану, нюхал кокаин, колол героин, на его руках нет живого места, кожа в синих точках, кровоподтеках. Большие кисти рук не находят себе места. Вот они застывают на коленях, и тогда я — его собеседник — невольно разглядываю пальцы со светлой зеленью ногтей. Словно спохватившись, Кэн немедленно прячет руки за спину. Ненадолго. Считанные секунды — и они, появившись из укрытия, достают, дрожа, сигарету.

Кэн не помнит обстоятельств первого знакомства с марихуаной, вспоминает лишь возникшие после этого ощущения: внезапную сухость во рту, покашливание, учащенный пульс. Потом на смену им пришло успокоение, заботы дня отодвинулись куда-то далеко, минуты казались часами, а границы привычного мира расширились. В голове замелькали давно забытые лица, картинки детства, самые счастливые, беззаботные дни. Внезапно возникли яркие мысли. Вот она, гениальность! Схватить ее немедленно, удержать навсегда!

Так повторялось не раз. Потом наступала расплата. Самочувствие — словно тебя накануне избили палкой, работа как-то сразу осточертела, все теперь казались чужими, не нужными больше людьми. Жизнь свелась к одной цели — раздобыть марихуану, раздобыть ее любой ценой.

Марихуана стала для Кэна первым шагом в иллюзорный наркотический рай. Он не знал, что стал жертвой «больших парней» — так называют в Авст-

ралии тех, кто торгует здесь наркотиками всех сортов. В марихуану, что продавалась из-под полы, они подмешивали более сильный наркотик — белый порошок героина. Жертва быстрее «привыкала» к губительной страсти.

Кэн на опыте узнал, что героин сам по себе — чудовище. Он сильнее всех остальных парализует волю. Сначала его пробуют нюхать, затем вспрыскивают в виде раствора под кожу, потом вводят непосредственно в вену. Если принятая доза слишком мала, долгожданное чувство удовлетворения не наступает. Чрезмерно большая доза лишает мозг возможности контролировать дыхание, наступает состояние кислородного голодания, и тогда до смерти рукой подать. Он два раза побывал на пороге смерти. Его спасли врачи мельбурнской городской больницы, куда доставила юношу скорая помощь. Сейчас Кэн снова в больнице, теперь он явился сюда добровольно.

— Я хочу,— говорит он,— снова стать человеком. Нужно научиться жить, а не прятаться от жизни.

Кэн сознательно вступил в поединок со смертью, вступил для того, чтобы победить. Трудно достаются такие победы. Победить ведь надо прежде всего самого себя.

В мельбурнской больнице на Друммонд-стрит 200 юношей и девушек — наркоманов. Их лечат самыми новейшими методами, психотерапией, приобщением к физическому труду. Под Мельбурном у больницы есть специальная ферма, где они работают на полях вдали от соблазнов городского дна. Но не всем, далеко не всем помогает лечение.

Рой Петтерсон, директор больницы и президент благотворительного общества «Буоянси фаундейшн», которому принадлежит больница, не скрывает: на его памяти вылечилось сорок пациентов, погибло же, вернувшись к наркотикам, значительно больше — около двухсот человек.

Мы сидим с ним в холле, я — на старом кресле, он — на таком же ветхом диване. Низкие давящие потолки, грязные коридоры.

Рой Петтерсон, поймав мой взгляд, терпеливо объясняет:

— Не хватает средств, мы благотворительное, не государственное учреждение.

Люди в больнице действительно работают почти на одном энтузиазме. Врачу, который привык к солидным гонорарам, здесь нечего делать. Что возьмешь с больных, зачастую лишенных всяких средств?

Круглые сутки открыт доступ желающим попасть в дом на Друммонд-стрит. Здесь никому не отказывают в помощи, но и никого не удерживают. Хочешь — лечись, не хочешь — иди умирай.

— Ну а государство, неужели оно не борется против наркомании?

Государственных специальных больниц нет. Правительство пытается подойти к решению проблемы с другого конца. Ежегодно оно ассигнует 100 тысяч долларов на профилактическую работу. Их едва хватает на издание листовок, брошюр о вреде наркотиков. Естественно, что число наркоманов в стране продолжает расти.

В чем причины того, что еще недавно почти незнакомая австралийцам наркомания ныне прочно обосновалась на пятом континенте?

Рой Петтерсон видит их в широком проникновении международных преступных синдикатов на Австралийский континент, в том, что власти борются не с теми социальными условиями, что порождают почву для расцвета наркомании в стране, а лишь с их последствием — растущим контрабандным ввозом наркотиков.

Трудно спорить с Роем, он как никто другой в Австралии, отличается глубоким знанием проблемы. Но объективности ради надо все же отметить: жизнь заставляет власти принимать решительные меры против торговли наркотиками на австралийской земле.

Как-то в Канберрском аэропорту знакомый репортер полицейской хроники показал мне на молодого, хорошо одетого мужчину:

— Как ты думаешь, кто?

Я не стал торопиться с ответом. Ранняя седина на висках, умные глаза за стеклами очков, в руке модный плоский чемоданчик. С одинаковым успехом этот человек мог быть и процветающим бизнесменом, и молодым профессором университета.

— Ну так кто же?

Оставалось только пожать плечами. И тогда репортер, наклонившись к самому моему уху, прошептал: это очень способный агент Федерального бюро по борьбе с наркотиками.

С конца 60-х годов такие агенты совершают регулярные поездки из Канберры и Сиднея в Бангкок, Сингапур, Гонконг. Неспокойная судьба забрасывает их нередко и в Сан-Франциско, Токио, Лондон. Они могут выглядеть там по-разному, маскируясь под хиппи, безработного или богатого прожигателя жизни. Но независимо от «маски», у агента всегда при себе две вещи — служебное удостоверение и пистолет.

Харвей Бейтс, директор Федерального бюро по борьбе с наркотиками, считает: 80 процентов потребляемых в Австралии наркотиков — иностранного происхождения. А министр таможенной службы Д. Л. Чипп признал другую грустную истину: полиции удается обнаружить не более 10—15 процентов опасного контрабандного товара.

— Мы столкнулись с ужасной проблемой,— констатировал Д. Л. Чипп.— Честно говоря, я не знаю, как справиться с ней.

Австралийская пресса, которой не безразлична судьба страны, бьет тревогу.

Как-то в мои руки попал австралийский журнал «Пост» со статьей под заголовком «Добровольное сумасшествие». «Мы печатаем отчет об эксперименте с ЛСД,— говорилось в статье,— для того, чтобы предупредить тех, кто попытается испробовать на себе действие этого сильного наркотика».

Их было двое — Жан Генри, 43 лет, ретушер по профессии, и его помощница Елена Пино. Оба утверждали, что ЛСД на них не подействует, хотя и не испытывали его эффекта на себе ни разу. Все зависит от силы воли того, кто отправляется в «наркотическое путешествие», говорили они корреспондентам газет.

Однажды в половине десятого вечера их привезли в квартиру, где раньше они никогда не бывали. Кроме них там находились два фотографа, кинооператор, доктор и кинорежиссер. Без колебаний Жан и Елена проглотили сладкие таблетки и уселись в кресла, болтая друг с другом.

— Ну как, вам еще не страшно? — перебили вопросом их разговор.

Жан снисходительно улыбнулся:

— Вовсе нет.

Через несколько минут друзья поинтересовались, не хотят ли «подопытные» прилечь. Жан и Елена восприняли это чуть ли не как обиду. Они были твердо намерены продержаться в рамках приличия до конца.

Жан ничего не чувствовал. Все шло как всегда. Ему казалось, что он сумел победить наркотик. Теперь он докажет им свою правоту — ЛСД препарат для слабых. Его удивляли вопросы: «Тебе не жарко? Быть может, ты расстегнешь ворот рубашки?»

Первой плохо почувствовала себя Елена. Через тридцать минут — в десять вечера — она поняла: наркотик начинал действовать. В комнате зазвучали ее жалобы:

— Мне нечем дышать! Меня сковывает тяжесть!

Завертелись катушки магнитофона. Жан продолжал держаться как ни в чем не бывало. А рядом все тише шептала Елена:

— Меня что-то давит, я почти ничего не вижу.

Жан, как и прежде, выглядел молодцом. Он прекрасно слышал, как Елену спросили шепотом: «Это приятно?»

— Не особенно. Мои щеки тяжелые и горячие. Я чувствую тяжесть близко к затылку.

Вдруг в глазах у Елены отразилась сложная гамма переживаний: на короткое время удивление, затем панический ужас. В комнате раздался истерический смех, тут же сменившийся болезненным воплем. К ней бросились на помощь, но она успокоилась и с трудом повернула голову в сторону стены. Стена казалась ей картиной импрессиониста. Елена видела геометрические фигуры неправильной формы, магические круги. Неожиданно все это пришло в движение. Стена надвигалась, она вот-вот должна раздавить. Но Елена все еще находила силы описывать присутствующим свои ощущения.

Жан начал свое «путешествие» сразу с коротких бессвязных фраз:

— Красное, зеленое, голубое. Какой чудесный воздух! Я не могу остановиться!

Проблеск сознания. Ненадолго. Наркотик не выпускает жертву. Теперь Жан уже тонет в море. Вернее, кто-то пытается его утопить. Он кричит, борется за жизнь.

Оператор и фотографы крупным планом снимают его лицо, лицо человека, не верящего в спасение: еще секунда — и Жана поглотит морская пучина. Потом откуда-то появляется большое животное ростом с тигра. Оно набрасывается на Жана, терзает его острыми, как бритва, когтями. В глазах Жана смертельный страх, он уже ничего не рассказывает, не помнит, зачем он здесь, кто с ним в комнате. На магнитофонную ленту ложится душераздирающий крик.

Три часа утра, позади пять часов мучений. Доктор решает: хватит! Жан и Елена получают инъекцию сильных транквилизаторов.

Жан смог вернуться к своей работе спустя 48 часов после наркотического сеанса. Вместе с Еленой он согласился просмотреть фильм о своем «путешествии». «Нет, это не мы. Здесь мы на себя не похожи. Это актеры»,— так отреагировали они на фильм.

Авторы фильма — режиссеры и операторы спросили: согласятся ли Жан и Елена снова когда-нибудь повторить наркотический сеанс? Ответ был категоричным: нет, этого никогда не случится.

Редакция журнала «Пост» может честно сказать: она внесла свою лепту в борьбу с наркотической эпидемией в Австралии. Но, конечно, «развенчание» наркотиков в прессе — мера далеко не достаточная. Австралийские власти пытаются усилить таможенный контроль. Таможенная служба, в частности, получает ежегодно все больше технических и других средств для борьбы с нелегальным ввозом наркотиков в Австралию.

Так, до 70-х годов таможенники при досмотре вещей в аэропортах были вынуждены целиком полагаться на свою память. Сейчас 12 стран Азии и Тихого океана приняли решение усилить совместную борьбу с торговцами наркотиками. Фамилии пассажиров всех самолетов и судов, направляющихся, в частности, в Австралию, передаются теперь в таможенную службу по телеграфу. Там в свою очередь их сообщают... электронно-счетной машине, а она, порывшись в своей электронной памяти, вернее, в за-

программированных списках известных преступников и курьеров торговцев наркотиками, указывает, кого из пассажиров надо тщательно обыскать.

Правительство удвоило также число агентов Федерального бюро по борьбе с наркотиками. И все-таки эти меры не дают желаемых результатов, и оснований для тревоги хоть отбавляй.

Количество наркотиков на австралийском рынке растет из года в год. В 1969 году полиции удалось задержать 50 из 500 килограммов наркотика каннабиса, нелегально ввезенного в страну, а спустя два года, по расчетам полиции, в Австралию было ввезено контрабандным путем уже 2 тысячи килограммов того же каннабиса, из которых в руки таможенников и агентов из Федерального бюро попало только десять процентов — 200 килограммов. За 5 месяцев 1972 года таможенники и полиция обнаружили 65 тысяч доз порошка ЛСД, поступившего главным образом из США — почти в три раза больше, чем за весь предыдущий год.

Времена, когда распространением наркотиков в Австралии занимались хиппи, канули в Лету. На смену хиппи пришел отлично организованный преступный мир. Три из четырех крупнейших американских и международных подпольных преступных синдикатов направили в Австралию своих представителей с единственной целью — перевести торговлю наркотиками на профессиональные рельсы. Полиция смогла арестовать несколько гангстеров. Чтобы проникнуть в одну из шаек, агент Федерального бюро 5 месяцев маскировался под люмпена. С его помощью удалось конфисковать 60 тысяч таблеток ЛСД американского производства. Таблетки стоили в США 15 тысяч, в Австралии гангстеры выручили бы за них 480 тысяч долларов. Итак, 465 тысяч долларов чистой прибыли.

С быстротой эпидемии гонконгского гриппа наркомания охватывает страну, и одна из причин этой эпидемии — безнаказанность.

Максимальный срок тюремного заключения за торговлю контрабандным товаром в Австралии — 10 лет. Практически эта мера наказания никогда не применялась за всю историю страны. Обычно суд ограничивается годом тюремного заключения. Согласитесь, не

такой большой риск за возможность заработать полмиллиона долларов или больше.

Гангстеры успели обзавестись влиятельным лобби в законодательных органах. Не удивительно, что в таких условиях торговцы наркотиками не боятся поединка с полицией и проводят свои подпольные аукционы в Сиднее, Мельбурне под самым ее носом.

Рост наркомании не только результат деятельности международных преступных трестов. Разобщенность людей тоже порождает подходящую для этого социальную почву.

Современные Гиппократы

«Помогите!» — этот крик все чаще раздается в Австралии. Корреспондент газеты «Сан-Геральд» побывал в благотворительной организации «Линия жизни». За год, рассказали ему, мы отвечаем на 18 тысяч звонков. Люди просят помощи, совета, говорят о своем нежелании жить. Вы не представляете, как много людей хотят услышать по телефону дружеский голос или просто слово участия.

По мнению некоторых, дело помощи тем, кто согнулся под ударами жизни, должны взять в свои руки специально созданные государственные центры, работники этих центров должны оказывать помощь разуверившимся в жизни людям.

Другие утверждают, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Давайте резко увеличим количество добровольных обществ — клубов одиноких сердец.

Клубы одиноких сердец... Я поинтересовался литературой, которую они выпускают. Сотни, тысячи мужчин и женщин объявляли о своем существовании, о желании найти друга, рекламировали себя, как рекламируют старые машины, от которых хотят избавиться. «Вдовец 45 лет, любит читать книги и смотреть кинофильмы. Ищет женщину-друга, с тем чтобы жениться». «Мужчина 40 лет, ищет подругу для совместных посещений концертов, кинофильмов и других общественных мероприятий». «Брюнетка 47 лет, хорошо сохранившаяся, имеет дом, любит вязать свитеры и печь пироги. Ищет порядочного непь-

ющего мужчину, согласна стать любящей матерью его детей».

Это были самые грустные страницы, которые мне приходилось в Австралии держать в руках.

Люди прячутся от западного общества. На одном из необитаемых островков, где встречаются Индийский океан и холодное Тасманово море, поселилась Джейн Купер, молодая женщина, добровольно избравшая жизнь современного робинзона. Ее хижина находится на маленьком клочке суши в 60 милях от берегов самого южного австралийского штата Тасмании. Кругом бурые скалы, непроходимый лес и шум прибоя. Четыре солнечных дня в месяце, почти непрерывный дождь летом и мокрый снег зимой.

Джейн высадила на остров рыбацкая шхуна. Ловцы акул долго уговаривали молодую женщину вернуться обратно, но она осталась верна навязчивой идее — провести остальную часть жизни в одиночестве. Дни похожи один на другой, как капли воды, что почти беспрерывно падают с неба. В восемь утра подъем, купанье в холодном море, завтрак из пингвиньих яиц или рыбы, что привозят ей раз в две недели возвращающиеся с ловли знакомые рыбаки, потом нехитрый обед и такой же ужин. У Джейн бывают иногда рис и другая крупа, если их посчастливится уберечь от крыс. Крысы большие и смелые, они не спешат убежать, даже когда к ним подходишь вплотную. Кто знает, как бы себя чувствовала Джейн, если бы не имела мачете — огромного ножа-резака. Он помогает, когда крысы чрезмерно наглеют.

В перерывах между обедом и ужином Джейн читает, ведет свой дневник и отвечает на письма. Писем много — со всего света, количество их особенно возросло, когда об австралийской женщине-робинзоне написал популярный американский журнал: «Джейн, подождите, я скоро присоединюсь к вам». Но Джейн не хочет, чтобы к ней кто-то присоединялся. Она уверяет, ее одиночество совсем не дешевый трюк, рассчитанный на газетную рекламу. Стремление к одиночеству у нее осознанное, постоянное.

С годами вырабатывалось сознание — ты не нужна вечно занятому, равнодушному отцу и замученной домашними заботами матери. Замкнись, уйди в свою

собственную скорлупу. Совсем как тот мальчик из рисованного австралийского фильма. Его спросили, знает ли он, кем будет, когда вырастет. Малыш не задумываясь ответил: «Одиноким человеком».

Как научиться переносить одиночество? Этому посвящены в Австралии целые книги. Вот, к примеру, «Искусство жить в одиночестве», автор Нэнси Дрю, цена девяносто центов.

Я внимательно прочитал книгу Нэнси. Некоторые из ее советов приемлемы, другие — нет, но ни те ни другие не спасают от одиночества. Один из советов: стремиться быть полезной людям — например, работать секретарем одного из благотворительных обществ, сидеть с детьми соседей, когда родители уходят в гости, передавать молодежи опыт жизни. Как будто, неплохо. Но позволит ли австралийское общество активно вмешиваться постороннему человеку в чужие семейные дела? Что касается благотворительных обществ и разного рода подобных организаций, то их не так уж много.

Нэнси Дрю как средство от одиночества рекомендует письма родственникам, друзьям детства. Еще две вещи, которые, по ее мнению, могут спасти от одиночества: путешествия по Австралии и за рубеж, строительство своего дома, вернее, покупка уже готового и переоборудование его на свой вкус. Нэнси пишет, что дом дает владельцу не мало: чувство собственности и положение в обществе. Соседи, мол, будут больше уважать тебя и, следовательно, охотнее здороваться и разговаривать с тобой.

А сад! Сколько удовольствия, радости и, опять же, социальных контактов может принести он! Цветы способны вызвать зависть соседей и дать тему для утреннего разговора. «Доброе утро, мисс Смит, как чудесно выглядят ваши розы сегодня». «О да, спасибо. Не хотите ли, я срежу для вас несколько веточек?» Дальше — больше. С веточками роз уже удобно зайти к соседке. Та же не захочет остаться в долгу. В результате — приглашение выпить чашечку кофе и, конечно, длительный разговор.

Если цветы открывают дверь к соседке, то фрукты способны сделать для вас нечто большее — они выводят далеко за пределы соседской орбиты, расширяя круг социальных знакомств. Участие в выставках,

встречи и дискуссии с садоводами, наконец, благотворительность. Фрукты вы можете подарить в детский дом, нуждающимся семьям, недостатка в таких в вашем городе нет, констатирует Нэнси Дрю.

И главное, что дает одинокой женщине собственный дом,— это ничем не заменимое ощущение: ты пустила на этой грешной земле глубокие корни, ты вросла в нее крепко, и тебя так просто теперь с нее не сковырнешь.

Телевизор, машина, туристические поездки, собственный дом. Но откуда на это взять одинокой женщине деньги? Нэнси признает, что «немного увлеклась одной стороной своей программы борьбы с одиночеством». Ничего, у нее в запасе есть и другое средство от одиночества — философия.

Семья? Зачем она вам? — вопрошает Нэнси Дрю. Вдумайтесь, сколько горьких минут способна принести человеку семья! Вечная необходимость искать компромисса с детьми и мужем, работать на них день и ночь, стирать, готовить, наконец, воспитывать и большого и маленьких — все они, в том числе и муж, для тебя лишь дети. А если муж пьет? Рядом грязный человек, от которого несет пивом. А оскорбления, побои? Поди пожалуйся в полицию. Оштрафуют или заберут его — в обоих случаях пострадает семья. Деньги-то приносит в дом лишь глава семьи.

Другое дело независимость одинокого человека. Ты принадлежишь себе, и только себе. Не надо ни к кому приспосабливаться, встаешь когда хочешь, идешь, куда считаешь необходимым, и никому никакого отчета. Свобода, полная свобода! Ты можешь посвятить вечерние часы чтению газет, решению кроссвордов. Даже можно работать над улучшением своего голоса. Нэнси Дрю уверяет: незамужняя женщина в отличие от замужней, которая часто кричит на детей и супруга, «имеет больше шансов сделать свой голос мелодичным».

В общем, заключает Нэнси Дрю, «жизнь во многом то, что мы делаем из нее. Не полагайтесь на случай, будьте всегда активны, помните, у вас нет завтра, есть только сегодня».

Нет завтрашнего дня. Не правда ли, горькое и красноречивое признание? И не уничтожает ли оно все сказанное ею ранее до этого? К чему пытать-

ся скрасить жизнь, когда у тебя нет завтрашнего дня?

...И еще один пример того, как австралийцы сами себя пытаются спасти от одиночества или ухода в мир иллюзий.

Всякий раз, когда я приезжал в Мельбурн, обязательно заглядывал к своей знакомой мисс Маргарет Сегесман. И почти всегда она встречала меня приветливо в странном для 66-летней женщины костюме — черном гимнастическом трико.

Интересно сложилась жизнь у Маргарет Сегесман. Подданная Швейцарии, она покинула родину сразу после второй мировой войны. Врачи посоветовали ей, серьезно больной, уехать в Индию, лечиться у йогов. Семь лет прожила Маргарет в Индии, окончила школу йогов, заточила себя на долгое время в пещеру. То ли гимнастика йогов, то ли жизнь без забот и простая пища, то ли все, вместе взятое, плюс солнце и горный воздух вылечили ее окончательно и позволили даже уехать в Австралию. Здесь, в Мельбурне, Маргарет сняла верхний этаж дома по Коллинз-стрит и открыла первую «настоящую» школу йогов для австралийцев. Нет, школа — не коммерческое предприятие, все доходы от нее, а они немалые (школу окончили свыше 30 тысяч человек), одинокая женщина отдает благотворительным учреждениям.

— Я мечтаю приносить пользу людям,— говорит она,— человек не должен чувствовать себя загнанным волком.

От Канберры до Мельбурна 8 часов езды на автомашине. Узкая дорога не похожа на американский фривей, но скорости — прямо-таки импортированные из-за океана. Иначе нельзя, если хочешь вписаться в заданный мощными машинами ритм.

Слава богу, доехал. «Холден» припаркован в гараже мотеля, и сейчас самое лучшее — стряхнуть с себя напряжение бешеной гонки дня. Способ традиционный: финская баня или школа Маргарет Сегесман...

Нас много, человек двадцать пять, люди разного возраста, незнакомые между собой. Мы лежим на полу, укрытые одеялами. Через зашторенные, наглухо закрытые двойные рамы в комнату почти не проникает уличный шум. Зато мы ясно слышим голос

Маргарет Сегесман. Поначалу отчетливый, громкий, он становится все мягче и тише:

— Трудности дня забыты, жизнь прекрасна, вы отдохнули и испытываете чувство легкости. Бодрость и энергия наполняют вас...

Это, конечно, лишь грубая схема. Я записал на магнитофонную ленту гипнотический сеанс Маргарет Сегесман и могу ответственно сказать: классы релаксации — так он называется здесь — вещь полезная и эффективная. Когда ты сбрасываешь с себя одеяло и в прихожей зашнуровываешь ботинки, усталости как не бывало.

Но не классами релаксации и даже не гимнастикой йогов за последнее время знаменита в Австралии школа мисс Сегесман. Страницы газет и журналов обошла в 70-х годах сенсационная новость: в Мельбурне Маргарет Сегесман открыла курсы «тач-терапи» — терапии касанием. В школу йогов тотчас же бросились корреспонденты иллюстрированных еженедельников. Какой соблазн — заснять на пленку американскую новинку на австралийской почве! Тем более, что новинка в США наперчена сексом.

Увы, корреспондентов ожидало чувство разочарования, а мисс Сегесман утвердила свое реноме человека серьезного, чья цель — помочь людям. Мне пришлось побывать на одном из таких уроков. В длинном зале на коленях стояло около сотни людей. Глаза закрыты, руки вытянуты вперед, как антенны. «Начали!» — звучит команда молодого инструктора. Две шеренги двигаются на коленях навстречу друг другу. Сблизились, руки касаются рук, гладят головы, лица...

Маргарет Сегесман уверяет, что «тач-терапи» одно из средств в борьбе с одиночеством. Кроме того, многие стали засыпать без снотворного.

Не берусь судить, насколько научно обоснованы слова Маргарет Сегесман. Корреспондент — не врач и не психиатр, но перед тем, как уйти из школы, я спросил у хорошенькой пепельной блондинки:

— Ну и как, помогает?

— По крайней мере я чувствую себя легче. Может быть, потому, что я здесь не одна.

Нельзя закончить речь о социальных болезнях Австралии без разговора о телевидении.

Телевидение — это больше, чем умелые руки скульптора. Оно формирует человека не только внешне, заставляя его одеваться по моде, причесываться на определенный лад. Телевидение лепит мораль зрителя. В его душе оно может стать источником прекрасного или, наоборот, посеять горькие семена. На пятом континенте распространено изречение: когда боги захотели погубить австралийцев, они дали им телевидение.

Итак, австралийский голубой экран. Что он собой представляет, какие проблемы волнуют его зрителей?

6

ТЕЛЕЭКСКУРСИЯ С КИНОПРОДОЛЖЕНИЕМ

«Телевизионным» бандитом прозвали австралийские журналисты некого Питера Паскаля Макари, и у них были на то серьезные основания. Оговорюсь сразу, Макари, он же мистер Браун, был самым настоящим преступником. Он заставил крупнейшую авиакомпанию «Квонтас» выплатить ему 500 тысяч долларов и скрылся с деньгами из-под самого носа полиции. Завязался клубок «преступления века». Распутать его удалось далеко не сразу, хотя на ноги была поднята полиция во всех уголках страны...

В майский погожий полдень в полицейском участке Сиднейского международного аэропорта раздался настойчивый телефонный звонок. К аппарату долго не подходили — был священный час

ленча. Наконец констебль Теренс Бойл взял трубку и услышал взволнованный голос.

— Алло, полиция? Я хотел бы поговорить с дежурным офицером.

— Кто его просит?

— У меня срочное дело.

— И все-таки ваше имя, сэр?

— Мистер Браун.

Торопясь и проглатывая слова, мистер Браун сообщил дежурному офицеру сенсационную новость, которая тут же сломала размеренный темп полицейского ленча.

— В здании аэропорта спрятана бомба. Да, бомба!

— Где?

— На втором этаже в камере хранения, бокс 84. Не пугайтесь, время еще есть, вы успеете ее обезвредить.

Когда полиция вскрыла бокс, внутри оказалась виниловая сумка с самодельной адской машиной. Кроме нее полиция обнаружила в боксе письмо, а в нем содержалась другая «бомба» — угроза взорвать пассажирский самолет.

— На самолете компании «Квонтас»,— прочли встревоженные детективы,— следующим по маршруту Сидней — Гонконг, рейсом 755, спрятана такая же адская машина. Могу сообщить, как ее отыскать. Условия: полмиллиона долларов немедленно. Если в дело вмешается полиция, самолет взорвется, пассажиры погибнут, диверсии будут продолжены. Я скажу по телефону, когда и где передать деньги.

В оставшиеся до взрыва считанные часы мистер Браун неоднократно звонил всесильному богу воздушной империи, управляющему компанией «Квонтас», сэру Роберту Ритчи. И бог почтительно соглашался со всеми инструкциями, полученными от преступника. Риск потерять самолет стоимостью в десятки миллионов долларов казался слишком большим. А кто возместил бы Ритчи моральный ущерб репутации «Квонтаса», кто вернул бы ему пассажиров, переставших доверять воздушной компании свои жизни? Нет, иначе поступить он не мог.

Пока преступник вел с «Квонтасом» переговоры, экипаж самолета, предупрежденный по радио, лихорадочно разыскивал бомбу. Пассажиры догадались,

в чем дело. Одних охватила паника, другие стали помогать отдирать ковры и внутреннюю обшивку, шарили под креслами, но бомбы нигде не было.

Время ультиматума истекало, и сэр Роберт Ритчи приказал выставить на улице у входа в небоскреб «Квонтаса» два мешка денег. В назначенный час Браун подъехал на машине к «Квонтасу», погрузил мешки в свой пикап и скрылся в неизвестном направлении. Через некоторое время в кабинете управляющего снова раздался телефонный звонок. В трубке послышался знакомый голос: «Благодарю вас за деньги. В самолете нет никакой бомбы».

Потом в кабинете следователя несколько месяцев спустя Браун рассказал историю своего преступления от первой минуты, когда в голове зародилась мысль о дерзком ограблении «Квонтаса», до самого ареста за два дня до которого преступнику удалось надежно припрятать деньги. Он не признался куда, рассчитывал истратить их на свободе через пятнадцать лет.

Идею преступления, его план, с незначительными поправками на местные условия, Браун позаимствовал из американского фильма, показанного по телевидению в глухом австралийском городке Таунсвиле.

— Это самое умное и талантливое преступление за всю мою долгую судебную практику,— так отозвался сиднейский судья о деле Питера Паскаля Макари, отправляя «телевизионного» бандита на каторгу.

Австралийское «преступление века» переполнило чашу терпения, вызвало волну упреков в адрес «бездействующей» полиции. Вместе с тем оно заставило австралийцев в который раз вернуться к раздумьям над другим не менее важным вопросом: что же представляет собой телевидение страны?

Процесс над Брауном послужил сигналом тревоги. В дирекции популярных каналов стали раздаваться звонки. Хватит уголовщины, надоело! Кого вы думаете воспитать из наших детей? Многие не звонили, они высказывались против уголовной диеты письменно. Анкеты, разосланные зрителям, показали: 40 процентов опрошенных выступают против уголовщины на экране.

Статистические данные свидетельствовали — продажа телевизионных приемников сократилась на 10 процентов. В Сиднее зрители в возрасте до 39 лет уменьшили часы своего бдения у голубого экрана почти наполовину, точнее, на 49 процентов. А ведь еще недавно каждый из них был прикован к телеэкрану не менее 21 часа в неделю.

Против телевизионного регресса героически выступили даже пенсионеры. Так, в Мельбурне они стали просиживать у телевизоров на одну треть времени меньше. Жертва эта для них особенно велика, так как вечерами в городах им некуда податься, они пленники своих четырех стен.

Забили тревогу рекламные компании, на чьи деньги в основном и существуют телевизионные каналы.

Это был конец безмятежного существования для мозговых трестов телевизионных каналов. Перед ними поставили задачу: шевельнуть мозгами на сей раз по-настоящему и придумать нечто совершенно новое — такое, чтобы блудный зритель вновь вернулся к телевизору в брошенную им по вечерам гостиную.

Первыми на призыв откликнулись режиссеры десятого сиднейского телевизионного канала. Откликнулись не какой-то там разъединственной часовой передачей. Масштабы придуманного впечатляли своей грандиозностью. В основу новой программы легли пятьдесят сценариев, написанных авторским коллективом из 15 человек.

В многосерийном фильме снялись 30 актеров, при этом 18 профессионалов. Фильм планировалось показывать чуть ли не ежедневно в течение многих недель.

На этот раз зрителю предлагалась драма из жизни «обычных» людей — жителей дома под номером 96 на одной из улиц Сиднея. Но «обычность» оборачивалась необычностью.

««Номер 96»,— писала профессиональная критика,— самый смелый фильм за всю историю австралийского телевидения». Занавес над характером «смелости» многосерийного боевика приподняла заранее реклама: сексуальная свобода по десятому каналу! Картина только для взрослых! Вы сами должны стать цензорами в семье!

Я стал таким цензором, и, отправив своих детей спать, уселся перед телевизионным экраном. После многих лет жизни за границей я чувствовал себя достаточно подготовленным к разного рода сюрпризам.

Чем же привлекали авторы сценариев многосерийного боевика? На экране действительно шла речь о многоквартирном доме, только жильцы, населявшие его, не были похожи на людей, окружающих тебя в повседневной жизни. Две пары любителей однополой любви, сексуально озабоченная женщина средних лет, психопат муж. И, конечно, калейдоскоп наперченных сцен: порнография, изнасилование, ссоры, грязные слова. Неужели это типичные австралийцы? Да, типичные, как бы утверждают авторы и режиссеры боевика.

Я решил пробиться на студию, чтобы поговорить с двумя американскими режиссерами и постановщиками телеспектакля — Доном Кэшем и Биллом Хармоном...

— Ш-ш-ш... Идут съемки!

Мой знакомый журналист тихо открывает массивную дверь, и мы ныряем под светящуюся табличку. Сиднейская студия «Б», принадлежащая десятому телевизионному каналу. Затаив дыхание, прокладываем себе путь через горы сваленной мебели. Старые диваны, стулья, столы. Как будто бы их подбирали специально по принципу непригодности.

Мы проходим мимо кучи грязной посуды, оставляем позади набитый лекарствами аптечный киоск и внезапно оказываемся в святая святых канал-студии, где снимаются эпизоды для фильма «Номер 96». Все как в настоящем доме, в натуральную величину две квартиры. В спальнях две огромные кровати «королевского размера», в беспорядке разбросанная мужская и женская одежда, голубые простыни. Здесь снимается чуть ли не половина кадров телеспектакля.

— Броня Брехетс вернулась,— сообщает мой спутник.

— Да? А кто такая Броня, кого она играет?

— Она снимается в роли Елены. Вы помните, конечно, Елену Иствуд? Она падает в фильме с лестницы после неудачной попытки мужа изнасиловать ее на восьмом месяце беременности.

— Что же случилось с ней дальше?

— М-м-м... Она очутилась в больнице. Потом ее выписали, она вернулась домой и застала мужа в постели с Розой. Тогда она снова убежала из дома.

— Ну а Роза?

— Она попадает к хиппи, становится наркоманкой, ее заставляют продавать наркотики. Затем ее насилует и избивает группа молодых хулиганов. Роза в положении. Она не знает, кто же отец будущего ребенка... Кстати, а вот и мистер Дон Кэш.

Мой гид показывает на черноволосого мужчину лет пятидесяти пяти в яркой спортивной рубашке. Он сидит в углу студии вместе с помощником, проверяя только что отснятые кадры. Дон ответствен за съемки на этой неделе. На следующей будет работать его коллега Билл Хармон. Дел много. Пять съемочных дней, не считая субботы и воскресенья. В телеспектакле занято не менее ста человек, помогает техника — счетно-вычислительная система.

Резкий внезапный свисток. «Тихо! Пять, четыре, три, два...»

Мы в гостиной Фриманов. Они фармацевты, которым принадлежит аптека на первом этаже дома. Брат и сестра. Кто-то из действующих лиц находит в спальне труп женщины. Выясняется, что убитая — госпожа Вансард, жена Гордона Фримана, «сестра» же аптекаря — его любовница.

По команде Кэша сцена переснимается пять раз. Наконец Дон удовлетворен.

— Прекрасно, прекрасно... Очень хорошо.

Перед режиссером огромная черная папка — расписание и программа съемок. Здесь учтено все — кого, что, когда запечатлеть на пленку.

— Основа нашей работы,— замечает Кэш,— отличная организация труда. Если бы не она, мы не сумели бы отснять пять эпизодов в неделю.

Кэш рассказывает о себе и Хармоне. Оба долго работали в американском телевидении, сделали ряд телеспектаклей для популярных каналов. Потом это предложение от сиднейского телевидения. Десятый канал задыхался без зрителей. Перед ними поставили задачу создать шоу, которое бы привлекло хотя бы 20 процентов сиднейцев. Результаты далеко превзошли ожидания.

— Невероятно,— признается Кэш,— но это факт. Теперь «Номер 96» смотрят более трети всех зрителей. И при этом чем сильнее ругают нас критики, тем больше людей регулярно следит за нашими передачами.

Но боевику доставалось не только от критики. Рядовые австралийцы возмутились гнусной карикатурой. На студии беспрерывно трещал телефон: отвратительно, прекратите омерзительное зрелище. И это звонили австралийцы, у которых нервы в плане сомнительных зрелищ достаточно закалены.

Известный критик Дон Андерсен не стал беспокоить дирекцию десятого канала, он предпочел поделиться своими впечатлениями от фильма в журнале «Бюллетень»: «Я испытывал скорее подавленность, чем чувство отвращения. Целый штат сценаристов, профессиональных актеров — и все лишь для этого! Что в нем общего с действительной жизнью? Это самый настоящий эрзац, мечта продюсеров пересадить на сиднейскую почву американские телевизионные боевики».

Дон Андерсен предельно точно выразил мнение большинства зрителей. По-моему, он вольно или невольно проглядел лишь одно: телебоссы в Австралии — люди дела, они не мечтают, а давно уже на практике «пересаживают» американскую телепродукцию. О лавине голливудских боевиков, захлестнувшей местный экран, неоднократно писала австралийская пресса. В 70-х годах вопрос встал острее — Голливуд на корню закупает все австралийское телевидение. К концу нынешнего десятилетия, указывают специалисты, австралийское телевидение превратится в полную собственность американского капитала.

Этот мрачный прогноз подтверждает жизнь, финансовая и налоговая политика. Перед американскими капиталовложениями в местное телевидение зажжен зеленый сигнал светофора. Кроме того, американская телепродукция ввозится на пятый континент беспошлинно, в то время как с австралийских телевизионных фильмов таможенные власти Соединенных Штатов взимают 30-процентную пошлину. Прибыли от проката американских фильмов облагаются в Австралии лишь 10-процентным налогом, до-

ходы же от фильмов австралийского производства сокращаются местными налогами на 25—50 процентов. Американские кинокомпании нередко снимают свои фильмы в Австралии, причем с участием австралийских актеров. Затем уже готовые фильмы отсылаются в Голливуд «на доработку».

Теперь они считаются уже сделанными в США, следовательно, за их «покупку» местным компаниям приходится переплачивать Голливуду сотни тысяч долларов.

Подсчитано, что с 1965 года по 1973 год зарубежные телекомпании перевели из Австралии в банки своих стран 80 миллионов долларов чистой прибыли, полученных только от передач так называемого коммерческого телевидения.

В то же время статистика констатирует: 70 процентов жителей страны выступают за создание подлинно национального телевидения и всячески поддерживают точку зрения о необходимости увеличить обязательную квоту показа австралийских фильмов, введенную для коммерческих телевизионных каналов страны. Нам нужно стать самими собой, считают австралийцы, а не тенью Америки или Англии. 80 миллионов долларов прибыли иностранных компаний могли бы быть использованы для развития национального телевидения страны.

Однако дирекция телевизионных компаний активно саботирует эту программу. Ибо согласно существующим в стране законам о налогообложении гораздо выгоднее закупать иностранные телепрограммы и фильмы, чем создавать свои собственные. Если бы не обязательная квота, говорят представители коммерческих каналов, мы бы вообще ликвидировали передачи местной телевизионной продукции. Чтобы сократить размеры обязательной квоты, они не жалеют ни сил, ни денег. Телевизионное лобби развивает активную деятельность и в кулуарах федерального парламента, и в парламентах отдельных штатов страны.

В 70-х годах вопрос о том, могут ли австралийцы создать свое собственное национальное телевидение, все чаще обсуждают на пятом континенте. Одни утверждают — нет. Мы, мол, не имеем опыта, талантливых актеров и сценаристов.

Предоставим слово австралийскому журналу «ТВ таймс». «Это чистая чепуха, — пишет он. — Тем, кто думает так, следовало бы посмотреть на замечательных писателей, художников, певцов, актеров и композиторов австралийского происхождения. Было бы нелогичным предположить, что мы не в состоянии дать стране таких же талантливых телепродюсеров и сценаристов».

Добавим: талантливые телевизионные артисты в Австралии имеются. Только некоторые из них, такие, как Барри Хамфрис, пока предпочитают работать в Англии, потому что не хотят сниматься в австралийских коммерческих передачах или рекламных боевиках. Им претит отношение к австралийским актерам: тебе не дадут хорошую роль до тех пор, пока не станешь известным за рубежом.

Другие артисты австралийского телевидения, вроде Джорджа Мэллейби — звезды из популярной серии «Хомисайд», стараются не столько совершенствоваться в актерском мастерстве, сколько упрочить свое положение в обществе и обеспечить будущее путем приобретения собственности — земельных участков и т. д.

Но вернемся к новинкам голубого экрана, в том числе и к тактическим приемам, рассчитанным на увеличение армии телезрителей.

Скандальные лавры фильма «Номер 96» не дают покоя многим сценаристам. В Австралии известный режиссер и сценарист Герри Бурке приступил к съемкам «сногсшибательного» фильма «Латрик». Его съемки уже обошлись в полмиллиона долларов. «В этом фильме,— заявил сам Бурке,— содержатся наиболее откровенные сексуальные сцены, которые когда-либо знала история австралийского телевидения и кино».

Другая новинка телеэкрана уже не фильм, а дискуссионная программа. И на этот раз передали ее в эфир совсем не коммерческие каналы. С инициативой выступил полуправительственный канал Эй-Би-Си. В одну из суббот к сиднейской телевизионной студии направилась машина под охраной полицейских на мотоциклах. Машина везла растение каннабис, из которого делают марихуану. Его вырастили в помещении, где день и ночь дежурили полицейские. Каннабис

понадобился для новой телевизионной передачи «Наркотики под судом». В этой передаче участвовали известные в стране члены парламента, врачи, общественные деятели. Они, по замыслу авторов, должны были поделиться на две группы — представителей обвинения и защиты. Как заявила дирекция, задачи авторов передачи самые благородные, однако совсем не трудно понять, что с помощью такой программы на студии попытались привлечь внимание телезрителей к полуправительственному каналу Эй-Би-Си.

Конечно, теледельцы не захотели отставать. Они объявили: любители тотализаторов и прочих азартных игр вскоре смогут щекотать свои нервы дома, сидя перед экранами телевизоров. Бизнесмены из штата Виктория собираются ввести новую передачу — телевизионное лото. В случае удачи — крупный выигрыш в 50 тысяч долларов. Фирме «Таттс» — организатору телевизионного лото — новая программа обойдется в несколько сотен тысяч долларов. Тем не менее «Таттс» настроена оптимистично, по ее расчетам, почти каждый австралиец загорится желанием получить за четвертак полсотни тысяч долларов. Затраченные сотни тысяч дадут десятки миллионов, которые полюбовно разделят между собой бизнесмены из «Таттса», члены правительства штата и, естественно, теледельцы. Итак, густо замешанные на порнографии боевики, с одной стороны, и программы, культивирующие азарт, — с другой.

Мозговые тресты телевизионных каналов выдают на-гора́ все более заманчивые идеи. Одну из них австралийские телебоссы готовятся похитить у радио.

Я помню душную январскую ночь в Сиднее. В мотеле «Флорида Тауэрс» трещали сверчки. С улицы в открытые окна врывался шум автомобильных моторов. И все же уснуть мешало другое — поток беспокойных мыслей, результат забитого журналистскими встречами дня. Рука на авось потянулась к приемнику, и вдруг из динамика над кроватью раздался вкрадчивый женский голос. Он говорил: жизнь — нелегкая штука. Главное в ней — научиться отвлекаться от не дающих покоя проблем.

Стрелки показывали три часа ночи. Я дал себе слово встретиться с моей утешительницей перед отъездом в Канберру.

Джун Гарднер, так звали диктора, охотно поделилась со мной своими мыслями о работе:

— Что заставляет сиднейские радиостанции работать 24 часа в сутки? Нас слушают тысячи, может, десятки тысяч.

— Кто?

— Шоферы такси, дежурные сестры в больницах, рабочие ночных смен и... одинокие женщины, пьющие по ночам.

Джун получает множество писем, в них человеческая боль, страдания, раздумья над жизнью.

— Я делаю нужную работу, я нужна людям одиноким, чужим в ночи.

— Перебросить такой же мост к зрителю, найти ключи к его сердцу, чтобы он вот так же засыпал телевидение письмами, верил в нас, как в радиодиктора Джун, — это наша задача, — говорит мне Брус Гингел, молодой способный директор девятого телевизионного канала в Сиднее.

Брус понимает сложность задачи, его социологи тщательно изучили зрителей. Только 17 процентов из них, утверждают они, имеют среднее образование. Большинство не любят свою работу, им не нравится стиль жизни, который они ведут. Их горизонты и возможности ограничены. Люди хотят отвлечься, забыть реальные факты. Телевидение помогает им убежать от самих себя.

У Бруса проверенная тактика. Приучайте зрителей к вашему каналу постепенно, без спешки. Слишком резкая перемена программы может отпугнуть их. Искусный охотник за зрительскими душами, Брус достаточно хорошо знаком с психологией австралийцев. Его точку зрения насчет чувства меры подтвердил опыт десятого канала, показавшего «Номер 96». «Верная» ставка на порнографию как средство пополнения армии телезрителей не сработала. Авторам сценариев и режиссерам многосерийной порнографической эпопеи в конце концов дали указание в государственном комитете по контролю за телепередачами сократить количество сомнительных сцен...

Брус снова возвращается к зрителю. Для него это серая аморфная масса, она беззащитна перед политической терминологией, часто не знает даже, кто стоит во главе страны. Мне не забыть, рассказывает он, как

в одном из учебных заведений преподаватель задал вопрос: кто премьер-министр Австралии? Большинство учащихся ответило: президент Никсон.

Брус, конечно, утрирует. Возможно, зритель до недавних пор действительно проявлял равнодушие к политике, и это имело свое оправдание. Австралия быстро неслась вперед по широкой автостраде экономического процветания. Но в последние годы жизнь нажала на тормоза, австралийцев резко встряхнуло, реальность пробудила многих от политической спячки.

Часть австралийцев считает: пришла пора поставить голубой экран под общественный контроль. Пусть его программы определяются не интересами королей туалетного мыла, а потребностями здорового развития общества. Однако никто не знает, как это сделать, не меняя социальных условий. Телевизионные передачи пока продолжает оплачивать реклама, а тот, кто платит, заказывает музыку.

Другая часть австралийцев возлагает надежды на прогресс телевизионной техники, он, мол, со временем изменит в лучшую сторону голубой экран. Создание всемирной системы телевизионных передач через спутники уничтожит остатки культурной и политической изоляции далекого пятого континента. Австралия тоже сможет транслировать свои телевизионные программы на всю планету. Межконтинентальное телевидение станет в ее руках абсолютным оружием в попытках расширить рамки зарубежных представлений о континенте на самом краю земли. Для того, чтобы попытки увенчались успехом, австралийское телевидение должно совершить качественный скачок. Его программы просто вынуждены стать лучше. Таковы надежды и планы. Сбудутся ли они, покажет время.

Как убили кино

Австралийское телевидение оказалось в глухом тупике. Ну, а австралийское кино? Это вопрос не случайный. Оба экрана, голубой и серебряный, тесно связаны между собой, во многих странах у них одни горести, радости и заботы.

Мне вспоминается апрельский день 1972 года. В переполненном зале сиднейского кинотеатра было

нечем дышать. Зрители заняли даже те места, откуда приходится весь сеанс тянуть шею так, что потом долго болят мышцы. Но неудобства скоро перестаешь замечать. Полтора часа идет фильм, и все это время люди прикованы к экрану. Где обычные реплики, разговоры? Кругом завороженные светлым пятном экрана зрители. Ты чувствуешь, как зажат, как стиснут плотным людским кольцом. Твои мысли не в зале, а там на экране... Когда зажигается свет, люди расходятся, не глядя друг другу в глаза.

«Первоклассный кровавый фильм,— сказал об этой картине сиднейский писатель Кеннет Кук,— но многие австралийцы будут его ненавидеть».

Кинокартину «Проснись в ужасе», одну из трех лент, сделанных в Австралии и об Австралии, можно невзлюбить, я бы даже сказал, обвинить в намеренном сгущении красок, и тем не менее в ней, словно в фокусе прожектора, собрана и высвечена талантом режиссера Теда Котчефа жизнь австралийской провинции.

Доктор на пенсии, полицейский сержант — это в их общество и общество их собутыльников попадает в городке Ябба молодой учитель из далекого местечка в пустыне. Он спешит на самолет, его ждет любимая девушка в Сиднее, но «гостеприимные» жители городка расставляют ему ловушку и делают своей жертвой. Учитель пьет, играет в карты, а в перерывах между тем и другим принимает участие в любимом развлечении местной «интеллигенции» — охоте на кенгуру. Охотники догоняют на машинах беззащитных «ру», стреляют и тут же приканчивают раненых животных.

Учитель опомнился, он в ужасе: какое болото! Поздно... Лететь в Сидней нет денег. И тогда приходит мысль о самоубийстве.

Фильм кончается лучше, чем ожидаешь,— учитель сумел побороть себя и выбраться из затянувшего было болота. Он бежит от «цивилизации» городка обратно в пустыню, к школе и детям.

Фильм кончается, но не кончаются раздумья. Критики до сих пор снова и снова пытаются оценить «Проснись в ужасе». От профессиональных критериев — хорошо ли играют актеры, ярко ли вычерчены

сюжетные повороты — знатоки кино, поддаваясь невольно зрительному впечатлению (и профессионализм не всегда способен убить живое восприятие даже в критиках), переходят к таким понятным широкому кругу людей оценкам: «Самая реалистическая картина жизни маленького австралийского городка, которую я когда-либо видел».

Зрители не намерены отставать от критиков, они продолжают писать в газеты. И странное дело, людей, ненавидящих фильм потому, что он «точная копия жизни в провинции», единицы.

Большинство, узнав в героях себя, задают в письмах разные вопросы. И среди них такие: почему отсутствуют фильмы, которые делали бы людей лучше, почему нет картин, снятых от начала и до конца австралийскими кинематографистами? Или вот еще один вопрос, прозвучавший со страниц крупнейшей газеты: «Почему правительство находит деньги, чтобы помогать балету и театру, и отказывает в помощи самому массовому виду искусства — кино?»

В самом деле, почему? Как не расскажешь при этом о некоторых фактах, фактах позорных и проливающих свет на положение в австралийском кинематографе.

В 1972 году в печати было объявлено, что правительственная корпорация по развитию отечественной кинопродукции проведет расследование положения на кинорынке страны. Корпорацию интересует, какую долю прибылей, заниженную или нет, выплачивают кинопрокатные фирмы продюсерам австралийских фильмов. Вопрос один из важных. Если за этот конец потянуть умело, то можно развязать весь хитроумный узел махинаций, с помощью которых иностранные монополии в течение многих лет убивают в зародыше австралийскую кинопромышленность. Потянуть как следует — это значит публично вскрыть обман, предать гласности «длинную цепь предательств», рассказать неприглядную правду о том, как вот уже десятки лет американские кинογиганты «Парамаунт», «Юнайтед артист», «Уорнер бразерс», «Коламбиа», «Твентис сенчури Фокс» монополизируют кинорынок Австралии и перекачивают с пятого континента на свои лосанжелесские и нью-йоркские счета миллионы и миллионы долларов.

В этом домике родился
Джеймс Кук

Деловой Сидней.
Здесь конторы крупнейших
банков и корпораций

Приятно полежать
на лужайке парка
в обеденный перерыв

Австралийцы не забывают
и транспорт мощностью
в одну лошадиную силу

Молодая мама с ребенком
в корзине

Новое здание
Мельбурнского университета

Сиднейское гетто

«Пожалуйста, помогите детям
из сиротского дома Далвуд»

Лейбористы одержали победу!

На заводе компании «Би-Эйч-Пи» выплавляется чуть ли не половина всей австралийской стали

Разорение...
Фермер не выстоял в борьбе с инфляцией и конкурентами

В таких домах
живут люди труда

Третий день по всей стране
не выходят на линии
городские автобусы.
Водители протестуют против
безжалостной интенсификации труда

Когда бастуют водители
автобусов,
такси поймать нелегко

Долой реакционное
правительство Макмагона!

«Посольство аборигенов»
перед зданием
австралийского парламента

Полиция разрушила
палаточный городок аборигенов

Молодая Австралия
против расовых барьеров

Участники сессии СЕАТО
в Австралии под охраной
полицейских нарядов

Канберра.
Демонстранты протестуют
против произвола полиции

Но не провести расследование было нельзя. Фильм «Проснись в ужасе» послужил последним толчком к широкому недовольству. Австралийцы потребовали объяснить им, что же все-таки мешает производству в стране национальной кинопродукции. Потребовали настолько громко, что вопрос об этом был поднят на сессии парламента.

Сейчас уже и без расследования ясно: вся история австралийского кино, как и телевидения,— это история создания правящими кругами самых благоприятных условий для проникновения иностранных монополий на пятый континент. Правда, в докладе, представленном еще в 1940 году в парламент налоговым ведомством, рекомендовалось облагать все иностранные фирмы 30-процентным налогом. Эту меру налоговое ведомство мотивировало следующими соображениями: «Сумма в 30 процентов,— указывало оно,— отвечает нашим национальным интересам, так как может заставить иностранные монополии, если у них возникнет в дальнейшем желание добиться сокращения этой суммы, перестать вводить нас в заблуждение относительно точных размеров своих доходов, полученных от проката фильмов в Австралии».

Два года спустя, хотя эта мера не дала еще результатов, австралийские власти сократили налог на прибыль от проката иностранных картин с 30 до 10 процентов. Так щуку бросили в реку, и с тех пор на протяжении более 30 лет ни разу не проверили, как обстоит дело с 10 процентами, уплачиваются ли они с подлинной или подтасованной суммы доходов.

Государственный закон о кино, действующий в Австралии по сей день, в отличие от телевидения, формально составлен так, чтобы помочь развитию национальной киноиндустрии и защитить кинопрокатную сеть от зарубежных конкурентов. «Но ни одно из этих положений кинозакона,— отмечает еженедельник «Нэшнл таймс,— так никогда и не было выполнено». Заявление еженедельника подкрепляют вполне конкретные данные. Прокатная сеть контролируется в Австралии полностью двумя гигантами кинобизнеса: американо-английской корпорацией «Грейтер Юньон» и фирмой «Хойтс», собственностью американской монополии «Твентис сенчури Фокс».

«Грейтер Юньон» и «Хойтс» не пускают на экраны австралийские фильмы, а пустив однажды в порядке исключения, держат их продюсеров в жесткой финансовой узде. Так, за прокат нашумевшего австралийского фильма «Они забавные ребята» его постановщики получили всего 300 тысяч долларов, едва возместив затраты на съемки. Что же, им заплатили 10 процентов от вырученных якобы 3 миллионов кинопрокатной сетью. Поди проверь подлинность этой цифры, когда «Грейтер Юньон» и «Хойтс» никому, кроме зарубежных хозяев, не открывают своих гроссбухов.

Быть может, не стоит заниматься расследованиями, к чему осложнять жизнь, ведь австралийцы с интересом смотрят продукцию западных киноимперий. В Канберре, когда власти разрешили показать первый «строго для взрослых» фильм «Я женился на тебе ради забавы», полиция выставила на дороге к драйв-ину специальные патрули. Автоочередь к кинотеатру вытянулась на целую милю. 674 автомашины сумели попасть за ворота драйв-ина, 500 вернулись в свои гаражи, им не хватило места.

К чему расследования, когда Голливуд и другие киноимперии Запада вроде бы делают фильмы на все вкусы? Хотите фильм о пятом континенте? Пожалуйста. Посмотрите картину «Прогулка», он расскажет вам об Австралии, правда, толкуя действительность на свой, американский манер.

Вот краткая сюжетная канва фильма Николаса Роега.

Сиднейский бизнесмен едет «отдохнуть» в пустыню на машине, захватив с собой дочь и шестилетнего сына. Когда девушка начинает на привале готовить пищу, а сын забавляться с водяным пистолетом, отец вдруг достает настоящий пистолет и стреляет в детей. Детям удается убежать, и тогда убийца становится самоубийцей. Он поджигает автомобиль и приканчивает себя выстрелом.

Дети остаются один на один с пустыней. Умирая от жажды, они случайно набрели на маленький источник. Наутро вода в источнике исчезает (что источники, в Австралии порой исчезают целые озера!). Их встречает юноша-абориген, которого соплеменники подвергли испытаниям. Он должен доказать

им свою способность выжить, стать настоящим мужчиной. Юноша трогательно заботится о детях белого человека, добывает им пищу и воду. Спасенные всюду следуют за спасителем и приходят в конце-концов к покинутой ферме.

Пока девушка устраивается в доме, юноша разрисовывает себя и начинает свадебный танец: у него есть дом, девушка. Он танцует весь день, весь вечер — и все напрасно. Девушка притворяется, что не понимает его. Утром на дереве возле хижины зрители видят тело повесившегося. Юноша не смог доказать себе и другим способность перешагнуть барьер, отделяющий его от мужчины, а девушка из «белого мира» не сумела преодолеть другой, более страшный барьер — расовый.

В эпилоге фильма жена преуспевающего бизнесмена, вспоминает далекие годы и понимает: жизнь когда-то предоставила ей две дороги на выбор. Выбор был сделан, и она не жалеет о нем.

В картине Роега чувствуется почерк зрелого режиссера, есть удачные находки. И тем не менее в ней отсутствует главное — проблемы, которые по-настоящему волнуют австралийцев, в том числе и расовая проблема. Ее затронули лишь слегка.

Народ Австралии создал самобытную культуру, литературу, которая в последнее время приобретает все большую известность за рубежом, и, конечно же, способен создать свое киноискусство. Один из примеров тому — документальный фильм «Голубая вода и белая смерть». Как забыть, к примеру, встречу с Валери Тэйлор, одним из авторов этой нашумевшей в Австралии, да и в мире, документальной ленты?

Валери Тэйлор не раз встречалась в океанской пучине лицом к лицу со смертью.

Австралийцы получили возможность увидеть эти встречи заснятыми на пленку. Герои документального фильма «Голубая вода и белая смерть» — хрупкая 36-летняя женщина, ее муж и, конечно, акулы.

— Да, мы пока еще живы,— счастливо улыбается Валери,— быть может, потому, что Рон и я не делаем ничего плохого, и акулы платят нам тем же. А может быть, судьба — наш друг.

Валери считает, что акулы, ежегодно уносящие многие человеческие жизни, не так уж страшны.

— За двенадцать лет подводных съемок,— рассказывает она,— я встречалась с тысячами акул, и, видите, со мной пока ничего не случилось. Акулы в принципе не едят людей. Они их кусают, да и то по ошибке. Чтобы избежать смертельной опасности, надо знать правила «обращения» с ними. Эти правила почти гарантируют вам жизнь. Прежде всего, увидев акулу, не пытайтесь в панике уплывать от нее. Если пловец бьет лихорадочно по воде ногами, он кажется акуле легкой добычей. Плывите медленно, равномерно. Прежде чем напасть, акула почти всегда толкает головой добычу. Тут самое время — я делала это не раз — ударить ее по глазам. Если не поможет и это, тогда худо... Человеку не справиться с акулой в воде.

Жизнь Валери Тэйлор, несмотря на «мирный» характер акул, полна неожиданностей, никогда не знаешь, вернешься живой «домой» — на корабль, в тесную, ставшую чуть ли не постоянным домом каюту.

Валери, Рон и итальянский кинооператор снимали у австралийских берегов цветной фильм об акулах. Операторы бросали акулам конину, и они подплывали вплотную к людям. В этот раз акулы не могли причинить зла. Операторы находились в специально сделанной клетке из проволоки, привязанной к судну гибким металлическим тросом. И вдруг вдалеке возникла тень белой акулы. Огромная, она медленно приближалась, то уходя в глубину, то вновь поднимаясь кверху. Вот она над клеткой и неожиданно наталкивается мордой на трос. Испуг, акула бросается в сторону и... оказывается в плену — трос опутал ее туловище. Морской хищник рвется изо всех сил. Проходит 10—20 минут, может быть, час. У Валери не было времени считать минуты: она и ее муж едва успевали менять пленки. И это в условиях, когда клетку, как пушинку, кидало из стороны в сторону.

Трос оборвался, привязанный к судну конец упал в воду. Акула получила относительную свободу. Она могла теперь наброситься и разбить клетку или утащить ее в глубину. Операторам стало не до съемок. К счастью, хищник устал, медленно поволок клетку к поверхности океана. Женщина и двое мужчин ос-

мелели настолько, что покинули металлическое убежище и снимали теперь акулу вплотную.

Было решено акулу не убивать. С помощью моряков ее вытащили на мелководье, где Рон захотел освободить хищника от пут. Люди замерли, на их глазах человек играл со смертью. Рону удалось распутать акулу. Освобожденная, она медленно сделала круг, как будто не зная, как поступить с человеком. «Плыви, дорогая, плыви»,— только и мог сказать Рон. И она уплыла, растворившись в океане призрачной тенью.

Странный и редкий случай. В него можно не поверить. Но нет, он документален. Скрупулезно, с редким мужеством и хладнокровием Валери сумела заснять на пленку все детали этой поразительной битвы.

Фильм прошел в Австралии с большим успехом. Кинооператоры, режиссеры еще раз показали, что австралийское национальное кино имеет полное право на существование. 27 мая 1972 года Валери Тэйлор была вручена международная премия, присуждаемая человеку, лучше других сумевшему познакомить мир с тайнами океана.

Что же предлагают австралийцы в целях спасения, вернее, создания национального кино? Как и в телевидении, они требуют поставить иностранные монополии в жесткие рамки закона. В дополнение они выступают за организацию своей национальной школы киноискусства, школы не только в широком, но и в буквальном смысле этого слова.

Вопрос о создании школы, которая выпускала бы актеров кино и телевидения, время от времени дискутируется в парламенте. Вывод обычно делается такой: предложение о создании школы следует положить под сукно. У правительства нет на школу 4 миллионов долларов.

Да, 4 миллиона деньги немалые. Но находятся же до сих пор ежегодно правительством значительно большие средства для выплаты прибылей иностранным монополиям!

Австралийцы не сдаются. В борьбу за национальное кино и телевидение вступают все новые силы.

7

ДЕТИ, НЕ ПОХОЖИЕ НА РОДИТЕЛЕЙ

Английский король рок-н-ролла Джо Кокер уезжал из Австралии в Лондон, уезжал не по своей воле. Из Мельбурна его высылали местные власти. Я смотрел, как на телевизионном экране мелькала испитая физиономия, обрамленная длинными нечесаными волосами, и унылая тощая фигура.

Объектив старался выхватить из толпы крупным планом лицо Джо Кокера, но он все время прятал его за людскими спинами.

— Я бы сделал то же самое на его месте,— оправдывал Кокера голос диктора.— Не легко показываться зрителям после эдакой славной драки.

Австралийцы знали, о чем идет речь. Накануне ночью Джо затеял потасовку с полицией, когда владелец мотеля «Комодор шато» попытался выдворить его из гостиницы за скандалы и постоянные пьянки. Драка переполнила чашу терпения, и, подогретые прессой, власти прервали австралийское турне «Бешеной собаки». Так заезжей знаменитости поп-джаза предложили покинуть страну, обвинив в хулиганстве и к тому же в ввозе наркотиков.

Пока диктор рассказывал о подробностях битвы Кокера с блюстителями порядка, мне вспоминались другие кадры. Не те, что передавались с аэродрома, а последнее выступление английской звезды поп-джаза в мельбурнском концертном зале «Фестивал холл».

На огромной сцене корчился маленький человек. Он то дико прыгал, то кричал в микрофон обрывки фраз, и семь тысяч молодых людей отвечали ему визгом и свистом. Кокер умел «раскачать» поклонников, подвести их незаметно к грани безумия. Распаленные грохотом джаза, они, казалось, пошли бы за ним в преисподнюю, только прикажи он это.

— Свиньи, они могут истязать нас физически,— обвинял со сцены полицию Джо.— Но им не подчинить наши души! Они запрещают мне сегодня курить марихуану. Клянусь, эта сволочь через год сама не сможет обойтись без нее!

И, шагнув ближе к микрофону, Кокер забулькал опрокинутой в горло бутылкой шампанского.

Джо нуждался в отдыхе и вдохновении. Нелегко вот так крутиться волчком долгие ночные часы. И он черпал то и другое в смеси виски с шампанским. Семь тысяч громко подбадривали своего кумира: «Мы тебя любим, Джо!» И он, шатаясь от усталости и алкоголя, снова корчился у микрофона, отрабатывая любовь и доллары. Зал вопил и бушевал. И вдруг над всем этим взметнулся истерический визг женщины:

— Боже, что с ними? Боже, спаси и помилуй их!

Этот одинокий крик пронесся над головами. Пожилая женщина плакала, вытирая глаза большим цветастым платком. Соседи не обратили на нее внимания. Их не волновали чужие слезы.

Поздно ночью я долго не мог заснуть в тесном номере «Шератон мотеля», в ушах снова и снова раздавался крик женщины. Что это? Расшатанные нервы или трагедия матери, потерявшей общий язык со своими детьми?

Быть может, все-таки прав известный психолог Уилфред Джервис, назвавший всю молодежь Австралии «особым, отталкивающим племенем»?

«Особое, отталкивающее племя»... Семь тысяч, что переполнили зал в тот вечер, как будто бы доказывали его правоту. Дети, не похожие на родителей. Грязные босые ноги, волосы до плеч, выцветшая униформа — джинсы и боди-шёрт — облегающие тело рубашки. Не всегда разберешься, кто это — девушка или парень.

Старшее поколение когда-то чинно сидело в залах. Это — кричало, обнималось и целовалось у всех на глазах.

Но все это, так сказать, на поверхности. А что внутри? Какая она в действительности, сегодняшняя австралийская молодежь? Напишу только о фактах, с которыми приходилось сталкиваться мне, иностранному журналисту.

Дьявол на дороге

Душная летняя ночь. Мы с корреспондентом газеты «Геральд» Нейлом Жилеттом сидим за занавеской в зале мельбурнской психиатрической клиники в ожидании, когда моему австралийскому коллеге разрешат покинуть укрытие и задать вопросы юношам, что собрались здесь. Их немного сегодня, всего 14 человек, но у каждого за плечами трудные годы. Одни не раз пытались покончить с собой, другие отсидели разные сроки в тюрьмах, третьих выбросили с работы. И еще одна особенность, общая для них: все 14 — члены «общества анонимных игроков».

— Мое имя Джон, — рекомендуется один из них.— Почти профессиональный игрок. Сколько горя причинил я своим близким! Но выхода нет, как нет и лекарства от нашей общей болезни. Наша ставка — жизнь, а судьба — умереть у игральной машины. И все же я счастлив, что оказался сегодня здесь, среди таких же изгоев. Значит, я не один. Эта мысль даст мне силы выжить.

Джона сменяют другие, каждый рассказывает о себе, рассказывает, не таясь, как обкрадывает жену, друзей, хозяина, чтобы вечером бросить несколько долларов в узкую щель игрального автомата.

«Профессиональные» игроки. Почему государственные психиатрические клиники Австралии занялись теми, кто проводит свободное время в игорных клубах и у тотализаторов на бегах? Доктор Лин Бэроу утверждает: склонность к азартным играм — своего рода невроз, и его масштабы среди молодежи растут. Только в штате Виктория, по самым приблизительным данным, свыше 32 тысяч «игорных неврастеников». «Эти люди,— говорит доктор Бэроу,— не умеют контролировать свои эмоции, они

больны. Вот почему мы, врачи, сейчас пытаемся всерьез бороться с этой болезнью».

Психиатрические клиники рассылают анкеты с целью выявить потенциальных «игорных неврастеников». Если опрошенный положительно ответит на семь из двадцати вопросов анкеты, врачи берут его на учет.

Такими вот полумерами власти штата Новый Южный Уэльс намерены врачевать социальные язвы.

...Каждую пятницу, когда зажигаются огни Сивика — центрального района Канберры, сюда на площадь к фонтану съезжаются мотоциклисты.

В тот вечер Волк, Опоссум, Африканец и еще 20 молодых парней в кожаных куртках приехали сюда не просто поболтать друг с другом. Они собрались устроить поминки в итальянском кафе по соседству с фонтаном. Погиб их друг из Мельбурна — отличный парень, которого прозвали за доброту Святым Джо. Погиб не в результате дорожной катастрофы, он сам подписал себе смертный приговор.

Ночью, когда опустели улицы Мельбурна, Джо потихоньку, чтобы не проснулась мать, вышел из дома. Он долго катил мотоцикл и только за углом включил мощный двигатель. Не обращая внимания на светофоры, машина птицей рванулась к железнодорожному мосту на Спенсер-стрит. Когда до моста оставались считанные метры, его рука направила мотоцикл прямо к каменной стене основания моста...

Никто не знает, что пережил Джо в те короткие секунды, никто не знает, какую скорость развила его машина. Правда, полиция утверждает, что 140 километров в час. Останки Джо пришлось буквально соскабливать с каменных плит. Никому не известными остались причины самоубийства. Утром мать увидела в комнате Джо нетронутую постель, чистый лист бумаги на столе и шариковую ручку. Сын так и не решился написать ей записку. Быть может, знал: ей все равно не понять его. Как объяснить матери, что у ее «мальчика» была совсем другая, не похожая на ее молодые годы жизнь? Из этой жизни Джо видел только два выхода: в преступный мир или к каменной стене на Спенсер-стрит. Джо выбрал второе.

И все-таки, если проследить за последними годами жизни Джо, пожалуй, можно понять, с чего начался путь к самоубийству.

Сосед по улице, друг детства, получил от отца в подарок мощный японский мотоцикл. Конструкторы спрятали в мотор сорок лошадей, а его владелец разукрасил машину. Он нарисовал сказочных бабочек, цветы, лесных нимф, а на правой стороне бензобака вывел красной тушью жизненное кредо: «Любовь — все, что требуется человеку».

Каждую пятницу вечером сосед куда-то уносился с девушкой на машине. Джо только мог мечтать о таком большом мотоцикле.

Мотоцикл вошел в его жизнь неожиданно. Друг как-то взял Джо с собой в лес. Там на пикнике его познакомили с молодыми парнями и их подругами — женщинами средних лет. Неработающие жены преуспевающих мужей. Рутина домашних будней, скука повседневных телевизионных программ и деловых коктейлей по праздникам. Изо дня в день, из месяца в месяц. А тут возвращение в бездумную молодость, отказ, пусть на вечер, от принятых «обществом» норм. Через месяц «сахарная мама» подарила Джо мотоцикл.

Так его судьба переплелась с лесными оргиями, марихуаной, любовью, в которой не было любви. Джо научился многому: например, на огромной скорости он мог теперь разбить длинной цепью ветровое стекло обгоняемой машины, остановить ее, вытащить водителя, избить, а то и сжечь автомобиль. Это не могло продолжаться долго. Джо мутило от такой жизни, и однажды он ушел к хиппи.

О чем он думал, мечтал, какие ценности пытался отыскать, лежа в дощатом бараке на берегу океана? Рядом тихо плескалась голубая волна, и так же тихо, размеренно текла жизнь сорока обитателей колонии. Рано утром их будили крики чаек и попугаев, а снаружи слепило глаза теплое тропическое солнце. Бросок в воду, а потом долгие часы безделья на укатанном прибоем песке. Днем нехитрый обед на случайно заработанные кем-нибудь из членов колонии деньги. Вечером в бараке все замирали от страха — может нагрянуть полиция. На грязном полу вповалку устраивались парни и девушки. Старший раздавал си-

гареты с марихуаной, «посвященным» иногда перепадал героин.

Как и там, в лесу, Джо прошел у хиппи «школу жизни». Научился мастерить себе одежонку, делать мыло и зубной порошок и даже принимать роды. Не постиг он главного: ради чего стоит все-таки жить? Хиппи тоже не сумели ответить ему на этот вопрос. Джо вернулся домой, вернулся, чтобы вскоре, позабыв о полных радости материнских глазах, свести личные счеты с жизнью на привокзальной улице Спенсер-стрит.

Может быть, самоубийства — результат заболевания психики, подорванной наркотиками и алкоголем? В Мельбурне, на родине Джо, мне пришлось услышать иной ответ на этот вопрос. Знаток молодежных проблем Ян Гамилтон заявил на публичной лекции: «Наше общество не может дать подрастающему поколению цели в жизни. И это корень всех зол».

Итак, жизнь без цели, без будущего, без веры в политические и социальные институты современного общества. Не в этом ли главная, а не второстепенная причина появления на свет «особого, отталкивающего племени»?

Друзья из общества «Австралия — СССР» познакомили меня с доктором Алланом Бартоломеем — главным психиатром тюрьмы Пентридж. Мнению доктора веришь без скидок, оно не результат умозрительных заключений и теоретических выкладок.

В тот вечер я услышал от доктора, как многие молодые преступники признавались ему, что пойти по скользкой дорожке их заставили серость, бесцельность жизни. Духовный вакуум не заполнить широковещательными рассуждениями политических деятелей, не заполнить и погоней за долларом, сексом, поп-джазом. Именно этот духовный вакуум, по мнению тюремного психиатра, побуждает одних отрицать современное «западное» общество, поселяться в колониях хиппи или искать для себя новую религию, острых ощущений, обращаться к оружию и насилию.

И еще один, по Аллану Бартоломею, корень зла — социальное неравенство. К двадцати годам большинство молодых австралийцев достигает своего финансового потолка. Стоя у бензоколонки, за прилавком

магазина, в цеху у конвейера, они не получают больше и в сорок пять лет. Немногое остается для них в обществе, где мерилом значимости человека служит не его моральный и умственный багаж, а счет в банке. А газеты, телевидение, радио ежедневно кричат о «большой жизни». «Большую жизнь» не связывают с прозрением ума, «большая жизнь» — за притемненными стеклами фешенебельных ресторанов, в отелях-небоскребах на песчаном берегу океана и, конечно, на собственных яхтах, что уносят на Фиджи или на другие сказочные тропические острова...

И у иных молодых людей возникает желание добиться изменения своего положения при помощи отмычки и крупнокалиберного пистолета.

Тюремный психиатр высказал еще одну мысль:

— Одни берутся за оружие, чтобы раздобыть деньги, но есть и такие, что замахнутся на устои. Ради самоспасения мы должны, просто обязаны дать им в жизни цель, цель, в которую они смогли бы поверить. Иначе нам крышка, иначе процесс не обратим.

Легко сказать — дать цель в жизни подрастающему поколению. Кто в состоянии сделать это? Школа? Я помню, как моя семилетняя дочь, ученица второго класса канберрской начальной школы, принесла домой обращение местного банка к родителям учеников: «Хотите, чтобы ваш ребенок вырос настоящим деловым человеком? Начните готовить его к этому с детства. Откройте для вашего малыша счет в отделении банка при школе. Десятки родителей уже поступили так».

К сыну, ученику пятого класса, обращались, уже минуя его родителей. В библиотеке одиннадцатилетним мальчишкам раздали книгу «Как взобраться на денежное дерево». Ее автор Джон Уорехэм учил их основным заповедям современного «западного» общества, а заодно и искусству жить.

«Несчастье Бетховена,— писал он,— заключалось в отсутствии деловых способностей. Он не додумался найти себе делового посредника и заплатил дорогой ценой: умер в нищете. Другое дело Элвис Пресли, он хотя и не так одарен, но сделал больше миллионов, чем имелось мужей у Элизабет Тейлор... Талант сам по себе бесполезен, если ты не готов запродать душу нашему обществу. И ты должен так

непременно поступить, коли хочешь добиться успеха».

Пусть разрешит мне читатель не ставить здесь точку. Слишком уж показательны поучения Уорехэма. «Успех,— писал он,— это чувство, которое овладевает тобой, когда ты побил всех и каждого. Успех точно измеряется также суммой прибыли. Успешный путь к твоей цели — это простое накопление денег. И никогда не прислушивайся к иному мнению. Все очень просто. Чем у тебя больше денег, тем большего успеха ты смог добиться. Тебе нет нужды и даже глупо признаваться в этом друзьям. Кстати, по всей вероятности, у тебя и не будет их до тех пор, пока ты не разбогатеешь. Полезно усвоить истину: новые друзья лучше старых. Пусть тебя не обескураживает мысль, что делать деньги довольно грязное ремесло. Утешай себя мыслью — когда ты станешь богатым, можно будет купить любых друзей по своему выбору».

И дальше. «Счастье — это когда у тебя по крайней мере две машины, дом и при нем бассейн. Счастье — хорошо сшитый костюм, скрывающий твою безобразную полноту. Счастье — возможность покупать лучшие парфюмерные средства не только для жены и детей, но и для маленькой собачки твоей жены. Счастье — это слуги, которые стирают твои рубашки, убирают дом, приносят тебе коктейли и берут на себя твои заботы. Счастье — возможность позволить себе иметь новую жену каждые три года».

— Но ведь есть и другие книги для молодого австралийца, скажут мне. Книги, которые могут научить хорошему. Что же, не спорю. Такие книги в Австралии есть, но подчас их надо долго искать. В австралийской столице Канберре даже в центре трудно купить Шекспира, Толстого, Драйзера или Хемингуэя. Зато проще простого обзавестить «Учебником секса для школьников» или «Пособием по любовной игре».

Поговорим теперь о тех, кто предлагает свои рецепты излечения «особого, отталкивающего племени». Пол Уорд и Грег Вуд, лекторы по криминологии Сиднейского университета, утверждают: есть единственный путь к духовной реформации молодежи — удлинить рабочее время, снизить жизненный уро-

вень населения, лишить женщин прав, сократить рождаемость в стране.

Вряд ли стоит говорить, что планы Пола Уорда и Грега Вуда не встречают поддержки даже у тех, в чью обязанность вменено следить за «политической нравственностью» молодежи. Другие времена, и тут уж ничего не поделаешь, надо искать иные средства борьбы за молодые умы. Так, по крайней мере, думает Кэн Робинсон, руководитель группы психологов по работе среди студентов Канберрского университета. Каждый день 32-летнего доктора можно видеть в стенах учебного заведения. Он беседует со студентами, приглашает их к себе на прием, часами просиживает на студенческих митингах и вышагивает километры в рядах молодежных демонстраций. Только таким путем, говорит он, я могу понять их и найти оружие борьбы с бунтом юных. Кэн Робинсон пытается отвратить молодежь не от наркотиков и поп-джаза, а от политической борьбы.

Честные австралийцы

Я помню, как на большой лужайке тенистого Гайд-парка в Сиднее собралось много людей. День переходил в вечер, гасли тревожные краски заката, и на фоне зелени темными уступами вздымались ввысь небоскребы Сити. И откуда-то из этого Сити к парку подъезжали полицейские машины с красными, пока еще лениво вращающимися сигналами на длинных и плоских крышах. Хлопнув дверцами, полицейские выстроились в шеренги и взяли в глухое кольцо грузовик, на платформе которого стоял высокий худой человек — его звали Джим Кернс. Этого парня не раз показывали по телевидению, его знала вся страна. Те, кто стоял в рядах демонстрантов у грузовика, понимали — перед ними не просто член парламента от тогда еще оппозиционной лейбористской партии, а активный участник борьбы за социальные права австралийских трудящихся, против агрессивной политики империалистических государств в Юго-Восточной Азии. Было известно также, что правые угрожали убить его.

Две тысячи человек собрались в тот день на антивоенный митинг в парке. 200 тысяч листовок с при-

зывом положить конец вьетнамской войне раздали на фабриках и заводах. «Справедливость на стороне ДРВ и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама!» — говорилось в этих листовках. И совсем как крик души: «Наступил час, когда австралийцы должны объявить миру, на стороне кого они будут бороться,— на стороне бедных и угнетенных или богатых и угнетателей!»

«Грязная война» стала своего рода мощным телескопом, приблизившим события на Индокитайском полуострове к берегам пятого континента настолько, что для многих молодых австралийцев уже не составляло труда разглядеть и преступность этой авантюры, и преступный характер помощи ее вдохновителям со стороны правительства либералов и аграриев. Стертые бомбами с карты мирные села и города, убитые женщины и дети убеждали: вот чудовищная несправедливость, и в борьбе с ней должен участвовать всякий честный человек.

Призыв нашел громкий отклик у молодых, но не у тех, кого я видел на концерте заезжей звезды поп-джаза, одурманенных наркотиками и алкоголем. На него откликнулись десятки тысяч юных сердец, которым дороги идеалы справедливости и свободы. А эскалация войны в Индокитае предопределила и эскалацию форм протеста по всей Австралии — от сидячих забастовок в университетских стенах и стычек с полицией до сжигания воинских повесток и многотысячных маршей за вывод австралийских воинских частей из Вьетнама. Так сама жизнь перечеркнула обвинение профессора Уилфреда Джервиса в адрес современной молодежи.

Не помню точно, какой из журналов опубликовал в 1972 году статистическую характеристику трансформации политических настроений молодежи Австралии за последние восемь лет. В начале американской агрессии, отмечал журнал, около 70 процентов студенческой молодежи так или иначе поддерживало ее. К концу вьетнамской авантюры статистика зарегистрировала те же 70 процентов, но теперь уже не за войну, а за немедленное прекращение ее. Итак, поворот на 180 градусов, именно поворот, а не просто очередной и случайный сдвиг влево. Наступило настоящее политическое прозрение австралий-

ской молодежи. За восемь лет совершился перелом, на который в обычных условиях, возможно, потребовались бы десятилетия.

...Студенческий кризис, бунт молодежи, резкий политический поворот влево — вот характерные процессы в молодежном движении.

Но, быть может, эти определения потеряли силу, когда отгремели последние залпы «грязной войны»? Нет, не потеряли. Война ушла в историю, но прозрение молодых осталось, остались и источники, питающие его. Даже по официальным данным, в цифровом выражении нынешняя картина настроений молодежи Австралии не сулит надежд на «поправение» подрастающего поколения. Опрос, проведенный уже после войны во Вьетнаме, показал: 36 процентов молодых людей в стране причисляют себя к группе «левее центра», 44 процента — к «центру» и только 13 процентов — к «консерваторам». Цифры достаточно выразительные. Добавьте к этому размах студенческого движения, который не выразить никакими цифрами.

Истоки студенческого недовольства различны. Это прежде всего — безработица. Многие из выпускников школ, колледжей и высших учебных заведений ежегодно обивают пороги фирм, предприятий, контор в поисках работы. Большинство молодых людей вынуждены соглашаться на ту работу, которая не отвечает их надеждам и ожиданиям, не соответствует их профессии. Это — рост стоимости высшего образования. С июня 1972 года плата за обучение в высшем учебном заведении, и без того исчислявшаяся тысячами долларов, подорожала еще на 700 долларов.

«В результате,— писала газета «Острэлиан»,— тысячи бедных студентов будут вынуждены оставить университеты. Высшая школа все больше «становится достоянием элиты». Это — бесправное положение в Австралии молодежи из числа аборигенов.

О политике в отношении коренного населения материка, политике, проводившейся на протяжении последних 200 лет, стóит, пожалуй, подробнее поговорить, ибо слишком далеко ушли ее корни в историю, слишком серьезны породившие ее причины, слишком тяжелы последствия.

Обездоленные

К фотографиям, что висят в моей московской квартире, добавилась новая — лидер молодежного движения аборигенов в Сиднее Пол Томас Коу дает мне интервью. Этот снимок мне дорог. Он — память о нашем первом знакомстве. За время журналистской работы в Австралии я был частым свидетелем жаркой, доходившей порой до рукопашной, борьбы, когда тысячи людей захлестывали мощным потоком улицы Сиднея, Канберры, Мельбурна, требуя равноправия для аборигенов, земли, работы. Но в тот теплый октябрьский день я впервые увидел своими глазами, как живут аборигены, вернее, их «привилегированный» городской слой. А увидев, понял, почему тысячи «цветных» австралийцев поднимаются на борьбу.

Пол Коу и его друг Соломон Бэли заехали за мной в сиднейскую гостиницу на машине. В старом «холдене» что-то беспрерывно скрежетало, визжало и грохотало. Часто застывали мы без движения посреди забитой автомобилями улицы. Но все-таки через час мы сидели в сиднейском гетто аборигенов и Пол Коу сбивчиво и по-юношески горячо рассказывал мне о своей жизни, во многом типичной для десятков тысяч людей на австралийской земле.

— Посмотрите, как мы живем: нас здесь, в Редферне, немало — 20 тысяч человек.

Старые домишки, грязь, доведенная до крайности нищета. Не верилось, что рядом другие районы, с небоскребами, с уютными каменными особняками.

Пол живет в трущобах с детства. Вырос в поселке аборигенов при христианской миссии. С утра до ночи бесплатно гнул спину на белых фермеров за кусок хлеба. Протестовать, жаловаться? Некуда и некому. Миссионеры, власти, богатые фермеры действовали заодно.

— Я готов документально доказать то, что сейчас расскажу,— почти кричит в микрофон Пол.— Наших девушек похищают, как рабынь в стародавние времена. Полицейский пристрелил моего дядю и трех его близких друзей. А вы говорите — гражданские права!

Голос Пола наполняется гневом и горечью, когда он говорит о трагедии в его личной жизни. Родители

белой девушки любимой Пола запретили ей брак с «цветным». Девушка покончила с собой.

— В этой стране все против нас: закон, системы образования и здравоохранения. Здесь, в Редферне, смертность среди детей аборигенов в три-четыре раза выше, чем среди белых.

Пол не знает точных данных статистики в масштабе страны, а они рисуют еще более неприглядную картину положения аборигенов. 3 февраля 1971 года руководитель бюро здравоохранения Северной территории получил из министерства финансов Австралии директиву — сократить расходы на здравоохранение на 200 тысяч долларов в год.

В Дарвине доктор Лангсфорд записал короткую фразу в своем дневнике: «Трагический день!»

Он отлично знал, к чему приведет осуществление директивы. В резервациях на Северной территории смертность среди новорожденных детей аборигенов в 12 раз выше, чем среди белых детей. Теперь через три месяца, подсчитал доктор, половина всех новорожденных аборигенов будет обречена на верную смерть. Он ошибся, но ненамного. К концу 1971 года в подведомственных ему районах на каждую тысячу новорожденных детей аборигенов погибало 296.

Австралийские аборигены, рассказывает Пол, находятся в отчаянном положении. Их лишают человеческих прав.

— Пусть нам дадут возможность самим решать свою судьбу,— говорит Пол,— пусть белое правительство в Канберре докажет на деле, что оно отказалось от прошлого.

А прошлое ужасно. 200 лет назад, когда белые поселенцы приступили к активной колонизации, аборигенов убивали, чтобы захватить их земли, охотились на них ради забавы, наконец, травили стрихнином. Результат катастрофический — численность аборигенов сократилась более чем в два раза, а на крупнейшем острове Тасмания нынче почти забыли, как выглядит абориген. Так на практике сработал лозунг колонизаторов: «Если им не захочется стать рабами, мы их истребим».

В наши дни оставшихся немногочисленных аборигенов подвергают дискриминации, заставляют работать в самых тяжелых условиях.

— Нынешний абориген — замечает Пол,— это человек, за которым, как за подопытным кроликом, тщательно наблюдают, но о котором меньше всего заботятся. Буквально сотни белых специалистов измеряли, взвешивали его, записывали на магнитофонную ленту его голос и писали об этом в научных журналах. Однако, как и прежде, австралийские аборигены страдают от проказы. Распространены желудочно-кишечные заболевания, почти четыре пятых детей стали хроническими больными. Некоторым детям может повезти, их разлучают с семьями и посылают в такие специальные школы, как школа Кормидла, вблизи Дарвина. Но, даже получив образование, они продолжают подвергаться дискриминации и не могут найти работу.

Так, в докладе о расизме в Австралии, нашумевшем в стране в начале 70-х годов, приводились следующие цифры. 98 процентов аборигенов в штате Квинсленд принадлежат к категории неквалифицированных рабочих, 50 процентов из них не имеют вообще никакой работы. И это в обласканном природой штате, который называют Королевской землей.

Австралийские суды, особенно в провинции с предубеждением относятся к аборигенам.

Спрашиваю Пола: уж так ли все мрачно? Есть же аборигены, добившиеся успеха в жизни. Блестящая молодая теннисистка Ивонна Гулагонг известна во всем мире. Священнику Дугласу Николсу английская королева Елизавета даровала дворянское звание. Невилл Боннер — сенатор, член федерального парламента. Наконец, Робер Наматжира — художник, его полотна прославили австралийскую природу. Есть немало учителей, врачей.

— А остальные? — отвечает вопросом на вопрос Пол.— Посмотрите, как живем мы здесь, в Редферне, и вы многое поймете. Пол ведет к Мини Томпсон. У нее семья из 7 человек, две комнаты в старом, мрачном, развалившемся доме. За жилье Томпсоны платят 34 доллара в неделю — примерно половину дохода семьи. Я сказал ей, что за такие деньги ее семья могла бы снять приличную квартиру в районе ближе к центру Канберры или Сиднея. Она грустно улыбнулась — аборигенам не сдают квартиры в таких районах.

Ну хорошо, это в Сиднее. Но мне не раз доводилось читать впечатления иностранных туристов об условиях жизни аборигенов в Элис-Спрингсе, городке, расположенном в центре пятого континента. Сюда зарубежные гости ездят посмотреть на рисунки аборигенов в пещерах, сделанные многие тысячелетия назад. Возле городка — хорошенькие кирпичные домики, современный магазин и зал собраний. С бумерангами-сувенирами туристы возвращаются в город, а потом рассказывают на страницах газет, как хорошо живется аборигенам, как к ним прекрасно относятся власти.

Пол не стал меня разубеждать. Он прислал мне позднее по почте американский журнал «Ньюсуик» со статьей Тони Клифтона, уроженца Австралии. Тони специально по заданию журнала побывал в резервациях аборигенов под Элис-Спрингсом и написал для «Ньюсуика» репортаж.

Местность здесь голая, рассказывает он, напоминает лунный ландшафт. Она почти лишена тени. Прямоугольные алюминиевые бараки на бетонных фундаментах. В бараках нет электричества, стекол, водопровода, а летом температура в помещениях достигает 120 градусов по Фаренгейту. Многие аборигены в Элис-Спрингсе вынуждены ночевать под открытым небом, прямо на земле, в руслах высохших рек. Вечером в этих местах вы можете увидеть десятки пьяных мужчин, уткнувшихся лицом в землю, голых детей со слезящимися глазами и стариков, кутающихся в грязные одеяла.

Пол видит выход в объединении аборигенов, в организации их на борьбу. Объединение в большинстве своем отсталых, забитых и разобщенных на враждебные племена людей — нелегкое дело.

В резервациях за колючей проволокой, в поселениях при миссиях, в трущобах больших городов накапливается взрывчатый материал. Мне не раз приходилось быть свидетелем вспышек недовольства.

В 1972 году 6 месяцев в Канберре на прилизанном газоне перед зданием австралийского парламента просуществовал палаточный городок, получивший название «Посольство аборигенов». Его жители требовали от правительства либералов и аграриев вернуть захваченную у их прадедов землю или выпла-

тить компенсацию за нее. Оторванные от рабочего класса и его организаций, участники этого движения надеялись, что накануне выборов в парламент навстречу пожеланиям аборигенов пойдут или правящая коалиция либералов и аграриев, или опозиция. Однако аборигены оказались брошенными на произвол судьбы.

20 июля 1972 года в 11 часов 30 минут утра 70 полицейских окружили палаточный городок. В нем были не одни аборигены. Вместе с ними выступили студенты Национального австралийского университета.

Большинство людей думало, что столкновения не произойдет. Полиция тоже ждала,— ждала возможно сигнала от главы правительственного кабинета. Ей было известно, что десять минут назад премьер-министр Макмагон получил записку, в которой говорилось: «Если вы лично или ваш министр внутренних дел выйдете поговорить с народом, то это поможет умеренным элементам взять верх над крайними. Кровопролития не будет, люди мирно подчинятся вашему распоряжению».

Но премьер-министр молчал. Ему было некогда, объяснили позже газеты, он обсуждал государственный бюджет. Тогда Пол Коу взял в руки мегафон. Его голос был хорошо слышен в кабинетах и коридорах парламентского здания. Потеряв надежду увидеть премьера, Коу обращался теперь к министру внутренних дел:

— Господин Хант, еще не поздно помешать кровопролитию. Вы же не раз говорили нам о своей приверженности к демократии. Чем не блестящая возможность доказать нам сегодня это? Просим Вас выйти и поговорить с людьми.

Ответа не было.

Тогда Пол обратился к белым, что стояли с ним в рядах защитников палаточного городка и на ступеньках парламентского здания:

— Австралийские мужчины и женщины,— говорил он,— белые и аборигены вместе сражались и умирали в борьбе против фашизма в годы последней войны. Многие погибли, защищая демократию. Я призываю вас сегодня защитить здесь дело, за которое они боролись и отдали свои жизни. Они умерли за права

людей. То, что происходит здесь с нами сегодня, безусловно, может завтра случиться и с белыми.

Спустя десять минут инспектор Осборн отдал приказ. Дюжие полицейские ринулись по команде на штурм нескольких палаток. Удары огромных кулаков, щелканье наручников, крики, раненые, арестованные. Через тридцать минут на лужайке было пусто и тихо, только ветер шелестел обрывками лозунгов и газет.

Тишина оказалась обманчивой: в тот же день вечером и на следующее утро она взорвалась громкими протестами общественности. Изменились времена, политические взгляды и моральный настрой людей. Отражая эти изменения, «Эйдж» писала: «Насилие полиции было трагедией, особенно в том смысле, что оно способно привести к таким отношениям между расами в нашей стране, которые не делают чести Австралии».

Развивая тезис о трагедии, «Канберра таймс» пыталась проанализировать причины недовольства аборигенов. За годы существования австралийского государства, указывала она, коренные жители пятого континента не получили почти никаких прав в экономической, политической и социальной областях. «Короче говоря,— подчеркивала газета,— австралийцы сделали ничтожно мало для дела, которое громко вопиет о необходимости немедленного вмешательства и неотложной гуманной помощи в самых широчайших масштабах».

...Я прощался с Полом в тот день в канберрской больнице — у него была проломлена голова и отбиты внутренности. Но он по-прежнему не утратил силы духа и веры в свое дело.

Австралийская молодежь. Одни бегут от действительности к хиппи, в наркотические сны или «скрашивают» жизнь поп-искусством и ночными оргиями. Протест других активен. И за этой группой борцов за социальный прогресс будет идти все большая часть молодежи Австралии, потому что за ней будущее.

8

ДОРОГАМИ ДРУЖБЫ

Когда я думаю об Австралии, мысли прежде всего возвращаются к первым дням в Канберре и двухэтажному особняку, отгороженному от улицы стеной из плотного кустарника почти что в рост человека. Этот скромный домик — посольство Советского Союза.

Ежедневно в 9 утра к флагштоку во дворе подходит комендант, и большое алое полотнище не спеша поднимается вверх.

В Канберре немало других посольств. Японское — в стиле модерн. Таиландское построено в национальном стиле — посольство-пагода, бесконечные ярко раскрашенные золотые шпили.

И все же пристальное внимание австралийцев приковано к советскому посольству. И в этом убеждаешься сразу.

Сюда идут поделиться своими мыслями, высказать просьбы. Особенно многолюдно в советском консульстве. Одни хотят поехать в Советский Союз туристами, другие просят визу, с тем чтобы совершить деловую поездку.

Разные люди, разное отношение к нашей стране. Я помню свой первый приезд в посольство. Теплые улыбки друзей, внимательные глаза тех, с кем знакомят впервые. Какой он, мол, наш новый товарищ? Советских людей тут мало, не более 15 дипломатов, представителей торгпредства, журналистов.

Незаметная повседневная работа посольства открывает для нас сердца австралийцев.

Во дворе посольства под сенью эвкалиптов приютился деревянный склад. Вечерами возле него собираются дети. На крышу склада спускается с дерева гость — дикий опоссум. Размером с кошку, он пугает всех своим громким криком.

Утром, когда открывается дверь склада, удивленному глазу постороннего предстает внушительное зрелище: десятки круглых металлических коробок всех размеров. В них хранятся советские художественные и документальные фильмы. Коробки сильно помяты, чувствуется, им не раз приходилось бывать в деле. И каждое путешествие жестяных коробок начиналось с очередного письма. Писем поступает ежемесячно сотни. Среди них много «нейтральных». «Дорогой сэр, учащиеся военного офицерского колледжа хотели бы ознакомиться с жизнью вашей страны. Не пришлете ли нам ваши фильмы о вооруженных силах». «Дорогой сэр, нашу школу интересуют фильмы о природе, климате, городах Советского Союза. Не смогли бы выслать нам пару картин. Сохранность их мы полностью гарантируем».

Немало и других писем без изысканно вежливых оборотов. Дескать, любим вашу страну, пристально следим за ее успехами. Будем рады любому фильму. Так пишут из профсоюзных организаций, из ячеек Социалистической партии Австралии.

...Дело дружбы с Советским Союзом. Движение за развитие всесторонних связей с нашей страной значительно шире партийных и профсоюзных рамок. И в этом на австралийской земле убеждаешься всюду. Сначала тебя убеждают цифры — 11 активно работающих отделений Общества австралийско-советской дружбы в крупных и маленьких городах. Затем слово берут факты. И они говорят о том, что у Советского Союза много друзей в Австралии. В Сиднее я встретился с делегацией советских туристов — 20 человек, люди разных национальностей и профессий. Большинство никогда не встречалось с австралийцами. Теперь они открывают их для себя.

В холле ресторана хозяева из местной туристской компании ждали советских гостей. Веселые шутки, общие разговоры, никакой суеты. У работников фирмы не болит голова о программе. Они знают — туристы из СССР нарасхват. Их забирают автобусы. Де-

вять вечера, люди устали после утомительного перелета, но их уже давно ждут в Обществе австралийско-советской дружбы.

Собрание в местном отделении общества проходило оживленно. Люди не сидели, а стояли за столиками. Слушали речи, разговаривали с соседями.

В тот вечер говорили все. Строитель, Герой Социалистического Труда Владимир Копелев оживленно беседовал с рабочими парнями из сиднейского порта. Высокие, дюжие, с взбугрившимися под рубашками мускулами рук. Сколько зарабатывает советский строитель? Как с жильем? Что сделано по советской Программе мира? Володя только успевал отвечать. Уже в Москве на Красной Пресне я видел толстую пачку писем с австралийскими почтовыми штемпелями, которую получил Копелев.

Интерес к Советскому Союзу в Австралии заметен всюду.

В Сиднее есть небольшой книжный магазин. Покупателей много, хотя книги за рубежом вообще-то не дешевы — в несколько раз дороже, чем в той же Москве. Профессора, преподаватели сиднейских высших учебных заведений приходили в магазин за марксистской литературой. Ленин, современная экономика — вот, пожалуй, что больше всего привлекает их интерес. Не думаю, чтобы профессора разделяли наши убеждения, просто без знания марксистской теории сегодня нельзя преподавать социальные дисциплины.

Студентов привлекает все о советской молодежи на английском и русском языках. И, конечно, наука и периодика. Большой популярностью пользуется журнал «Новое время».

В сиднейском магазине, как и в Канберрской фильмотеке Советского посольства, особенно четко осознаешь: нити интереса к советской действительности протянулись не только на тысячи километров по всей Австралии. Более важно другое — этот интерес охватывает те слои общества, которые раньше и думать не думали о нашей стране.

События развиваются порой с удивляющей быстротой и часто трудно предугадать, какую роль они сыграют в будущем.

После прихода к власти лейбористское правительство действовало довольно энергично. За два года под давлением трудящихся масс в Австралии произошли перемены, каких не наблюдалось за всю ее историю.

Коалиция либералов и аграриев не примирилась с поражением и вместе с Демократической лейбористской партией перешла в открытое наступление. Впервые за время существования австралийского парламента сенат, в котором большинством мест по-прежнему располагали правые партии, отказался голосовать по двум законопроектам об ассигнованиях. Правительство Г. Уитлема приняло вызов, и, объявив о роспуске обеих палат, назначило новые выборы.

9

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

18 мая 1974 года австралийцы вновь пришли к избирательным урнам.

В результате новых всеобщих выборов лейбористы получили в палате представителей 66 мест из 127, а в сенате — 29 из 60. Это свидетельствовало о том, что большинство австралийцев вновь отвергло притязания либералов и аграриев на руководство страной.

Косная и реакционная политика коалиционного правительства либералов и аграриев привела к обострению кризисных явлений в экономике, ухудшению положения трудящихся, ро-

сту цен, напряжению внешнеторгового баланса. Столкнувшись с этими трудностями и под давлением трудящихся и левых сил в лейбористском движении правительство Уитлема оказалось вынужденным провести определенные реформы.

С целью ослабить кризисные явления в экономике кабинет Г. Уитлема увеличил бюджетные ассигнования на жилищное строительство, образование, пособия по безработице. Правительство заявило о своем намерении установить в законодательном порядке минимум заработной платы, ввести бесплатное среднее и высшее образование, разработать всеобщую систему социального страхования и повысить размеры пенсий. Правительство лейбористов разработало также ряд мер по контролю над иностранным капиталом и провозгласило свое намерение «выкупить» австралийскую экономику у иностранного капитала.

Выступая с программой партии на выборах 1974 года, Г. Уитлем обещал не повышать налогов в 1975/76 финансовом году, сбалансировать бюджет и усилить контроль за деятельностью международных корпораций в Австралии.

Экономика при лейбористах выбралась из кризисного спада 1972 года. Финансовое положение страны к 1975 году стало относительно более устойчивым. И тем не менее в Австралии продолжают оставаться высокими темпы инфляции, растут цены на товары, повышаются квартирная плата, плата за проезд городским, железнодорожным и воздушным транспортом, а также стоимость медицинского обслуживания и коммунальных услуг.

Эффективно бороться с инфляционными процессами лейбористское правительство Австралии не в состоянии, ибо они тесно связаны с кризисными явлениями в экономике других капиталистических стран, тем более что в 1974 году инфляция в Японии, США и в западноевропейских странах — главных торговых партнерах Австралии значительно усилилась. К тому же лейбористы сталкиваются с упорным противодействием со стороны правых сил.

Победа лейбористской партии привела к значительному изменению внешнеполитического курса. Уже через несколько дней после прихода к власти лейбористское правительство изменило тон, акценты

и общее направление внешней политики, писала английская газета «Файнэншл таймс» уже в 1973 году.

Новые власти сделали упор на укрепление «самостоятельности» Австралии в международных отношениях. Как заявил в одном из своих выступлений премьер-министр Гоф Уитлем, «общее направление перемен должно быть таким, чтобы Австралия занимала в международных делах более независимую позицию, чтобы военные факторы не играли в ее ориентации такой роли, чтобы рос ее авторитет как самостоятельной, незамкнутой, готовой к сотрудничеству страны, пользующейся уважением не только в районе Азии и Тихого океана, но и во всем мире».

Тем не менее Уитлем сразу после вступления в должность подтвердил готовность своего правительства поддерживать военный союз с США и Новой Зеландией, основанный на договоре АНЗЮС. Министр обороны Барнард, выступая в парламенте 30 мая 1973 года, заявил, что Австралия «будет и впредь осуществлять программу оборонного сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии и Тихого океана, делая больший упор на самооборону страны». Лейбористы сохраняют обязательства по блоку АНЗЮС. Австралия остается и в СЕАТО, о котором до прихода к власти лейбористы говорили как о «дохлой лошади».

Стремясь подчеркнуть независимость Австралии, глава лейбористского кабинета после его избрания на этот пост прежде всего посетил соседние страны — Новую Зеландию, Индонезию, Самоа и только в апреле 1973 года нанес визит в Лондон. Последующие поездки Г. Уитлема в 1973—1974 годах в Индию, Японию, КНР, в страны Юго-Восточной Азии показали, что новое правительство придает большое значение своим отношениям со странами Азии.

Говоря о характере изменений в австралийской внешней политике, Гоф Уитлем заявил 30 июля 1973 года в Национальном клубе печати в Вашингтоне: «Мы не являемся ничьим сателлитом. Австралия — друг и партнер Соединенных Штатов, особенно на Дальнем Востоке, но у нее свои независимые интересы... Наши отношения с Соединенными Штатами имеют очень большое значение, но они опять-таки представляют собой только один аспект наших

интересов и обязательств... Чего мы хотим, так это позаботиться о том, чтобы официальная американская точка зрения не была единственной точкой зрения, принимаемой во внимание австралийским правительством».

В конце 1972 — начале 1973 года Австралия установила дипломатические отношения с КНР, ГДР, ДРВ. В феврале 1974 года принято решение признать КНДР. Австралийские военные советники, все еще остававшиеся во Вьетнаме, были отозваны на родину, а военная помощь Сайгону и режиму Лон Нола в Камбодже прекращена.

Австралия ратифицировала договоры о нераспространении ядерного оружия и о запрещении размещения ядерного и других видов оружия массового уничтожения на дне морей и океанов, подписала ряд конвенций ООН и Международной организации труда по социальным вопросам и правам человека. Правительство лейбористов приветствовало подписание парижского соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме и выразило готовность сделать все, чтобы не были упущены возможности для установления длительного мира в районе Индокитая.

На 30-й конференции лейбористской партии — первой после победы на парламентских выборах — Гоф Уитлем заявил, что улучшение советско-американских отношений открывает новые горизонты и новые возможности для укрепления мира и разоружения. «Австралия,— подчеркнул он,— должна сыграть свою роль, чтобы эти глобальные возможности не были упущены». Выступая в ходе предвыборной кампании 1974 года в национальном пресс-клубе, премьер-министр Г. Уитлем вновь подчеркнул приверженность Австралии политике разрядки международной напряженности, мирного сосуществования стран с разными политическими системами.

Впервые в истории отношений СССР и Австралии в 1973—1974 годах был осуществлен обмен парламентскими делегациями. Лорд-мэр самого крупного австралийского города Сиднея Д. Г. Гриффин посетил СССР и опубликовал в австралийской прессе ряд статей о поездке. В начале 1974 года открылось генеральное консульство СССР в Сиднее. В результате

визита в Австралию в марте 1973 года министра внешней торговли СССР Н. С. Патоличева между Австралией и Советским Союзом подписано новое долгосрочное соглашение о развитии торговли и экономического сотрудничества, а торговый оборот в 1974 году составил 183,9 миллионов рублей — в два раза больше, чем в 1972 году, когда у власти находилось правительство либералов и аграриев.

В январе 1975 года по приглашению Советского правительства Советский Союз посетил с официальным визитом премьер-министр Г. Уитлем. В результате его визита стороны заявили о своей готовности и дальше развивать всесторонние дружественные отношения.

В совместном коммюнике Советский Союз и Австралия высказались за распространение разрядки напряженности на все районы мира и придание ей необратимого характера. Обе страны выразили надежду на успешное завершение в ближайшее время общеевропейского совещания и заявили о своей решимости всемерно содействовать превращению Азии в континент мира и сотрудничества. Они подчеркнули необходимость неукоснительного выполнения парижского соглашения по Вьетнаму. В коммюнике выражается надежда на скорейшее возобновление Женевской мирной конференции по всестороннему урегулированию ближневосточной проблемы. Правительства СССР и Австралии высказались за созыв Всемирной конференции по разоружению, подтвердили свои обязательства в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия и решимость добиваться эффективного и универсального осуществления этого договора, а также скорейшего достижения договоренности относительно полного запрещения всех испытаний ядерного оружия и запрещения химического оружия. Впервые в истории советско-австралийских отношений обе страны подписали соглашение о культурном и научно-техническом сотрудничестве. Выступая по советскому телевидению, Гоф Уитлем выразил удовлетворение итогами визита в Советский Союз.

СССР и Австралия располагают широкими возможностями для того, чтобы строить взаимовыгодные всесторонние связи на основе мирного сосу-

ществования государств с различными социально-политическими системами. В отношениях между Советским Союзом и Австралией нет каких-либо спорных вопросов и проблем. Это облегчает дальнейшее развитие советско-австралийских отношений, расширение сотрудничества в самых различных областях, что отвечает интересам советского и австралийского народов, интересам укрепления всеобщего мира и безопасности на земле.

* * *

...Пришло время поставить последнюю точку в этой книге. Вот и последняя поездка по австралийской земле. Маршрут на редкость короткий — всего пять километров до Канберрского аэродрома.

В аэропорту собрались друзья, москвичи, с которыми впервые встретился за 20 тысяч километров от родины. Последний взмах руки — до свидания, счастливо оставаться. Будь счастлива и ты, Австралия.

Под крылом самолета остался Сидней. Через несколько часов Сингапур, а там — советский самолет, советские стюардессы, почти родина. Двое суток спустя буду вновь ходить по заснеженным улицам Москвы. Но пока еще мысли в Австралии, вернее, в ее столице. Уже в самолете невольно пытаешься проанализировать пеструю мозаику впечатлений. Но нет, не под силу сделать это так сразу.

Ясно одно — все острее на пятом континенте борьба старого и нового.

Хочется надеяться, что здоровые силы страны одержат победу в этом противоборстве. Эта победа нужна народу далекой Австралии.

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Иванович Чехонин

АВСТРАЛИЙЦЫ У СЕБЯ ДОМА

Заведующий редакцией
К. Н. СВАНИДЗЕ

Редактор
Т. Г. КЛИМОВА

Младший редактор
Е. А. САКОВИЧ

Художник
А. А. БРАНТМАН

Художественный редактор
Г. Д. РАСТОРГУЕВ

Технический редактор
Л. К. УЛАНОВА

Сдано в набор 30 апреля 1975 г. Подписано в печать 1 августа 1975 г. Формат 84×108[1]/[32]. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 8,4. Учетно-изд. л. 7,93. Тираж 100 тыс. экз. А 11282. Заказ № 4504. Цена 39 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

Чехонин Борис Иванович — журналист-международник. Хорошо известен советскому читателю по выступлениям в прессе. Долгое время работал корреспондентом «Известий» и ТАСС в Японии, Австралии и Новой Зеландии. Автор нескольких книг. За работу в печати награжден орденом Трудового Красного Знамени. Последняя его книга «Многоликая Япония» была выпущена Издательством политической литературы в 1970 г.
В настоящее время работает в ТАСС.

39 коп.

